

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

ШАГНУТЬ ЗА ГОРИЗОНТ

Фантастическая повесть

Перед вами мое первое серьезное сочинение.

Когда я написал эту вещь, здесь стояло совсем другое предисловие, в котором говорилось, что персонажи данного произведения не имеют реальных прототипов и вообще не стоит искать в повести параллелей с моей реальной жизнью. На деле же все как раз наоборот. «Шагнуть за горизонт» – это зеркало, в котором отразилось очень много меня и я постепенно прихожу к мысли, что в этом дебютном тексте я сразу по максимуму отобразил все, что только мог. Я это, можно даже сказать, вывалил наружу. То, что рождалось после – это плод скорее ума, здесь же, на этих страницах, живет моя душа. Юная, страдающая, но полная надежд и веры в лучшее.

Безусловно, найдутся желающие упрекнуть меня в чрезмерном увлечении виртуальностью по-Лукьяненковски. Возможно, они в чем-то будут правы. Но лишь в чем-то – в это трудно поверить, но идея написания «Шагнуть за горизонт» возникла еще до того, как я узнал о существовании Диптауна.

В конце повести вы найдете список пояснений по авторству приведенных в тексте строк. Не сочту за труд выразить всем, стоящим в этом списке, искреннюю благодарность за вдохновение.

Пожалуй, все. Не буду более задерживать, если вы решились ШАГНУТЬ...

Глава 1

– Чем ты, в конце концов, недовольна?

Ну, вот. Это начиналось снова. Виктория с обидой прикусила губу и повлажневшими глазами посмотрела на мужа, собирающегося на работу. Она уже привыкла к этим его вспышкам гнева, но постепенно они случались все чаще, и это пугало ее. Нет, Роман, безусловно, не желал ей ничего плохого, он и в мыслях даже не посмел бы поднять на нее руку. Он просто стал таким раздражительным, колючим, неродным... Стал отдаляться. И пить стал чаще, чем раньше.

– Я спрашиваю, чем ты недовольна? Деньги я, кажется, зарабатываю нормальные. Времени с тобой провожу... вполне достаточно. Твои пожелания все удовлетворяются. Я даже цветы тебе дарю регулярно. Почему же ты не даешь мне провести спокойно вечер в компании друзей!? Почему это дело становится проблемой!?

Виктория молчала. Она знала, что Роман по-своему прав и... не прав! Все это не очень-то просто было объяснить словами. Такие вещи лежат где-то у сердца, неподвластные законам

разума и вообще всякому рациональному мышлению. Ей хотелось какого-то тепла, хотелось почувствовать себя нужной, любимой и единственной. Хотелось, чтобы все это было настоящим, абсолютно искренне, а не для аргумента в очередной ссоре. Хотелось любви и понимания. Ох, как же банально и вечно это звучало!

Роман рывками завязал шнурки и взял кейс.

– Когда тебя ждать? – потупив взгляд, спросила Вика.

– Меня вообще незачем *ждать*. Я приду и так, – Он вышел, хлопнув дверью.

Несколько мгновений Виктория стояла у двери, слыша, как растворяются в утренней тишине шаги мужа, сбегающего вниз по ступенькам. Потом щелкнула замком и отправилась на кухню.

За окном над тусклыми силуэтами домов плыли тяжелые ноябрьские тучи. В стекло монотонно стучал дождь. Вика поставила на газ чайник и села на ближайшую табуретку. «Почему? Почему он так поступает!?» Она попыталась вспомнить, каким он был раньше и вообще что так привлекло ее в Романа. Надежность, какая-то мужская сила, бескомпромиссность. Неужели это? И еще то, что он в полном смысле слова завоевывал ее. По-рыцарски, по всем правилам. Или... нет, в том, как он отбил ее у Сашки, рыцарства было мало. Так что же было? И что осталось? О-ох... Мысли ее отступили на шаг. Сашка. Надо же! Она не вспоминала о нем уже года два, не видела целую вечность. Свою первую любовь.

Виктория тоскливо вздохнула. Что говорила она тогда ему, расставаясь? «Саш, пойми, я все решила. Мне нужна опора в жизни, человек, на которого я смогла бы положиться. А ты... Извини, ты очень мягок. Тебе трудно порой принять решение. С тобой мне бы пришлось думать и рассчитывать за двоих. Я не хочу этого, Саша».

Да, примерно так. Воспоминания мощным потоком накрыли ее, а потом вмиг иссякли, будто кто-то неведомый решительно перекрыл кран. «Вот ты и получила, что хотела» – с издевкой сказал этот самый неведомый некто, а может быть, это была блудная мысль самой Виктории. Порой такие мысли возникают сами по себе, обличенные в какой-то определенный голос и бьющие под дых своей возмутительной правильностью. Страшные внутренние голоса, которые не дают покоя своим хозяевам и, как вариант, персонажам романов Стивена Кинга.

«Вот ты и получила, что хотела. Жесткость и бескомпромиссность. Тебе легче?»

«Замолчи, замолчи!» – Виктория закрыла лицо руками, чувствуя вину перед оставшимся в прошлом, застывшем там, как муха в янтаре, любившим ее человеком, и жалость к самой себе. Но ведь это был мой выбор? Вернее, она хотела спросить: «Но ведь это был правильный выбор?».

Ответом ей был свист чайника. Никаких лишних голосов в голове.

Уверяя себя, что оба ответа на поставленные вопросы должны, нет, просто обязаны быть «Да», Виктория потянулась за банкой растворимого кофе.

* * *

Вика лежала в постели и отрешенно смотрела, как отблески фар проезжающих машин и блики ночных фонарей путались на потолке. Рядом слышалось неровное, с прихрапыванием, дыхание Романа. При каждом его выдохе чувствовался не очень сильный, но довольно навязчивый «выхлоп». В принципе, он не очень то поздно и вернулся. У Романа даже хватило сил полностью раздеться, а не завалиться на кровать, едва избавившись от куртки и ботинок. Все время, пока ее муж, раздраженно посапывая, стягивал брюки и носки, Виктория раздумывала, стоит ли давать ему знать, что она еще не уснула? Утренняя обида взяла свое. Делая вид, что спит, Вика пролежала, не двигаясь, спиной к мужу, пока тот не захрапел. Затем осторожно развернулась под одеялом и устала в потолок.

Игра тени и света завораживала. К голубым переливам уличного фонаря, разрезанным клинками раскачивающихся на ветру веток, добавлялась желтая пульсация далекой рекламной вывески. Время от времени эта картина на какой-то миг перекрывалась отсветом проносащихся фар. «В каждой из этих машин своя жизнь, свой собственный маленький мирок, – подумала вдруг Вика. – Своя маленькая локальная реальность со своими радостями и печалью, проблемами и мечтами». Все остальное для этой реальности – и она сама в частности – сугубо относительно. Это

зыбкое ощущение житейской относительности сосуществовало с ней чуть ли не с детских лет, когда она вдруг поняла, что не все семьи одинаковы и... у некоторых есть оба родителя. Собственно, поэтому Виктория и не спешила заводить своих детей. Ей нужна была уверенность в том, что с ребенком не повторится история ее собственного детства. На какой-то миг после свадьбы она обрела такую уверенность, но позже слегка подрастеряла ее такими вот вечерами, когда утешением служили телевизор или книга, а быть может как сейчас – шуршание ветвей по стене дома и безликие отблески фар.

Впрочем, почему безликие? Вика отчетливо представила человека, сидящего за рулем машины, галлогенки которой проскользили в это мгновение слева направо по потолку, – они с Сашкой часто играли в такие игры. В ее фантазиях за рулем оказался молодой парень чуть старше двадцати, возвращающийся домой после приятного свидания. Стекло орошает едва ощутимый дождик. «Дворники» работают в самом слабом режиме. В машине пахнет теплом и *ее* духами. Виктория настолько явственно увидела и почувствовала это, словно сама таинственной попутчицей присутствовала в салоне. На парне черная кожаная куртка и синие джинсы. Красивые волевые черты лица. Обычная мужская прическа без претензий на оригинальность. Он сосредоточен на дороге и вместе с тем очень рад тому, как прошел вечер. Его девушка в первый раз позволила ему чуть больше, чем простой прощальный поцелуй. Может быть, поэтому пальцы его постукивают по ободу руля в такт льющейся из магнитолы песни.

«И что же это за песня?» Виктории показалось, что вопрос задал Сашка, пристроившийся где-то рядом у изголовья кровати. Что ж, она ничего не имела против. А песня... Как насчет чего-нибудь из Милен Фармер? Вика почувствовала, что Сашка хотел возразить против ее выбора, но, как и тысячу раз до этого, не стал спорить – это было его кредо. Вместо этого, как бы переняв эстафету, он стал сам выдумывать нового обитателя автомобильного мира грез. В его фантазиях следующий хозяин скользнувших по потолку фар ездил на большом грязном джипе и слушал исключительно хард-рок. Углубляясь в подробности, Сашка принялся дальше рассказывать историю этого придуманного человека и Вика, улыбаясь, слушала его, сама не замечая, как мгла ирреальности окутывает ее мягким покрывалом, и все дальше уводит в неведомый край.

Когда дождь, усилившись, застучал в подоконник, Вика уже крепко спала.

Через два дня Роман и Вика снова поссорились.

Глава 2

Телефонный звонок раздался практически одновременно с сигналом микроволновки, в которой Виктория разогревала себе завтрак. Обычно она пользовалась для этого привычным газом, но сегодня время поджимало ее и, чтобы не опоздать на работу, пришлось действовать по-современному. Мелькнула мысль наплевать на телефон и успеть проглотить что-нибудь горячее перед восьмичасовым рабочим днем, но какой-то тоненький колокольчик внутри не дал ей этого сделать. Бросив скорбный взгляд на разогретые бутерброды, Вика помчалась к телефону и схватила трубку не иначе как на последней трели:

– Алло?

На том конце послышался нерешительный вздох, а потом простое:

– Привет.

Виктория охнула и медленно осела на стоящий рядом стул. Она легко узнала бы этот голос даже через десять лет; мелодичный, мягкий, немного напоминающий барда Олега Митяева, голос. А когда он вкладывал в него всю свою нежность... Тень старых воспоминаний ностальгически защемила сердце, но Вика мужественно взяла себя в руки:

– Привет, Саша, – сказала она, – а я как раз недавно вспоминала о тебе.

Она действительно вспоминала...

Был самый конец весны. Горячая студенческая пора. Они с Сашкой учились на первом курсе, только на разных специальностях. Сашка – на «Компьютерно-интегрированных технологиях», сама Вика на «Менеджменте и маркетинге». Несмотря на всю разность направлений, некоторые дисциплины на начальных курсах были одинаковы, и даже лекции читались сразу для нескольких групп. Примером такого предмета была социология, на лекциях которой они и познакомились.

В тот день их собралось около двадцати девушек и юношей с двух специальностей, еще не успевших сдать реферат по предмету и жаждущих соответствующей записи в зачетке. Кроме наличия этого самого реферата, смотрелась посещаемость и доклады на семинарах – обычная предсессионная мозгопарка. За неимением другого времени Альберт Анатольевич – сухощавый сорокалетний мужичок с усиками и залысиной – выделил им самую последнюю пару и взялся за свою работу, о которой тогда все думали с ненавистью, а теперь Вика вспоминала с какой-то особой грустной теплотой.

Постепенно сползающее к горизонту солнце озаряло аудиторию черчения, которая дала им уют. Альбертушка, как они его про себя называли, восседал за полированным учительским столом. Его окружало человек шесть либо отвечающих, либо особо любопытных; остальные разместились за большими чертежными партами. Кое-кто на всякий случай просматривал переписанный прошлой ночью конспект, некоторые просто болтали вполголоса. Славка Крыжальский из ее группы – Вика отлично это помнила – добавлял свои художества к другим таким же, что украшали поверхность столов, причем объем вернисажей настольной живописи и самопальных досок объявлений был прямо пропорционален расстоянию от преподавательского поста. Так вот, Славка Крыжальский рисовал на парте, Юлька Степанова, грызя кончик ручки, задумчиво смотрела в окно, распахнутое в цветущий май, а Сашка держал ее за руку и шептал о предстоящем лете. А потом сказал: «Спорим, ты никогда не забудешь сегодняшний вечер?!»

И она действительно не забыла. Они пропустили всех вперед. Два часа промчались абсолютно незаметно (Когда любишь, время и не на такое способно). Некоторых Альбертушка отправил готовиться на следующий раз, но таких было мало. И вот на учительский стол легли два распечатанных на скрипучем матричном принтере реферата. У Вики – содранный у кого-то из старших курсов «Социологический опрос как метод познания общественных тенденций». У Сашки – «Социология рока». Альбертушка посмотрел на них с Сашкой, потом на часы и, наконец, на их работы.

– И как же фамилии влюбленных?

Вика с Сашкой смущенно переглянулись. В самом деле, их отношения трудно было не заметить.

– Лазоренко.

– Максимова.

Анатольич нашел фамилии в своей тетрадке, прошелся по галочкам посещаемости и занес руку над листом, словно в ожидании приговора. Было видно, что все, что он скажет или спросит дальше – всего лишь простая формальность, но исполнить ее было преподавательским долгом.

– Ну, с Максимовой все ясно. А вот посещаемость Александра Викторовича вынуждает меня задать какие-нибудь пару вопросов.

Сашкина нога чуть слышно коснулась ее колена, словно шуточный крик о помощи. Стараясь не выдавать своих чувств, Вика бросила быстрый взгляд в его сторону. Человек, сам написавший реферат на сорок листов на такую выпендренную тему, в защите не нуждался. И вправду, под маской серьезной озабоченности перед будущими вопросами строгого преподавателя плясали веселые искорки уверенности и пофигизма. Ох, как же она любила его в эту минуту!

Альбертушка пролистал Сашкину работу, остановился на какой-то произвольной странице. Задумчиво спросил:

– Так, все-таки, рок-н-ролл мертв?

– Я думаю, пока вертится хоть одна кассета с Цоем или Майком Науменко, пока помнят эти имена, рок-музыка жива.

– Значит все не так уж плохо на сегодняшний день?¹

Сашка с интересом посмотрел на Альбертушку. Их глаза встретились.

– Даже если рок-н-ролл мертв, то ведь мы еще нет.²

– И все идет по плану?³

Принимая правила игры, Сашка пожал плечами:

– Звон гитары и немного слов – это все, что есть у нас,⁴ – он с трудом контролировал желающую отвиснуть челюсть, но держался вполне естественно, словно шел обычный разговор, а не дуэль цитатами из песен.

– *Страна* поет нам рок-н-рольные песни.⁵

– Сомнительный звук, но в каждом аккорде слепая вера...⁶

– Да, биг-бит, блюз и рок-н-ролл околдовали всех первыми ударами, – парировал Альбертушка. Он тоже был абсолютно спокоен, но уголки губ потихоньку ползли вверх.⁷

– Эта музыка будет вечной.

– Надо лишь заменить батарейки.⁸

– Что ж, это наш сумбурный still life.⁹

– Да уж, ибо все это рок-н-ролл, – Альбертушка наконец улыбнулся в полную силу. – Давайте зачетки.¹⁰

А потом они вприпрыжку бежали по безлюдному коридору опустевшего института. А Сашка, вдруг остановившись, взял ее за руку и сказал:

– Я приглашаю тебя на закат солнца.

Они поднялись на последний, пятый, этаж и он привел ее в залитый розовым светом класс, из огромных окон которого виднелась величественная панорама вечернего города и дальше лесопарковой полосы. Солнце, превратившееся в огненный шар, медленно прокладывало себе путь среди украшенных алой каймой облаков, лениво застывших у горизонта. В классе едва уловимо пахло мелом и вечной молодостью, суть которой, как теперь поняла Виктория, осознают лишь спустя годы. Сашка закрыл за ними дверь и щелкнул задвижкой окна. В тишину обители науки ворвалось пение птиц, далекий городской шум и аромат отцветающей сирени, от которого у Вики даже немного закружилась голова. Внизу шуршали свежей изумрудной листвой деревья, а по тополиной аллее вышагивал спешащий на автобус Альбертушка.

Сашка подошел и обнял ее сзади за плечи:

– Знаешь, а ведь мы его больше не увидим, – и в ответ на удивленный взгляд Вики пояснил, – Такие, как мы, появляются в его жизни и исчезают – безликие эпизоды в преподавательской практике.

– Такова участь всех учителей.

– Не совсем. Те, кто ведет своих учеников достаточно долго, запоминают имена. Те, кого они учили, здороваются с ними на улице, быть может, иногда даже заходят в гости. А таким, как наш Альбертушка, даже некого будет вспомнить к пенсии.

– Может быть, им наоборот легче, чем, к примеру, классухе, проучившей два десятка человек пять, шесть, или сколько там лет? Меньше боли, меньше грусти...

– Да, вряд ли.

– Тогда давай сами помнить его и таких, как он. Ага? – Вика пристально посмотрела на Сашку, даже уловив в его глазах свое отражение. Потом потянулась к нему губами, такая милая, нежная, понимающая.

И весна была во вкусе их поцелуя.

– Алло? Алло, Вича, с тобой все в порядке?

«Вича». Так никто не называл ее кроме Сашки. Роман предпочитал «Викуля», но все чаще обходился простым «Вика». У Сашки было все, начиная с Виктории Валерьевны и заканчивая таким родным и интимным «Вича», похожим на щекотание перышком.

– Алло?

– Да, Саш, я здесь. Я просто слегка растерялась.

– Я, наверное, не вовремя.

Вика вспомнила загубленный завтрак, спешку и... так и осталась сидеть, сжимая трубку побелевшими пальцами.

– Ну... как тебе сказать...

– Ладно, я все понимаю.

– Да, нет, – Вика вдруг испугалась, что после всего, что он разбудил в ней, Сашка повесит трубку. – Все нормально, я просто опаздываю на работу.

– Ну, тогда, может, я перезвоню. Если ты не против, конечно.

– Конечно, – Вика вдруг почувствовала, что ей так много хочется рассказать ему, снова ощутить себя первокурсницей, купаясь в банальных началах фраз «А, помнишь...», узнать, что было с ним за эти годы, просто увидеть, каким он стал. Для такого телефона явно недостаточно. Все это сумасшедшей волной захлестнуло ее, и она не стала сопротивляться:

– Саш, а давай встретимся. Если у тебя есть время.

– Есть. Немного есть.

Вика улыбнулась. Как маленькая девочка и, одновременно, как зрелая женщина, у которой появилась тайна от мужа. Она никогда не ожидала от себя таких безрассудных поступков, которые, пусть даже и не таят в себе по сути ничего дурного, но, в общем, вполне компрометирующе внешне. А еще Вика поймала себя на мысли, что совсем забыла сказать то, что обычно говорят после долгой разлуки:

– Саша, как у тебя вообще дела?

Он стоял чуть в стороне от автобусной остановки, одетый в длинное темно-серое пальто, делающее его похожим на Малдера из «Секретных материалов». Сходство усиливал солидный черный зонт с изогнутой ручкой – в городе снова шел дождь. Было холодно. Из рта Сашки вылетали облачка пара, похожие на сигаретный дым.

Все это Вика увидела за мгновение перед тем, как двери автобуса, на котором она приехала, распахнулись. Собираясь на встречу, она волновалась, вдруг не узнает его, но фигура Сашки так разительно отличалась от остальных ожидающих маршрутку людей, словно он принадлежал совершенно другому миру. Впрочем, так оно и было. Последние два года, как узнала она накануне по телефону, он провел в Австралии.

Еще на четвертом курсе, спустя, наверное, два года, как они перестали встречаться, один из профессоров кафедры предложил Сашке, чьи способности к учебе были оценены достаточно высоко, заняться одной интересной, только недавно обрисовавшейся темой, связанной с виртуальной реальностью. От такого предложения, в общем, не отказался бы никто. Работать, правда, пришлось капитально, не покладая рук, но для Сашки это не было проблемой. Он умел трудиться, умел мобилизовывать силы. Перед последним семестром, правда, что-то произошло, до Вики еще тогда доходили некоторые слухи. Сашка пропал на два месяца, разыскиваемый при этом самыми разными, и порой очень странными людьми, а, когда объявился, диплом его уже был связан вместо виртуальной реальности с программированием складских систем – классическая, «родная», тема их специальности.

А после окончания института Вика сразу вышла замуж, а Сашка, как вот теперь оказалось, убыл в страну кенгуру, пустынь и бесконечных дорог.

Вика вышла из автобуса под морозящийся дождь, и створки дверей сомкнулись за ее спиной. А через миг ее накрыл черный купол Сашкиного зонта.

Внешне Сашка изменился не очень сильно. Лишь волосы были пострижены по современному коротко, да в уголках глаз залегли крохотные трещинки морщинок, заметные, впрочем, только из-за его австралийского загара. Но то, *как* он смотрел, его осанка, не имели ничего общего с тем, что помнила Вика. Мягкий, застенчивый юноша со своеобразным чувством юмора и полным романтики взглядом, похоже, канул в небытие. Сейчас перед ней стоял молодой, уверенный в себе преуспевающий ученый, талантливый программист и просто тот, кто сумел

оставить за бортом унылую прозу жизни. А когда он заговорил, Вика заметила еще одну вещь, на которую при телефонном разговоре не обратила внимание. У Сашки появился акцент.

Поздоровавшись, они несколько секунд просто смотрели друг на друга. Вика чувствовала одновременно неловкость и некоторое возбуждение, позабытой волной поднимающееся от живота. Ей хотелось обнять его, прижавшись щекой к его щеке и, в то же время, быть за тысячи километров отсюда, спасаясь от мыслей и желаний, так легко околдовывающих сейчас ее разум. Оказаться в ставшей уже родной квартире,

... которая, правда, принадлежала Роману...

смотреть телевизор, слушать дождь, и совсем не думать о том, что было шесть лет назад и что могло быть.

– Знаешь, а ты прекрасно выглядишь.

– Спасибо, – комплимент из его уст заставил ее смутиться. Она вспомнила, что Сашка никогда не лгал в своих комплиментах. Иначе он их просто не говорил. Вика чуть улыбнулась от этой вспомнившейся детали и это, кажется, начало растапливать многолетний лед. Словно в унисон этой мысли, Сашка предложил:

– А что если нам посетить одно старое место?

К сожалению, от прежнего «Айвенго» осталось одно название. Вика вспомнила, как раньше, первокурсниками, они забегали сюда на чашку кофе с корзиночкой или трубочкой. Стипендия отмечалась неизменным пивом и чебуреками, а Сашка по выходным приглашал ее на молочный коктейль. Посуду, правда, приходилось носить к столикам самим, и чай в пластмассовых кружках имел странный привкус, но это было неважно. Важна была атмосфера, весна за пыльными занавесками, шуршание карт, лежащихся в прикуп, и голоса друзей, раздающиеся под давно небелеными сводами. То, о чем сейчас так здорово и так грустно вспоминать. После того, как они расстались с Сашкой, Вика сюда почти не заглядывала. Последний раз это было на праздновании «экватора» зимой третьего курса. Этот день был примечателен еще одним моментом. На этом традиционном студенческом празднике Вика впервые увидела отправившегося с ней Романа пьяным.

Они прошли к боковому столику, застеленному чистой скатертью в сине-белую клетку. Джентльменским жестом Сашка пододвинул ей стул:

– Изменилось все здесь, правда?

– Да, – Вика обвела взглядом кафе, чуть задержавшись на барной стойке с обилием зеркал и стильных светильниках на стенах, – даже не верится.

Она не стала уточнять, чему именно не верится, и Сашка понял это по-своему:

– Мне тоже не верится, что ты сидишь рядом со мной.

– Напротив, – поправила его Вика и они рассмеялись.

К ним подскочила официантка с дежурной улыбкой и бэйджиком «Алена» на белом переднике:

– Пожалуйста, меню.

Они заказали кофе и коктейли. Вика – слабоалкогольный «Колибри». Сашка символично выбрал «Солнце пустыни». Когда официантка удалилась, он взглянул на лужу, натекшую с оставленного на спинке стула зонта:

– Я так отвык от дождей.

Вика грустно улыбнулась:

– Я бы тоже с удовольствием от них отвыкла.

Ее нервозность проходила. Уж чего-чего, а комфортности при общении Сашке было не занимать. По крайней мере, так было раньше. Решить большинство проблем он был не в силах, но отвлечь от неприятностей, втянуть в какую-нибудь легкую, перемежаемую шутками, беседу, не составляло для него труда. Это было здорово, но нерешенные проблемы имели гнусную привычку рано или поздно возвращаться.

– Ну, как там кенгуру?

– Кенгуру? – Сашка загадочно улыбнулся и полез в карман, – Кенгуру – отлично, – Он достал небольшую фигурку из темного дерева и протянул Вике, – Передают привет.

В руках у Вики оказался забавный зверек с ушками торчком, длинными задними лапами и оттопыривающейся на животе сумке, из которой торчало что-то неопределенное.

– Он тебе кого-нибудь напоминает?

Вика подняла глаза на Сашку:

– Дролю.

Там, далеко в прошлом, на полгода их встреч, Вика подарила ему симпатичного глиняного дракона, придумав ему имя Дроля. Он тоже как бы сидел на задних лапках и животик у него был как у настоящего любителя пива. А еще Дроля улыбался лукавой улыбкой и у него смешно топорщился гребень на спине. Сашка сказал, что у него дряблые бедра, но, живот их, к счастью, вполне прикрывает. На долгое время эта не очень эстетичная фраза стала у них дежурной шуткой. Вика уже собралась спросить, какова судьба Дроли, но поняла, что совсем не хочет услышать о том, что он потерялся, или какую-нибудь ложь о том, что он даже в Австралии охранял покой его рабочего места. Проблему решил сам Сашка, простым жестом достав прежний подарок Вики из другого кармана и поставив его на край стола.

– Дролю? Этого что ли?

Вике захотелось по-детски заерзать на стуле и захлопать в ладоши. Вряд ли она была по-настоящему сентиментальной, но такие вещи околдовывали ее. Ей стало очень хорошо, и она коснулась Сашкиной руки:

– Спасибо, что хранил его.

– Знаешь, мне кажется, в некотором смысле это он хранил меня...

Сашка не стал пояснять свои слова, а Вика попытаться. После небольшой паузы она спросила:

– Как тебе живется? Освоился?

– В общем, да. Уютный климат, доброжелательные люди...

– От экватора недалеко?

– Как раз наоборот. South Australia. Пригород Аделаиды. University of Adelaide наш партнер.

– Саша, а чем конкретно ты занимаешься?

– Ты читала «Лабиринт отражений»?

– Нет, – в последнее время она читала мало, хотя название было смутно знакомо, – Фантастика?

Сашка кивнул:

– Лукьяненко. Классный автор, хотя и чуточку детский по моему мнению. Его даже перевели на английский, не смотря на все его чисто русские особенности письма. Ты, представляешь, один мой австралийский коллега однажды даже позавидовал, что я могу читать его в оригинале. – Уголки его губ поползли вверх, видно что-то вспоминая, – Но я, в общем, не о том. В книге был созданный программистами виртуальный город Диптаун. Мы тоже строим нечто подобное, только менее глобальное, а хотя... может быть, и более.

– Очередная идея нового свободного мира?

– Да, – Сашка подивился ее догадливости, – но не с социальной точки зрения, впрочем... и с ней тоже, но больше с точки зрения законов физики.

– Ты считаешь это возможным?

– В реальности – нет. В виртуальности – да!

– И в чем заключается эта свобода?

– Во всем. Внешность, общение, перемещение в пространстве и само пространство. Мир, который мы создаем, позволяет шагнуть за границы возможного. Шагнуть...

Сашка на секунду замялся, подыскивая нужное слово, и Вика подсказала:

– ...за горизонт?

– Да, за горизонт, – он посмотрел ей в глаза, еще наполовину находясь на какой-то своей волне, а наполовину уже вынырнув под слабый свет обычной электрической лампы за их столиком. Он закивал, – Ты попала в точку, – Сашка улыбнулся полузабытой обезоруживающей улыбкой.

Вика рассмеялась:

– Ты одержим.

– Знаешь, в этой работе я нашел себя. Словно выбрался из какой-то чащи на простор и понял, что все намного проще, я только зря усложнял собственную жизнь. – Сашка сделал большой глоток из только что принесенной чашки кофе, как бы оправдываясь за не очень ясную мысль, – странно, но я отбросил все маски и роли, работая над миром, у которого нет и не должно быть лица, который в этом плане очень похож на какой-то безумный театр.

– Ты изменился...

– Да. Я стал по-другому смотреть на окружающее, стал более философски воспринимать неудачи и их почему-то стало гораздо меньше.

– Просто у вас, буржуев, вообще проблем гораздо меньше.

– Ха, – Сашка отодвинул дымящуюся чашку, – «Богатые тоже плачут», помнишь? Это, во-первых. Во-вторых, количество бед и проблем одинаково, просто здесь и там они разные. В-третьих, твой муж – замдиректора одного из самых крупных в городе агентств недвижимости. – Сашка сделал «пальцы веером» и голосом анекдотного нового русского, растягивая слова, спросил, – и у тебя, типа, есть какие-то проблемы?

Вика от души рассмеялась. Потом спросила уже серьезно:

– А откуда ты знаешь кто мой муж?

– Видишь ли, контора твоего мужа довольно известная, а каждый третий наш сотрудник начинал с хакерских штучек...

– Ты тоже?

– Ну, я вроде нет, но по Интернету со взломанными паролями... бывало.

– Значит передо мной еще и компьютерный правонарушитель?

Сашка невозмутимо допил кофе и пододвинул к себе коктейль.

– Ну, наверное, это слишком громко сказано... Хотя... Тебя ведь такие вещи не пугают, верно?

Улыбка Вики угасла.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну... агентство твоего мужа иногда кидает людей, – Сашка понял, что сболтнул лишнее, но отступить было уже некогда. В принципе, он и не собирался. Лишь покрепче сжал в пальцах бокал. – Я, конечно, в этом ничего не смыслю...

– Ты ошибаешься, – тон Вики был категоричен. – Если ты имеешь в виду то судебное разбирательство... ну... с подложными документами на дом, то уж Роман там точно ни при чем.

– Хорошо-хорошо, как скажешь, – Сашка, как и тысячу раз до этого, пошел на попятную. – Тебе виднее. И... не сочти, пожалуйста, что я так сильно лезу в твою семью.

На некоторое время за их столиком воцарилась напряженная тишина. Потом Сашка сказал:

– Послезавтра я улетаю.

Несмотря на некоторый «сбой» в их общении, Вика грустно посмотрела на него. Глаза ее блестели тем самым влажно-доверительным светом, который так пленил Сашку в том самом далеком студенческом прошлом.

– Ты вернешься еще?

– Ну, я еще куда не делся. Это во-первых. Во-вторых, вернусь. Работа заставит. В-третьих – и самых главных – прежде, чем я уеду, я хочу показать тебе кое-что из нашего проекта.

– А разве это не секретно?

– Секретно, но... в общем, это не проблема. Не в этом проблема.

– А в чем же тогда?

Сашка пожал плечами.

– Чтобы ты согласилась.

Вика задумчиво поджала губу. Как и с этой встречей, она была уверена, Сашка не предложит ей ничего предосудительного, но со стороны все это смотрелось очень даже не хорошо.

– Я даже не знаю... – еще несколько месяцев назад она и думать не могла ни про что такое, но сегодня что-то определенно растаяло у нее в сердце. Что-то подвластное не разуму, но эмоциям. Обычным женским эмоциям.

Сашка смотрел на нее ясным немигающим взглядом, в котором слились грусть и надежда, и Вика неожиданно для себя ощутила страстное влечение к нему. Это уже было даже не желание обнять родного человека, а нечто большее, замешанное на их совместном прошлом, которое, оказывается вовсе не было мертвым. Жар волной прокатился по телу, пробуждая забытые воспоминания. Однако Виктория, напрягшись, взяла себя в руки.

– Наверное нет, Саша. Просто это будет выглядеть... Ну...

– Ладно, я так и думал.

– Не обижайся, пожалуйста, просто все очень изменилось.

Сашка вздохнул:

– Я понимаю.

Вика помолчала.

– Знаешь, я рада, что увидела тебя.

– Взаимно. Я, правда, поддерживаю связь с некоторыми из наших старых друзей, но живьем за последнее время видел только Славку, да, вот, тебя.

– Славку? Того самого? Крыжальского?

– Ага, он дизайнер где-то в Филадельфии. Так что его художества на партах не прошли даром.

– Он в Штатах?!

– Да. Большую половину наших разбросало по свету.

– Вы поддерживаете связь?

– Стараемся. Через интернет. Правда он никогда не заменит таких встреч.

Сашка протянул руку и коснулся ее руки через стол. Вика почувствовала тепло, исходящее от его ладони. Несколько мгновений она наслаждалась этим ощущением, потом собралась убрать руку, но Сашка ее опередил, сделав это первым.

– Извини.

– Да, нет, ничего. Так, что там Славка?

– Дизайнер, кажется, по интерьеру. Приезжал в отпуск в Сидней со своей женой Кэт, она дочь русского иммигранта. Мы вместе в национальный парк «Голубые горы» ездили. Вполне доволен жизнью. А, вот еще, вспомнил, видел Стаса Клиноренко – он программист в Канаде, Тамара Краюк вышла замуж за финна, кажется. Сидит дома, воспитывает двух детей, десяток кошек, и бродит по Сети. Игорь Васильев остался здесь, преподает в нашем ВУЗе.

– Клиноренко мне не довелось знать. А Игорешку я видела несколько месяцев назад.

– А я болтал с ним по ICQ как раз перед отъездом. Он скоро станет отцом.

– Да? Я и не знала.

– Ну, жизнь, знаешь ли...

– А я иногда вижу с Юлькой Степановой и Маринкой Парченко. Маринка после родов заметно... изменилась. Мишка Гробарев, наш «Гроб», открыл свое дело. Дениска в банк устроилась. А так... в принципе и все.

– Да, грустно все это, – Сашка задумчиво покрутил бокал с коктейлем, созерцая, как искрится в свете ламп жидкость на дне, – Мы ведь никогда больше не соберемся вместе. Не выпьем вина, не послушаем песен под гитару где-нибудь у кромки прибора. Некоторых мы вообще больше никогда не увидим, – он поднял глаза и пристально взглянул на Вику, – но, самое паршивое заключается в том, что мы приняли такое положение дел как должное, и ничего не делаем, чтобы это изменить.

– Это жизнь, Саша. Наша с тобой реальность.

– Пожалуй. – Он поднял свой бокал. – Тогда давай выпьем за другую реальность.

– Давай, – Вика подняла свой, – И за встречу!

Глава 3

– Дорогая, ты снова забыла купить масло!

Вика вздрогнула, будто голос Романа раздался над ее ухом, а не из кухни, где тот ужинал. Быстрым жестом она спрятала Сашкину визитку на дно своей сумочки и встала с кровати. Масло она действительно уже второй раз забывала купить. И, похоже, сейчас это означало очередную придирку. Вика вздохнула и поплелась на кухню:

– Рома, извини. На рынок я не зашла из-за дождя, а в нашем гастрономе был переучет. А потом я забыла. Неужели не переживем?

Роман зыркнул на нее и снова вернулся к тарелке:

– Переживем, конечно, но мне просто интересно, о чем ты думаешь? Яиц тоже почти не осталось. Кофе на исходе. Зато капуста и сыр уже покрылись плесенью.

– Знаешь, иногда мог бы и сам заняться, – Вика подошла к раковине и принялась мыть посуду.

– Ты хочешь сказать, что я тебе не помогаю?!

– Нет, конечно, ты иногда убираешься в доме, иногда стираешь себе носки, иногда заходишь в магазин. Но вымыть посуду или подмести пол – уже не для тебя.

– Между прочим я работаю шесть дней в неделю, чтобы ты не испытывала ни в чем недостатка.

– Я знаю. Я тоже работаю, хотя и меньше, чем ты, – Вика отошла от мойки и взяла полотенце, – И тоже приношу в дом деньги, и тоже устаю. А потом прихожу и становлюсь у плиты.

– У тебя поразительная манера менять тему, – Роман встал из-за стола и демонстративно вымыл свою тарелку, – Я же вовсе не о том. Я...

– Да, нет, Рома, о том. Я плохая хозяйка. Вот к чему все сводится.

Роман лишь махнул рукой, не желая больше говорить. Захватив с собой газету, которую читал за ужином, он вышел из кухни. Через две минуты хлопнула входная дверь, оставляя Вику наедине со своими мыслями и крошками на столе.

Роман вернулся спустя полчаса. Закончив убирать на кухне, Вика сидела перед телевизором и смотрела какой-то фильм, совершенно не вникая в происходящее. В мыслях она снова вернулась к тому столику в «Айвенго», за которым они сегодня сидели с Сашкой. В конце их встречи он все чаще поглядывал на часы, потом, наконец, сказал, что ему пора, и протянул ей визитку:

– Вообще-то, это австралийские координаты; я сейчас черкну тебе телефон гостиницы, где я остановился, – он достал ручку и написал несколько цифр на обороте, – если ты все-таки соберешься еще раз увидеться, посмотреть, чем я занимаюсь, звони. Даже если меня не будет, мне все передадут.

– Мобильником не обзавелся? – чуть улыбнулась Вика.

– Мне хватает ноутбука с радиомодемом, – чуть улыбаясь, парировал Сашка. – А если честно, не стал заморачиваться на неделю-то. В Австралии у меня есть телефон, но здесь с ним неудобно – стандарты разные, роуминг дорогой.

Они чуть помолчали.

– Саш, мне не хочется прощаться.

– Мне тоже, – и он посмотрел на нее будто сквозь сумрак дней, пролетевших с момента их последней встречи. Да, это был взгляд из прошлого, и Вике, испытавшей запоздалый укор совести, захотелось либо прикоснуться губами к его щеке, либо... никогда не знать человека, сидящего перед ней.

– Саша, прости меня за все.

– Ты тоже, – он встал, и перегнувшись через столик, символически коснулся губами ее щеки, – если что, прости меня.

– Вика, ты извини меня. Я погорячился.

Вика очнулась от воспоминаний и обернулась. Перед ней стоял Роман и держал в руке три розовые гвоздики. В другой руке у него был прозрачный пакет с банкой кофе, маслом, колбасой и еще чем-то.

– Это тебе, – он протянул ей цветы. – У меня выдался сегодня отвратительный день, вот я и сорвался. Прости еще раз.

Вика слегка ошарашено взяла цветы. Она не очень любила гвоздики, называя их похоронными цветами, но говорить об этом *сейчас*, конечно же, не стоило. Ее безмерно порадовало то, что Ромка сам сделал первый шаг к примирению, чего не бывало уже давно. С облегчением взглянув на мужа, она постаралась отбросить подальше терзавшие ее мысли, и протянула к нему руки.

Он крепко обнял ее и увлек к кровати.

– Рома, можно я задам тебе вопрос, который тебе явно не понравится?

Они лежали в постели, отдыхая. В принципе все было прекрасно. Поначалу Роман даже попытался быть нежным, но уже через пять минут все его действия свелись к удовлетворению собственных желаний, как, впрочем, и всегда. Не то, чтобы это так особо беспокоило Вику, но порой очень хотелось после того, как все заканчивается, еще немного нежности вместо традиционного, воспетого даже в анекдотах, отворачивания к стенке. Это был еще один момент, о котором она не задумывалась, выходя замуж.

– Какой?

Вика лежала на спине. Роман лежал на боку, лицом к ней, положив руку ей на живот. Когда Вика задала свой вопрос, рука эта чуть напряглась. Ей даже на мгновение показалось, что пальцы сейчас вцепятся в кожу, но наваждение тут же прошло. Рядом лежал не кто-нибудь, а ее любящий муж, который...

– Так какой вопрос?

– Помнишь, судебное разбирательство по поводу дважды проданного дома?

Рука на животе напряглась еще и... стала ускользать.

– Ну?

– Скажи, ты действительно ничего не знал об этой афере?

В воздухе повисла неприятная пауза.

– Почему ты спрашиваешь?

Вика замешкалась, не зная, что ответить. Она и сама не знала почему. И не знала, как выкрутиться из ситуации, в которую сама себя загнала.

– Видела статью в газете, – разумеется, это была ложь, *стремная* ложь, но ничего другого придумать Вике в тот миг не удалось.

– Не может быть. Ашот перекрыл все каналы. А этим писакам лишь бы дерьмо поворошить.

– Там не конкретно про ваше агентство, – попыталась подрихтовать ложь Вика, – просто...

Она замолчала, решив ни о чем больше его не спрашивать. В конце концов, у каждого в жизни есть право на ошибку. На человека могут давить обстоятельства, начальство и т.д. и т.п. Вике очень не хотелось верить, что на работе ее муж занимается чем-то незаконным.

– Ладно, я не знаю, почему ты решила об этом спросить, – сказал вдруг Роман, – но я отвечу. Я был в курсе всех дел.

– И ты скрывал это от меня? Почему?

– Почему!? Потому что у меня не было другого выхода. Я знал, что ты отнесешься к этому негативно, и не хотел раскола между нами. Пойми, я ведь никого не изнасиловал, не убил, ничего по сути даже не украл. Немного раструсили на бабки одну фирму. Ни одно физическое лицо напрямую не пострадало. Это просто экстремальный бизнес.

– *Экстремальный бизнес?! –* Вика выдохнула, пораженная его словами.

– Да, у меня такая работа. Зато ты не испытываешь ни в чем недостатка. Жила бы ты так с этим хлюпиком-компьютерщиком, у которого я тебя когда-то отбил?

Внутри у Вики неожиданно все взорвалось.

– Не смей его так называть. – Ей, конечно же, не стоило это говорить, но она не могла сдержаться.

Роман рассвирепел.

– Ах, не называть! Значит, ты до сих пор не забыла его! Может быть, вы так и встречаетесь втайне от меня. Ну и как он в постели, этот хренов романтик? – Роман рывком отбросил одеяло и, резким движением одев тапки, вышел из спальни.

– Рома, да как ты можешь?! – Вика захлебнулась обидой от подобных обвинений. – Никогда, даже в мыслях...

Комок подступил ей к горлу и закрыв лицо руками, она зарыдала.

* * *

Уснула Вика лишь за полночь, вначале еще всхлипывая, потом просто тяжело ворочаясь на постели. В конце концов, мгла окончательно окутала ее, принеся с собою долгожданное забытие.

Сон унес Вику куда-то на берег моря, по которому она бежала, то ли удирая, то ли прячась от кого-то. Была или ранняя весна, или поздняя осень – определить было трудно, потому что вокруг кроме воды, камней и щетинистой травы ничего не было. Солнце едва-едва пробивалось сквозь завесу свинцовых туч. А еще дул холодный ветер. Вика смутно понимала, что знает это место, но вряд ли в это время года. Никого вокруг не было видно, но она бежала, бежала по узкой полоске земли между разбивающимися о камни волнами и влажной от росы травой, ощущая, как ветер развеивает за плечами волосы. Единственным звуком, кроме плеска накатывающихся на берег волн и свиста ветра, был гитарный перебор, звучащий все громче. Вика огляделась и увидела человека, сидящего на большом камне у воды спиной к ней. На нем было длинное пальто, чуть намокшее внизу от брызг прибоя. И еще он пел. Голос у него был мягкий и красивый.

*«Мы все идем в горизонт
Ведь все дороги ведут нас только туда
Там, где небо взлетит,
Где после корня и стебля сразу звезда...»*¹¹

Вика остановилась, и незнакомец, почувствовав присутствие, замолчал и обернулся, превратившись сразу из Незнакомца в Сашку. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, потом за спиной раздалось:

– Вика!

Она оглянулась, увидев Романа в компании с двумя какими-то парнями. Они были еще далеко, но стремительно догоняли ее. Вике подумалось, что справа от Романа – это Ашот, его босс, человек с уголовным прошлым и звериными повадками.

Вике, осознавшей, что именно от мужа и его компании она и убегает, стало страшно. И в поисках защиты она повернулась к Сашке, но тот не спешил сходить со своего места. Вместо этого он встал и просто протянул ей руку.

– Этого недостаточно! Как же ты не понимаешь, что этого недостаточно! – закричала она ему и побежала дальше.

Сашка так и остался стоять на месте с приглашающим жестом руки, но вместо гитары у ног его лежал ноутбук, из которого исходило какое-то волшебное сияние, чем-то напоминая неведомый сказочный портал. Но... это было так призрачно, так... ненадежно.

И Вика побежала вперед. А у нее в ушах звучала песня.

*«Мы все идем в горизонт
Ведь все дороги ведут нас только туда...»*

Единственной радостью наступившего утра являлось то, что это была суббота, и Вике не надо было идти на работу. В отличие от Романа, имеющего шестидневную рабочую неделю. Вика медленно всплыла из пучин сна и на второй минуте осознания реальности вспомнила вчерашнюю сцену. Горький вздох, похожий на всхлип, сотряс ее грудь, и она окончательно проснулась.

«Почему, почему все это происходит со мной?»

Не дождавшись ответа, Вика посмотрела на часы, и решила, что Роман уже ушел. По субботам так обычно и происходило. Роман сам разогревал заготовленный накануне завтрак и уходил, неизменно целуя сонную Вику в лоб. Сегодня поцелуя не было, и быть не могло. То, что произошло вчера, было так неприятно и... странно. Да, странно. Роман не взорвался там, где Вика ожидала, зато она сама вспылила там, где совсем не следовало. Да и вообще, дернул же ее черт после того, как они так здорово помирились, спрашивать про эти их дела. Конечно, ей было далеко не безразлично, в каких авантюрах участвует Роман, однако... Решила вот проверить Сашкины слова, не веря в них...

Но ведь он оказался прав!

Если бы это сказал другой человек, она бы ударила этого человека, даже окажись им сам Сашка, но мысль была ее собственной, и с этим ничего было не поделать. Так же как и с тем фактом, что ее муж проворачивает аферы по недвижимости. Быть может, правда, не сам...

Вика выползла из-под одеяла и набросила халат. В комнате было холодно, и простое прикосновение к батарее отопления очень просто объяснило причину: батарея была еле теплой. Вика тоскливо вздохнула и, кутаясь в халат, побрела на кухню ставить чайник. Ей было чертовски плохо. В отличие от поговорки, утро не стало мудрей, не принесло ничего приятного, не высветило даже намека на выход из тупика. Новый день лишь обнажил старые проблемы, от которых Вику воротило и хотелось плакать.

Она подошла к окну, где разгорался розовый рассвет, и уперлась лбом в холодное стекло окна. Во весь горизонт плыли разлапистые огненные облака, а за ними пробивалось светлое и чистое утреннее небо, предвещавшее окончание дождей. Хотя бы на время.

Независимо от ее желаний, Вике вспомнился Сашка, обожающий смотреть на облака. Он выискивал в белоснежных фигурах такие сравнения, что можно было только диву даваться. Хотя порой Вика и сама не отставала от него в буйстве воображения.

– Смотри, это летящий слоненок с вытянутым вперед хоботом и хлопающими на ветру ушами.

– Где?

– Вон там, над зданием библиотеки.

– Не-а, какой же это слоненок!? Это гонщик на мотоцикле, держащий в руках флаг.

Они стояли у окна на третьем этаже, пришедшие чуть раньше перед первой парой. Недавно проснувшееся осеннее солнце золотило крышу библиотеки, торжественно отражалось от десятков окон общежития. А выше над этим, в яркой пьянящей синеве, плыли облака, похожие на кого угодно.

– Гонщик, говоришь? Тогда справа от него – маленький серафим со сложенными за спиной крыльями.

– Сашка, у тебя все летающее, что ли? Земных сравнений нет?

– Ну, так они же облака все-таки. Летают...

Он сказал это таким детским обиженным тоном, что Вика не могла не рассмеяться.

– Летают, – по-доброму передразнила она его, – ты и сам, наверно не прочь.

– Что не прочь?

– Полетать.

Саня мечтательно помолчал.

– Еще как. Расставить руки, разбежаться как следует и... нырнуть в эту синеву.

– Летчик ты мой любимый.

Сашка улыбнулся:

– Вон там, у самого горизонта бежит курица. Видишь?

– Курицу вижу. Действительно, похоже. Саш, а на что похоже само небо?

– На океан, конечно. Бездонный, завораживающий, манящий. Разный. Вот сейчас небо словно очистилось от летних эмоций, вдоволь подумало о смысле жизни, и снова скучает по тем, кто отдыхал и загорал под ним.

Он стоял и говорил ей об этом, как будто они были одни, и не было за спиной сонных студентов, бредущих на пары, не было самих пар, учебной суеты, не было ничего, кроме неба, облаков, и их двоих.

– Говоришь, уже соскучилось? А как же зима?

– А когда небо поймет, что никто не сбросит одежду навстречу его голубым объятьям, оно поседает, приблизится и начнет плакать, о том, что его никто не любит. И невдомек ему будет, что любят его за тепло, которое оно дарит. А когда до него дойдет, начнется весна.

Сашка повернулся к слегка очарованной Вике и, глядя прямо в глаза, улыбнулся. Она посмотрела на него с нежностью, запоминая эту минуту. Руки их соприкоснулись. Он обнял ее.

Зазвенел звонок.

– Мне пора, – сказал Сашка. – Увидимся на большом перерыве.

Он еще раз прижал Вику к себе и поцеловал:

– Люблю тебя.

– Я тоже тебя люблю.

Он заспешил к себе на этаж, а она так и осталась стоять, провожая взглядом человека, который рассказал ей странную сказку про небо перед нудной парой по экономической теории.

Вика отстранилась от окна и поплотнее закуталась в халат. Поддержала озябшие руки над греющимся чайником, устало плюхнулась на табуретку. Она чувствовала себя героиней старого мыльного сериала и ничего не могла с этим поделать. Прошрое в ярких красках возвращалось к ней.

«Но почему? Почему? Почему я никак не могу забыть его! Все знают, что глупо повторять ошибки юности, зачем же я так рвусь это сделать?».

Ответ ее внутреннего «я» ее совсем не порадовал.

«Потому что ты все еще любишь его».

«Неправда. Все закончилось еще тогда, пять или сколько там лет назад. И я сама этого хотела».

Она понимала, что частично все-таки лжет самой себе, а, может, вовсе и не частично. Какая-то искра все еще теплилась в ней, под толстым слоем золы и пепла более поздних чувств и эмоций. И вот стоило только чуть разворошить ее, и пламя уже готово вспомнить, как ярко оно пылало тогда, когда сказки про небо не казались бредом.

«Какая же я дура! Неужели, правда все эти реплики по поводу женской логики и того, что женщины никогда толком не знают, чего хотят?!» Однажды на подобное заявление она возразила, что женщины очень даже знают чего хотят, просто им тяжело смириться с реальностью, где их запросы совершенно невыполнимы. А что же она ответит самой себе?

«Черт, ну зачем он вернулся?!» – Ее вопрос отразился от стен, полетел к домам, смотрящих на нее с той стороны стекла, вознесся к облакам.

Ответа Вика не ждала, но кто-то, наверное те самые НЛЮ-голоса, как у Кинга, ответили.

Это – судьба!

И она расплакалась.

Спустя час, совершенно не в состоянии заниматься домашними делами из-за головной боли, Вика поставила на магнитофон кассету Криса Ри, забралась с ногами в кресло и достала из сумочки Сашкину визитку.

«Позвонить?»

Четкие ровные печатные буквы с одной стороны и мелкие, рукописные, чуть с обратным наклоном – на другой. Даже не буквы, шесть цифр, но даже по ним было видно, что Сашкин почерк заметно изменился. Быстрые каракули в лекционных тетрадках и фигурные буквы на поздравительных открытках преобразовались в компактный, не лишенный эстетики, почерк современного делового человека. Хотя, подумалось Вике, стихи, написанные таким почерком, тоже смотрелись бы очень неплохо. Раньше Сашка иногда увлекался поэзией. Интересно, пишет ли он еще?

«Ну, так позвони и спроси!»

Вика почувствовала, что голова начинает болеть сильнее. И, хотя, она была из тех, кому музыка помогает справиться с болью, или по крайней не усугубляет положение, магнитофон пришлось выключить. Ее любимый Крис Ри сегодня только мешал обрести душевный покой, ибо первый раз она услышала его примерно в то самое время, что и милую сказку про небо.

«Эх, как у вас все запущено...»

Вика почувствовала, что стены дома буквально давят на нее. Ей захотелось пойти погулять где-нибудь в тихом парке вместе с Романом, но Роман не любил так гулять. Он мог пригласить ее в ресторан или даже ночной клуб, они могли пойти на дачу к каким-нибудь знакомым, где все сводилось к шашлыку, выпивке, и разговорам о работе. По теплу они выезжали на природу, но сценарий почти ничем не отличался от дачного. А вот просто попинать осенние листья и обсудить музыкальные новинки... Нет, на такое надеяться было нереально. Да и о какой прогулке может идти речь после вчерашнего!

Вика взглянула в окно, где разгоралось прекрасное осеннее утро, и траурно вздохнула.

«Ох, за что же мне такое наказание?»

Она снова вспоминала...

Осень, скажи, откуда у тебя такие краски?

Я не могу смотреть на листья без опаски.

Они горят среди бела дня,

Гипнотизируя меня.

Откуда, осень, у тебя такие краски?

– Здорово, это ты недавно написал?

– Вчера.

– И я первая, кто это услышал?

– Да.

Они гуляли тихой аллеей осеннего парка. Многие деревья почти избавились от листьев, и теперь прежние красавцы желтым ковром устлали дорожки. Лучи солнца без труда проникали через обнаженные ветви, рисуя причудливые косые линии в чуть туманном воздухе. Было прохладно и удивительно тихо. Они брели, разбрасывая ногами листья, и Саша обнимал ее за плечи.

– А ты его наизусть полностью помнишь?

– Ну, в общем, да.

– Почитай.

Осень, скажи, откуда у тебя такие ноты?

Наверно, ждет тебя зима за поворотом.

И ты стараешься успеть

Песню последнюю допеть

Откуда, осень, у тебя такие ноты?

Осень, скажи, откуда у тебя такое небо?

В котором все перемешалось: был и небыль

И синева, и высота

Как ткань волшебного холста

Откуда, осень, у тебя такое небо?

Осень, скажи, откуда у тебя такие тайны?

И волшебство коротких встреч случайных

И где-то я, и где-то ты

И позабытые мечты

Откуда, осень, у тебя такие тайны?

Осень, скажи, откуда у меня такие мысли?

О мироздании, любви и смысле жизни

О том, какой я выбрал путь,

И что былого не вернуть

Откуда, осень, у меня такие мысли?

Осень, откуда ты взялась такая, осень?¹²

Он читал чуть нараспев, как бы сразу преобразуя стих в песню, и его негромкий голос служил приятным дополнением к тишине парка, где, если замереть на мгновение, то можно услышать даже как падает лист, отправляясь с ветки в свой первый и последний полет. Даже нет, не дополнением. Голос Сашки был неотделим от желтых аллей и шуршания листьев под ногами. И его стих тоже.

– Очень красивое стихотворение. Ты положишь его на музыку? – Вика еще не представляла, как будет звучать эти строчки под гитару, но в тот момент ей казалось, что просто здорово.

– На музыку? Может быть, попробую.

Но узнать, получилось ли это, Вике не довелось. Вскоре они с Сашкой расстались.

Вика поняла, что больше не может. Прошлое так сильно обложило ее за последние дни, что это даже пугало. Похороненные под слоем новой жизни воспоминания, выбрались на свет и больно ранили едва зажившее сердце. И вместе с тем, они и манили. Как манит. Как высота. Как бездонная синева небес.

Или как горизонт.

Нужно было что-то делать. Вика потянулась к телефону, но номер, который она набирала, не был номером с визитки. Она решила позвонить подруге. С Катей они дружили с незапамятных времен, когда еще не было ни Сашки, ни, тем более Романа. И, хотя в последнее время Катерина, выйдя замуж, изменилась и их встречи практически сошли на нет, Вика очень надеялась, что у той найдется для нее свободная минутка и доброе слово.

Долгие гудки сменились щелчком. На том конце взяли трубку.

– Алло, Катя?

Немолодой голос, видимо мамы, или свекрови, разрушил ее планы.

– Катя с Сергеем уехали в гости. Что-нибудь передать?

– Да нет, спасибо.

Не прощаясь, Вика опустила трубку на рычаг. В принципе, она не рассчитывала на какую-нибудь конкретную помощь, просто в трудную минуту всегда вспоминаешь о друзьях, даже если от этой дружбы остались лишь воспоминания. Впрочем, оставался еще один вариант.

Вика набрала телефон мамы и... прислушивалась к гудкам почти минуту, пока не поняла, что ей никто не ответит. Возможно, та просто вышла в магазин или спустилась к соседке, даже не догадываясь, что в кои то веки дочь очень хочет услышать ее голос. Обычные дела.

Оставалось еще с полдесятка номеров, но Вика отмела их один за другим, выбрав, наконец, тот, единственный, что был записан на оборотной стороне визитки. Она как могла бежала от этого варианта, но именно Сашкин номер отозвался со второго сигнала и простой тихий голос после приветствия сказал:

– А я знал, что ты позвонишь.

Хотелось возмутиться этой наглости и самоуверенности, но Вика, во-первых, устала от всего, чтобы возмущаться, а, во-вторых, в голосе Сашки вовсе не было наглости. Он просто действительно знал.

Вика вздохнула.

– А твое предложение посмотреть на твои достижения – это не уловка Дон Жуана?

– Да нет, я действительно хочу тебе кое-что показать. Ты ведь никогда не была в виртуальной реальности?

– Где!?!...

Когда через пять минут Вика положила трубку, она уже чувствовала себя гораздо лучше. Беспокоящие ее волнения и страхи немного отступили. Совсем чуть-чуть отступили, до поры, но для измученной Вики и это было счастьем. А когда через полчаса она, стоя в дверях, оглянулась, то поняла вдруг, что всей душой желает оставить в этих четырех стенах свои проблемы и беды и... не возвращаться. Странное предчувствие, что это может стать реальностью, кольнуло сердце, но Вика, уставшая от неопознанных мыслей, не обратила на него внимания. Зато с удовольствием заметила, что голова у нее больше не болит.

На углу, напротив гастронома, Вика тормознула старенькую иномарку со значком такси и, забравшись на заднее сиденье, назвала шоферу адрес. Место, где должен был встречать ее Сашка, находилось на другом конце города. В машине было тепло и играло радио. Таксист оказался немногословным пухленьким мужичком лет сорока, который лишь изредка бросал характерные шоферские фразы типа «Ну давай, браток, успеваем же!» и спокойно вел машину. Дороги, впрочем, в этот час были не очень загружены, и особых нервов езда не доставляла. Вика откинулась на сиденье, и, слушая музыку, льющуюся из динамиков прямо за ее спиной, уставилась в окно. Звучала какая-то новая, очень даже неплохая, песня, только обретающей известность группы со странным названием «Смысловые галлюцинации».

*Мне не нравится лето
Солнце белого цвета
Вопросы без ответа
Небо после рассвета
Унеси меня ветер
На другую планету
Только не на эту
Где я все потерял*

Насчет другой планеты идея была заманчивая, а вот променять тепло лета... Нет уж!

За окном, окрашенный осенним солнцем, проплывал город, как следует умытый недавними дождями. Практически по-зимнему одетые прохожие прокладывали свой курс среди луж, в которых, прямо как у Шевчука, отражалось небо с облаками, а еще мерзли последние сорванные ветром листья. Вика поежилась, не желая признавать, что кому-то может не нравиться лето.

Проигрыш, а, вернее припев, напомнил ей заставку какой-то старой, еще советских времен, передачи, то ли «Сегодня в мире», то ли «Панорамы». Реальная мелодия, наверняка, была еще старше, взятая из инструментальной классики, но это совсем не портило картину. Даже наоборот. А из динамиков тем временем звучало:

*Все приборы врут
Все, кто с нами умрут
Кольцевые дороги
Никуда не ведут
Унеси меня ветер
На другую планету*

*Где черное небо
Где меня не найдут*¹³

Определенно эта песня нравилась Вике. Она закрыла глаза, желая, чтобы ее тоже ветер унес туда, где не найдут никакие проблемы и беды. А может заодно и некоторые люди. Это было бы здорово, но, увы, абсолютно нереально. Разве что... в Сашкиной виртуальности. Вика вздохнула и в который раз с того момента, как была положена трубка, спросила себя, правильно ли она сделала, согласившись на эту встречу? Ведь не раз она слышала истории о том, как легко одним опрометчивым свиданием разрушается семейная жизнь, особенно если супруг так ревнив и вспыльчив, как ее Роман. Правда, справедливости ради, нужно заметить, что за свою жизнь она наслушалась также историй о прекрасном симбиозе мужей и любовников, но это были скорее сюжеты для анекдотов, нежели серьезные примеры житейских ситуаций. А что уготовано ей?

Такси миновало кольцевую развязку и выехало на проспект.

«Если хочешь вернуться, сделай это сейчас», – шепнул ей уже знакомый внутренний голос. Но Вика лишь крепче сжала кулаки. Лучше сожалеть о содеянном, чем о несовершенном.

«Даже если речь идет об измене мужу?»

В качестве ответа своему «альтер эго» она попросила таксиста сделать радио погромче. Хорошую песню про другую планету сменила не очень хорошая песня про безответную любовь в стиле рэп, но ей было все равно, лишь бы не отвечать себе на этот вопрос.

- На перекрестке остановиться не смогу, тормозну за остановкой, у зеленых ворот.

Вика кивнула. За этими воротами находилась Сашкина «контора», а он сам уже ожидал ее на остановке, которую они только что проехали. Вика расплатилась и вышла навстречу фигуре в длинном пальто.

Как там в песне, «Унеси меня ветер...»

Глава 5

– Вот здесь мы и работаем.

Они прошествовали мимо пожилого вахтера, лишь на миг оторвавшего взгляд от газеты, чтобы взглянуть на вошедших. Если и были у Вики ассоциации со словом «виртуальность», то они никак не сочетались с темным и тесным коридором, по которому они шли, и давно требовавшими покраски дверьми. Сашка провел ее каким-то мрачным переходом, затем они свернули направо и оказались на лестничной площадке.

– Нам вниз.

Вика ощутила, что сердце ее начинает стучать сильнее, и ноги с трудом находят опору. Все! Это была точка невозвращения. Такси, и даже проходная еще давали шанс сбежать и вернуться к привычной жизни, но теперь незримая черта пристойности ситуации была пересечена. Лестница вела вниз в прямом и переносном смысле. Сашка был проводником. А, может, заманивающим жертву inferнальным злодеем.

Они прошли несколько ступеней и Вика поняла еще одну причину своего волнения. Она вторгалась в тайну. Когда они уже окончательно спустились на подвальный этаж, это ощущение стало доминирующим. Еще раз повеяло «Секретными материалами» или чем-то похожим, из прочитанной когда-то фантастики. Тем более, что этот этаж разительно отличался от верхнего. Здесь пахло свежей краской. Вдоль стен тянулись еще не запыленные кабели, кое-где ныряющие в белые короба. Потолок украшала блестящая кишка вентиляции. А двери, мимо которых они проходили, имели выступающие коробочки электронных замков.

Сашка подвел ее к одной из таких дверей, достал из кармана пластиковую карточку и еще что-то набрал на кнопках под крохотным жидкокристаллическим экраном. Послышался негромкий щелчок. Вика даже немного напряглась, чувствуя себя персонажем шпионской истории. А рядом, наверное, Бонд, Джеймс Бонд...

– Саша, а тебе ничего не будет от начальства за то, что ты привел меня сюда?

Он посмотрел на нее с чуть уловимой улыбкой.

– А я и есть начальство. Большое начальство. Из заграницы. А про тебя, если понадобится, я могу сказать, что ты опытный программист, которого я собираюсь взять на работу, – улыбка его чуть расплылась и было непонятно, шутит ли он или говорит правду.

Сашка открыл дверь и они вошли.

За порогом оказалось хорошо освещенное просторное помещение, напичканное таким количеством аппаратуры, какое Вика и представить себе не могла. Тут стояли с десятков компьютеров, часть которых была включена, вдоль стен расположились какие-то перемигивающиеся светодиодами шкафы в рост человека. В глубине лаборатории угадывалась укрытая пленкой установка с чем-то отдаленно напоминающим тренажер вестибулярного аппарата у летчиков. Пара свободных от прочей техники столов были завалены папками и чертежами.

А еще в лаборатории играла музыка. Знакомая гитарная мелодия, почему-то напомнившая о золотом пионерском времени. Со второго аккорда она узнала «Кино» и чувство беспокойства и волнения стало ее покидать. Сколько же она не слышала Цоя? Нет, ну, может быть слышала где-то по радио, но так, чтоб своими руками поставить кассету...

Звучали «Красно-желтые дни» из «Черного альбома». Недавно последнему альбому Цоя исполнилось десять лет, но о певце уже не вспомнили даже на круглую годовщину смерти. Все СМИ были заняты гибелью подводной лодки, случившейся как раз в это время. Август, как обычно, не мог обойтись без жертвоприношений.

Застоялся мой поезд в депо.

Снова я уезжаю. Пора.

За порогом ветер заждался меня.

*На пороге осень – моя сестра.*¹⁴

Вика поискала глазами источник звука. Ей вдруг захотелось, чтобы это оказался старенький кассетник с наклейками на корпусе, какой они слушали во дворе еще будучи наивными подростками с грандиозными мечтами и ненаписанной судьбой. Однако, разумеется, здесь это мог быть только компьютер.

Сашка провел ее вглубь лаборатории, где находилось подобие кают-компании. Пара удобных кресел и почти не заваленный стол. Справа – полочка с электрочайником, чашками, сахарницей и тому подобным инвентарем. Слева – вешалка.

Сашка принял у осматривающейся Вики пальто, пододвинул кресло и сделал тише музыку.

– Ну как тебе первое впечатление?

– Смесь «Секретных материалов» с Джеймсом Бондом.

Сашка рассмеялся.

– Да, наверное. Когда я впервые увидел австралийскую лабораторию, а она по мощностям превосходит это место раз в двадцать, моих чувств было не передать. Я ходил с отвисшей челюстью, с трудом осознавая, что я буду там работать. Сейчас же ничего, привык. А здесь мне показалось тесновато и примитивно, хотя это не так. Сюда доставили все необходимое и самое современное. Теперь эта комната – тоже часть проекта.

– Если не секрет, какая роль отводится тебе?

– Меня вызвали протестировать оборудование и дать оценку готовности лаборатории, что я, собственно, и сделал. Монтировали и подключали здесь все наши, правда, под руководством американцев. Хорошие ребята, специалисты по «железу», но программное обеспечение – это уже больше в ведении австралийцев, так уж повелось почему-то. Из-за того, что здесь моя родина, послали меня. Все просто.

– Значит вы и вправду начальство, Александр Викторович?

– Да, Виктория Валерьевна, можно и так сказать, – Сашка смотрел на нее, улыбаясь, – внутри этих стен я большой начальник.

Его улыбка стала на миг грустной.

– Давай-ка лучше я угощу тебя чаем, – он встал и начал суетиться у чашек, – что мне нравится в этой стране, так это то, что даже в самой современной лаборатории с техникой на сотни тысяч долларов найдется место под чайничек, а в секретном сейфе может лежать бутылка коньяка. У нас в Австралии кофе можно выпить лишь из автомата в коридоре, да и то во время перерыва. Правда, все строгости касаются только работы на дорогостоящих ответственных проектах, но, к несчастью, мы как раз и есть такой проект.

– Тяжелая вообще работа?

– Как тебе сказать. Когда стоишь у истоков сотворения нового мира, забываешь, о том, что просидел за монитором десять часов и еще собираешься часиков пять поработать дома. Это затягивает.

– А отдых?

– Порой хватает стратегки вроде «Старкрафта» с противником на другом конце света, иногда садишься за руль, выбираешься в пустыню и просто слушаешь родную музыку, откинувшись в кресле. Правда левостороннее движение убивает. Никак привыкнуть не могу.

– А море? То есть океан?

– Бывает. Но, знаешь, меня как-то больше все-таки тянет в пустыню. Еще мечтаю попробовать полетать на дельтаплане с мотором, кое-кто из наших там увлекается.

– Из других стран, как ты, много?

– Да, есть. В основном, правда, хорошие мозги поставляют Индия и Китай, но и из Восточной Европы есть товарищи. Один парень из Белоруссии. Девушка из Приднестровья.

– А личный вопрос тебе можно задать?

– Да, конечно, – Сашка поставил на стол чашки, достал печенье и пряники. – Ты хочешь спросить есть ли у меня кто-то?

– В общем, да.

– Нет, – Сашка вздохнул, – Свидания были и пару раз даже заканчивались... м-м... совместным завтраком. Но это все не то. Знаешь такую притчу: Один мужчина всю свою жизнь искал идеальную женщину. Уже и старость подошла, а он все был один. Друзья спросили его: «Неужели за все эти годы ты так и не встретил ее – свою идеальную женщину?». «Встретил, – ответил он, – но она искала идеального мужчину». Вот так и я: ищу... и не нахожу.

Он поставил на стол заварочный чайник, выложил печенье на блюдце и тихо добавил:

– Что имеем, не храним. Потерявши, плачем.

Вика, понимая, на что он намекает, промолчала. Сашка тем временем разливал заварку в чашки.

– Мой любимый, – прокомментировал он, – травяной, с мятой, чабрецом, розой. Обожаю такой чай. Заезжал к родителям, набрал целый пакет.

– Как они там?

– Нормально. После моего отъезда перебрались в пригород, они всегда мечтали, завели хозяйство. Ты бы видела их сад! Я ночевал у них одну ночь. Вышел на рассвете, а вокруг туман. Тишина такая морозная, деревья проступают в сумраке. Я не поклонник Чехова, но сразу вспомнил «Вишневым сад». А еще ежика в тумане. Помнишь такой мультик?

– Конечно, – Вика улыбнулась, – Лошадь, медвежонок, можжевельные веточки...

Сашка разлил кипяток и задумчиво посмотрел в чашку, от которой вместе с дымком поднимался потрепанный аромат.

– А еще я вспомнил, как однажды апрельским вечером провожал тебя в таком же тумане.

– Это был март.

Сашка вздрогнул и оторвал взгляд от чая:

– Что?

Вика отчего-то смутилась, но повторила:

– Это было в конце марта. У Стивена Кинга есть такой рассказ – «Мартовский выползень», тоже с туманом, поэтому я и запомнила.

– Может быть. Помнишь, мы шли по улице с частными домами. При приближении дома эти выступали из тумана, такие таинственные, даже зловещие, а потом снова исчезали. Вокруг

фонарей были такие ореолы, и ни одной машины. Мы боялись заблудиться, и поэтому крепко держались за руки...

Вика хотела остановить его излишняя, но передумала. Эти воспоминания были ей приятны, хотя вслух об этом она никогда бы не призналась.

Сашка, вновь потупив взгляд, наблюдал как стынет чай.

– А анекдот помнишь?

– Нет.

– Про лошадку?

– Не помню.

– Сидит ежик на скале в тумане и кричит куда-то вниз: «Лошадка! Лошадка-а!!» Подходит медвежонок: «Ежик, ты чего кричишь?». Ежик отвечает: «Там лошадка». «Где?». «Там!» – ежик показывает вниз. Медвежонок подходит к краю и срывается вниз. Ежик со вздохом: «Медвежонок!»

Вика засмеялась:

– Теперь помню.

– Да, было бы здорово потеряться в том тумане.

Он замолчал и сделал первый глоток, наслаждаясь, и чаем, и воспоминаниями, и гостьей. Где-то рядом Цоя сменил Шевчук с его легендарной «Осенью». Музыка звучала совсем тихо, едва перекрывая фон от работающего оборудования. Вика взяла чай, вдохнула аромат...

– Когда я в первый раз уезжал из страны, тоже был туман. Мне предстоял такой долгий путь: поезд, три авиаперелета, потом, уже там, автобус. Я так волновался. Стоял в тамбуре, ожидая отправления, смотрел на туман и вспоминал, как мы шли тогда по этой улице. Знаешь, глобальные перемены в жизни – это так тяжело. Особенно если пытаешься справиться со всем этим сам. Как мне хотелось тогда, чтобы кто-то был рядом, близкий, понимающий. Чтобы, может быть, поддержал. Конечно, были родители, и моему дипломному руководителю, Виктору Григорьичу, я тоже многим обязан. Правда, когда мы прибыли на место, я уже не думал об этом, мир высоких технологий тут же захватил меня с потрохами, но тогда... Этот перрон, этот туман... Первый шаг в неизведанное... Когда поезд тронулся, я даже что-то сочинил.

– Прочти, – попросила Вика, глядя ему в глаза.

Сашка замялся:

– Да я уже и не помню. Разве что концовку:

*Далеко-далеко мой потерянный рай
Далеко утонувший в тумане вокзал
Где однажды во сне я почти до утра
Свою девочку-осень из прошлого ждал¹⁵*

Извини, я так давно не читал вслух стихи.

– Брось, здорово. Ты еще пишешь?

– Очень редко. С одной стороны моя работа – гораздо более эффективный способ самовыражения. С другой – наверно, я все-таки вырос из всех этих «плюшевых» сказок. Так или иначе, поэзия осталась в прошлом.

– А гитара?

– Гитара? – Сашка посмотрел на кончики своих пальцев, безуспешно пытаясь найти там мозоли от струн, – Гитара, пожалуй, тоже.

– Жаль.

– Да, но как говорил один мой знакомый, «Это жизнь, Сссанек!».

Вика отхлебнула еще чаю, и осознав, что проголодалась, потянулась за пряником.

– А один мой знакомый из общаги говорил:

*Ну вот и закончились пряники,
Моя основная еда.
Когда же я сдам все экзамены?*

*Домой я поеду когда?*¹⁶

Сашка улыбнулся.

– Общага, – в его устах это слово прозвучало совсем уж необычно, с ярко выраженным акцентом, – надо же, я уже и позабывал такие понятия.

– Ага, капиталисты вы эдакие, – сказала Вика с набитым ртом, – ничего и не помните.

– Да, – согласился Сашка и посмотрел на улетающую пряники Вику – Может быть, заказать пиццу? Или хотя бы сделать бутерброды?

Вика в ответ отрицательно замотала головой. Сашка задумчиво отхлебнул чаю:

– До сих пор не понимаю, как получилось, что я живу уже в другой стране.

– А как действительно получилось? Доходили, конечно, разные слухи, но хотелось бы узнать от первоисточника.

– В первую очередь, я думаю, просто повезло. Во-вторых, дело в симпатии со стороны руководства кафедры вкупе с благодарностью за некоторые, скажем так... мм... профессиональные услуги преподавательскому составу по отдельности и всей кафедре в целом. К примеру, это я делал первый сайт нашей специальности, а таких мелких поделок, вроде презентаций на конференциях, или оформления графчасти кандидатских, было не счесть. Ну и уже потом, после всего этого, идут способности.

– Слушай, скромность и тщеславие так переплелись в тебе!

В ответ на это Сашка даже не улыбнулся.

– Серьезно, я никогда не был первым. Ну, в первой пятерке. Ладно, иногда, в кое-каких вопросах, в первой тройке. Я в некотором роде тормоз в усвоении нового материала. Еще в школе, когда объясняли новую тему, я дико отставал, и лишь посидев вечер дома за учебником, разложив для себя все по полочкам, мог на следующий день составить конкуренцию нашим вундеркиндам, тем, кто схватывал на лету.

– Значит, именно это в тебе и оценили.

– Не знаю, – Сашка пожал плечами, – Мне кажется, я только и умел всегда найти оптимальный вариант алгоритма, а потом хорошо отладить программу.

– Насколько я помню, усидчивости тебе было не занимать.

– Понимаешь, в программировании самое главное хорошо владеть основными инструментами моделирования. В этом программирование схоже с юриспруденцией. Имеется некий свод правил и законов. Хорошо владея ими, ты можешь добиться чего угодно, и даже кое-где, как это ни парадоксально, обойти эти же самые законы. Разница лишь в количестве способов, в той или иной ситуации ведущей к достижению цели.

– Круто сказал! – похвалила его Вика.

– Это сказал на одной из первых лекций наш зав. кафедры Михаил Палыч Строгинецкий. По большому счету благодаря ему я теперь австралиец.

– Да?

– Да. Понимаешь, у нашего Палыча обнаружили такие связи и знакомства по всему миру, о которых, я думаю, даже его коллеги не догадывались. Однажды он привез с какой-то конференции по компьютерным технологиям кучу документации по проекту, связанному с использованием так называемой виртуальной реальности. На то время, правда, а это было около четырех лет назад, «вирты» – это на нашем сленге специализированные программы-имитаторы – годились разве что для игр и спецэффектов в кино, но проект хорошо финансировали, и наш деканат решил ввязаться в большую игру. К делу были привлечены и Министерство Образования и Академия Наук, и в итоге нам была поручена часть работ – разработка софта для серверных станций, собственно и поддерживающих все остальное программное обеспечение. Это было, конечно, занятие для чернорабочих, но оно позволяло прочувствовать все нюансы дела и не ощущать себя ламером, если вдруг навернется что-нибудь из низов системы. Участвовали примерно десять человек: преподаватели, аспиранты. Из студентов нас было только двое, я и Женька Бугров, но он перед этим женился по залету и просто не потянул нагрузки, предпочел посвятить себя семье. Институт, он, правда, закончил, но уже без всяких там проектов. Единственное, что слышал о нем – он открыл игровой компьютерный зал и его парни даже

участвуют в мировых чемпионатах по «Квейку» и прочему. Жалко, конечно, его талант, но у каждого своя жизнь.

Они немного помолчали, потом Вика спросила:

– А что случилось с твоим дипломом?

– А-а, – Сашка оживился, – Вот тут начинается самое интересное. Но сначала предисловие. Ученые из Гамбургской клиники обнаружили несколько лет назад, что в стрессовых ситуациях у человека очень часто включаются практически неиспользуемые в обычной жизни участки мозга, помогая человеку преодолеть проблемную ситуацию. Разумеется в разных ситуациях и у разных людей по-разному, но при очень сильном стрессе, в ситуации, угрожающей жизни человека, мозг может творить совершенно неожиданные вещи. К примеру, ты, наверняка, слышала истории о том, как иногда может замедляться время в критической ситуации. Солдат на войне смог увидеть летящую в него пулю и увернуться от нее, водитель успел совершить невероятный с точки зрения реакции маневр и спас ребенка. Или у потерявшейся в лесу девочки как бы включился внутренний компас и она сумела найти дорогу к дому. Такое порой встречается в рубриках «Невероятно, но факт». Так вот, оказалось, вещи эти можно определенным образом и определенными средствами стимулировать. Но и это только, как говорится, присказка. Кое-кому пришла в голову идея попробовать совместить обычные виртуальные очки, перчатки, с таким аппаратом для стимулирования мозга. Кому и где – я не знаю и, похоже, то ли это тайна, то ли информация потерялась, но, в общем, выяснить, кто это был, мне это так и не удалось. Не в этом дело. Идея имела ошеломляющий успех. Мозг воспринимает компьютерную картинку в очках как некий стресс, заключенный в отсутствии привычного окружающего мира, и превращает проецируемое на дисплей в реальность. Исчезает всякая зернистость, домысливаются детали, стирается всякое различие между жизнью и компьютерной программой. Получается парадокс – стараясь найти опору в мнимом, мозг превращает мнимое в опору. Причем все это абсолютно безопасно. Испытуемые сидели в нарисованных мирах часами, потом сутками, за ними следили опытные медики. Никаких болезненных симптомов кроме головной боли у тех, кто был в напряжении, играя, например, в динамичные игры. Благодаря этому виртуальная реальность поднялась на новый виток. В своей первой поездке в Австралию я получил доступ к этой информации и решил забаббахать по этому поводу первоклассный диплом. Все материалы были у меня на руках. Но тут начались проблемы. Этот аспект проекта заморозили, у меня отозвали документы, а вдобавок ко всему интерес к нам стали проявлять разные «спецслужбы». Я даже немного сдрейфил. Теперь то я понимаю, что не было никакого Большого Заговора. Просто где-то наверху менялось начальство, играя в свои игры, плюс стали давить структуры здравоохранения, настаивая на продолжении тестов, прежде чем проект получит широкую огласку. А наша госбезопасность по традиции просто всегда начеку. Короче, мы с Григорьичем решили не искушать судьбу. Он выдал мне чей-то диплом двухгодичной давности, причем уже в электронном виде. Я оформил все за неделю, даже не прерывая работы по основной теме.

– Скажи, так это все секретно или нет?

– Вообще-то нет. Основные принципы, программы для виртуальной реальности секретом не являются, но на деле осуществить что-либо без хорошей материальной базы невозможно. А установки максимальной реальности – так они называются в грубом переводе с английского – те действительно засекречены, но, опять же, в разумных пределах. Под контролем их производство, тщательно бережется их ноу-хау, но никто не собирается приставлять к каждому аппарату охранника или запрещать фото или видеосъемку в лаборатории.

– Но ведь его могут украсть?

Сашка кивнул на скрытую под целлофаном установку и на рядом стоящий шкаф:

– В карман такую штуку не положишь, правда? Ну, даже пусть кто-то и раздобыл полностью укомплектованную лабораторию, но у него не будет к ней программного обеспечения. Ну, даже если и будет, не будет квалифицированных специалистов. Но даже, если и будут специалисты, и что? Его виртуальность будет локальной, это же не Интернет, в который можно войти через телефонную сеть. Я даже не знаю, какой в этом может быть смысл. Разве что, для игрового зала. Но это как по мухе стрелять из пушки.

– То есть вы не боитесь, если ваши изобретения попадут в плохие руки?

– Вика, это же не фильм, где злодеи-террористы хотят поработить мир, и где хороший герой всегда побеждает плохого. В жизни все сложнее. С одной стороны это не ядерный двигатель, за которым могут охотиться десятки стран и сотни структур. С другой стороны любое изобретение можно использовать по-разному. Как и инструмент. Дай топор одному – и он срубит дом, дай другому – он приберет старушку.

– Неужели в ваших структурах тишина и покой?

– Нет, почему же! Парни из службы безопасности каждую неделю отбивают атаки хакеров и разных психов, насмотревшихся «Матрицу».

– Успешно?

– Вполне. Но, даже если кто и доберется до программ, а многие туда и целят, их ждет разочарование: языки программирования, операционные системы, с которыми мы работаем, еще не появились на мировом рынке.

Вика прочла на лице Сашки неподдельную гордость. Они снова немного помолчали, пока Сашка разливал чай по второму кругу. Потом Вика спросила:

– А что стало с вашей командой?

– Команда – это громко сказано. В принципе сотрудничество продолжается, профессура по-прежнему снимает с этого дела пенки. Григорьич хотел было тоже податься к капиталистам, но на него надавило руководство, повысили ему зарплату и оставили со студентами. К тому же у него большая жена. Из бывших аспирантов по проекту работают трое – два здесь и один в Штатах. Еще один из нашей команды, как ты выразилась, тоже в Штатах, но занимается чисто бизнесом, превратился из Антона в Тони. А Михаил Палыч руководит *этим*, – Сашка сделал широкий жест руками, имея в виду весь лабораторный комплекс.

– А кто вас финансирует?

– А вот на этот вопрос я предпочел бы не отвечать. Догадываюсь, что живем мы на две трети частными инвестициями, но при всем этом контрольный пакет акций как бы находится у государства. Все запутанно, давай не будем об этом. Ты лучше расскажи о себе, а то мне даже неловко, что только я и болтаю, да еще и так заумно.

– Брось, ты очень интересно рассказываешь, – Вика хотела упомянуть известную поговорку про то, что женщины любят ушами, но вовремя спохватилась. Берeditь старые раны сейчас не стоило.

– И, все-таки, как сложилась у тебя жизнь?

– Нормально, – не в силах рассказать об истинном положении вещей, ответила Вика, – работаю практически по специальности, менеджер среднего звена в фирме, занимающейся торговым оборудованием: витрины, холодильники и прочее. Не очень большая зарплата, но приятный коллектив и – главное – возможность роста. Замужем за Романом, как ты знаешь, скоро будет три года.

– Детей нет, – в унисон отозвался Сашка.

Вика чуть запнулась и непроизвольно отвела глаза, надеясь, что это Сашка не обратит на это внимание.

– Да, мы еще не готовы к такой ответственности.

– Счастлива?

– Вполне.

– Врешь...

Вика резко подняла глаза и увидела, что Сашка смотрит на нее с какой-то особенной грустью и теплотой:

– У счастливых людей совсем другой взгляд. И о счастье своем они говорят иначе... или вообще не говорят. За них говорят глаза.

Вика, уже хотевшая было возмутиться в ответ на его реплику, вдруг сникла и снова опустила глаза. Возникло желание хлебнуть чего-нибудь покрепче чаю и выложить все как на духу, но она не могла ... просто не могла это сделать. Голоса внутри нее на этот раз молчали, но и без них Вика распадалась на части, решая, стоит ли плакаться в жилетку человеку, которого она в свое время очень пыталась забыть, или, сцепив зубы, оставаться «счастливой» женщиной. Ситуацию спас сигнал какого-то зуммера.

Извини, – Сашка поднялся и поспешил к одному из работающих компьютеров.

Вике было видно, как он вызывает какую-то программу, поправляет стоящий над монитором небольшой шарик, как догадалась она, микрокамеры. Спустя секунду на экране появилось лицо краснощекого усача.

– Александр Викторович, мы закончили прогонку. Сбои лишь по седьмому каналу, который все равно завтра будут менять.

– Остальные параметры в норме?

– Да, все окей. Даже отклонения по питанию не более трех процентов.

– Ну, замечательно, – Сашка посмотрел на часы, – Киньте отчет на шестнадцатую машину в каталог «Элдест» и можете быть свободными. Кроме дежурных, конечно.

– Счастливо, Александр Викторович. Удачной дороги!

– До свидания, Миша.

Сашка вышел из программы и вернулся к Вике.

– Это были последние штрихи. Моя работа здесь окончена. За исключением одной маленькой вещи.

– Какой?

– Я обещал, кажется, показать тебе виртуальность.

– Неужели ты серьезно? – Вика чуть опешила, совершенно не ожидая, что брошенные в разговоре слова окажутся в прямом смысле приглашением посетить виртуальность.

– Абсолютно.

– Да ну, Саш, я совсем не готова.

– Да тут и не надо ни к чему готовиться. Просто скажи «да».

– Ты прямо так сразу...

– Во-первых, не сразу. Я долго готовился сам и готовил тебя к этому. А во-вторых, другой такой шанс представится не раньше, чем через десяток лет, когда цены и технологии позволят делать домашние комплексы. К тому времени у тебя, наверно, уже будут взрослые дети.

– Но ведь у меня по этой части всегда будет знакомство, – Вика уже готова была сломаться, но все еще делала попытки «отмазаться».

– Увы, мой дом теперь в Австралии, и когда я в следующий раз приеду, здесь уже не будет так тихо, по-домашнему, и мы не сможем уже никогда повторить это чаепитие среди хлама, стоящего сотни тысяч баксов.

– Может не надо? – жалостливо пропищала Вика.

– Я не сказал самого главного. Я делал вирт специально для тебя. Полтора года.

На возражения у Вики не осталось сил. Она вздохнула.

– Ну раз для меня...

– Вот увидишь, тебе понравится.

Глава 6

– Саша, это действительно безопасно?

– Абсолютно. Если суммировать, то я провел в виртуальности несколько месяцев. Как по-твоему, со мной все в порядке?

– Знаешь, я вообще-то не видела тебя почти четыре года.

– Оптимистичное замечание.

Вика полулежала в кресле той самой установки, что стояла зачехленной в углу лаборатории. Сейчас пленка была аккуратно сложена на соседнем столе, а сама Вика облачена в специальный костюм, которым снабдил ее Сашка, после еще нескольких минут финальных препирательств. Подключенный к комплексу компьютер прогонял какие-то тесты перед стартом, а гость из Австралии, ободряюще улыбаясь, колдовал в паутине свисающих проводов.

– Серьезно-серьезно, абсолютно безопасно. Но таблетку от головной боли на всякий случай все-таки надо принять.

– Таблетку? – подозрительно спросила Вика.
– Тебя больше не мучат приступы мигрени если ты долго сидишь перед компом или телевизором?

Вика судорожно сглотнула:

– Помнишь...

– Еще бы. Я много что помню. Ну, это, конечно не 486-й с частотой обновления экрана в полтинник герц, с которого мы начинали, но лучше подстраховаться. Ну так что?

Вика вздохнула:

– Давай сюда свою таблетку.

Сашка подал ей кружку и светло-зеленую пилюлю из разрисованной коробочки, чуть кислую на вкус.

– И все-таки не верится, что это австралийский аспирин, – Вика хитро прищурила один глаз.

– Это австралийский цитрамон.

– Обманщик, – Вике стало почему-то весело, но это, как она догадалась, было нервное. Как в институте перед сложным экзаменом. Это еще называлось «юмор висельника». Тем не менее волнение взяло свое, – А ты будешь там со мной?

– Конечно, – Сашка подтянул откуда-то сверху шлем, напоминающий отчасти летный, а отчасти ни на что не похожий, потому что в районе глаз находилась две квадратные выпуклости стереоэкранов, – В соседней комнате такая же установка. Я присоединюсь к тебе через несколько минут.

В глазах Вики блеснул едва уловимый страх маленького ребенка, которого родители собираются оставить одного. Казалось Сашка прочел ее страх.

– Я когда-нибудь обижал тебя? Делал больно?

– Нет, – Сашка мог причинить боль лишь бездействием, как тогда, когда появился Роман, но про это Вика, конечно, промолчала.

– Тогда последние наставления. Экстренный аппаратный выход из программы – предохранитель на шлеме, над левым экраном, – Сашка показал на торчащую в разьеме перемычку. Когда ты в вирте, это напоминает выщипывание брови.левой, если быть точнее. Экстренный программный, – Сашка чуть замялся, – три раза перекреститься. Не знаю, кто первый это придумал, но вот... так. Пока я буду входить, ты побудешь как бы в режиме ожидания. Вид водопада тебя устроит?

– Наверно...

– В любой момент можем выйти, только скажи. Но, вообще, я запрограммировал на час, если... все будет по плану.

Вика сделала большие глаза:

– А что может быть не по плану?

– Ты не захочешь возвращаться.

Вика рассмеялась, думая, что это шутка.

Поток срывался с мшистого уступа и, сверкая в косых лучах солнца, падал вниз. В полете вода распадалась на струи, струи дробились на капли. Вика слышала шум, с которым они встречаются с твердью, разлетаются миллионами брызг и снова соединяются в маленькой прозрачной речушке, бегущей куда-то вдаль между заросших травой камней. Водопад был небольшим, метра три, или чуть больше, в высоту, но именно эта миниатюрность придавала ему необычайно привлекательный, уютный вид. Вика стояла (или ей казалось, что она стояла) рядом с подножьем. Рядом с ней переливались и дрожали в водяной пыли маленькие радуги. А вода текла и текла, сбегая откуда-то с холмов, падая с уступа, очаровывая какой-то своей мудростью и одновременно беспечностью. Пожалуй, Сашка все предусмотрел, это было как раз подходящее место для того, чтобы успокоиться и подготовиться к чему-то новому. Вике вспомнилась одна старая фраза и она незаметно для себя произнесла ее вслух:

– Есть три вещи, на которые человек может смотреть бесконечно: как бежит вода, как горит огонь...

– ...и как работает другой человек, – раздался за спиной знакомый голос.

Вика оглянулась. Осторожно переступая с камня на камень, к ней шел Сашка. Здесь он был одет в голубые джинсы и расстегнутую клетчатую рубашку навывпуск поверх белой футболки. На ногах – кроссовки, его любимая в юности обувь. Это навело Вику о мысли, во что же одета она? И она, опустив глаза вниз, боязливо осмотрела себя. Оказалось, что на ней тоже джинсы (только темно-синие и, разумеется, женского заниженного в талии, облегающего покроя), пестрая блузка и туфли, напоминающие теннисные.

– Не волнуйся, ты очень даже прекрасно выглядишь.

– Почему именно так?

– Я могу изменить твою одежду, если хочешь. В базе найдется десятка три разных нарядов. Правда понадобится немного времени, – Сашка потянулся к какому-то прибору, закрепленному, на руке наподобие часов.

– Не стоит. Мне нравится. Давно не носила джинсы.

Сашка подошел ближе.

– Ну как тебе?

– Красиво. Всю жизнь мечтала увидеть настоящий водопад.

– Это всего лишь картинка для режима ожидания. Одна из прихожих нашего мира. Мой коллега пишет такие. В его коллекции уже, кажется, есть все, начиная с океанских атоллов и заканчивая снежными вершинами.

– Передай ему мое восхищение.

– Непременно, – Сашка протянул ей руку, – Ты готова?

– Да.

– Первый шаг всегда очень труден, будь ты новичок или профи этого мира, – пояснил Сашка, – и, может быть, зря я выбрал такой рельеф... Хотя, ерунда! Хожение пешком такое же простое дело, как взгляд, или поворот головы, которые ты освоила не задумываясь. Просто не концентрируй на этом внимание и все.

Она осторожно коснулась предложенной руки, ощутив ее вес и, как ей показалось, теплоту.

– Саш, кроме слуха и зрения, какие чувства здесь еще есть?

– Реально – те, что ты назвала, и осязание. Однако, сознание домысливает и обоняние, и тепловые ощущения, и даже вкус.

– Здесь можно есть?!

– А почему бы и нет? По-настоящему ты, конечно, голод не утолишь, но...

– Я чувствую тепло твоей руки.

– А если бы вокруг был ледник, ты решила бы, что руки у меня холодные.

Вика неопределенно качнула головой. Она думала совсем не о том. Последний раз Сашка держал ее за руку примерно шесть лет назад, и совсем в другой вселенной...

– Ну, что, пойдём?

Вика усилием воли прогнала тень воспоминаний и попыталась сделать шаг. Тело легко послушалось ее, хотя и не совсем так, как она того ожидала. Ноги будто что-то связывало, и она вспомнила, что реально лежит сейчас в напичканном датчиками костюме. Словно прочитав ее мысли, Сашка сказал:

– Сейчас ты здесь. Не задумывайся над тем, что собираешься сделать. Просто иди.

Вика посмотрела на него, чуть крепче вцепилась в руку и... закончила шаг, опустив стопу в темно-изумрудный мох. Следующим шагом она уже примяла зеленеющую у камня траву. А потом был еще один шаг. И еще...

Они поднялись на последний уступ, оставляя водопад уже внизу, и окружающее как-то неуловимо изменилось.

– А ты способная ученица. Немногие новички способны научиться этому с первого раза. Зато когда научишься, можешь вытворять что угодно. Бег, прыжки, даже сальто. Наши подумывают о вирте с пониженной гравитацией или, вообще, близкой к нулю, чтобы...

– Летать?
– Да. – Сашка улыбнулся, – Сделать полную имитацию полета без применения какой-либо техники.

Они сделали еще несколько шагов, перевалив через вершину холма и перед ними открылся цветущий весенний луг. Покуда хватало глаз вокруг были разбросаны узоры белых, желтых, розовых цветов на фоне сочной ярко-зеленой травы. Воздух был наполнен неопируемыми, безумными ароматами. Вдали чернела тонкая лента дороги. А над этим всем висело теплое голубое небо с размазанными зигзагами перистых облаков. Вика остановилась как вкопанная.

– Боже, как красиво!

Она нагнулась и сорвала бледно-розовый цветок, поднесла к лицу.

– Он пахнет. Почти как ландыш, только слабее.

– У тебя развитое воображение. Я смог распознавать запахи лишь через пару недель, и то поначалу лишь резкие, ярко выраженные. Запах горелой изоляции, например.

– Мне кажется, этого нельзя не почувствовать. Знаешь, в детстве, я каждое лето на несколько дней ездила в деревню к деду. Там тоже был луг, только, конечно, поменьше и не такой красивый. Даже не просто луг, а пастбище. Дед рассказывал, что весной на нем распускаются яркие полевые цветы, но я никогда этого не видела. К тому времени, как я приезжала, там уже всю хозяйничали коровы.

– Которых ты к тому же боялась...

Вика удивленно посмотрела на Сашку.

– Я это рассказывала?

– Да, и не раз. Неужели не помнишь, как мы шли с института, а один мужичок переводил через дорогу двух телят. Ты так вцепилась мне в руку, что у меня даже остались синяки.

– Неправда!

– Что неправда? Про синяки?

– Все неправда! Ты все выдумал.

– Возможно...

Вика помолчала.

– И все-таки здесь просто потрясающе. Хочется разуться и пробежаться босиком по траве.

– Пожалуйста. Сегодня возможно все.

Сашка набрал что-то на своем наручном приборе и Вика почувствовала, что кроссовки куда-то пропадают. Трава приятно защекотала босые пятки.

– Э, да ты меня и раздеть так можешь.

– Теоретически могу, – смущенно пояснил Сашка. – В некоторых виртах кураторы вообще имеют возможность полного морфинга. Как в сказке: добрый молодец превращается в козленка, лягушка – в принцессу. Ну как тебе травка?

Вика сделала несколько шагов.

– Здорово! Просто здорово! Даже не верится, что где-то там сейчас ноябрь и по небу ползут дождевые тучи.

– Где-где ты увидела дождевые тучи?

– В реальности, – Вика рассмеялась во весь голос, и побежала вперед. По-детски припрыгивая, она несколько раз пробежала туда-сюда. Потом, дыша немного устало, оглянулась.

– Куда мы сейчас?

– Куда? – Сашка хитровато прищурился, – По следам твоих грез.

Глава 7

– Вау! Фантастика!

Они стояли на обочине той самой дороги, что черной лентой лежала за цветущим лугом. А на самой дороге проявлялся... автомобиль.

– Понимаешь, эта машина – отдельный транспортный вирт без конкретных привязок и сейчас я инсталирую его в наше пространство. Для перемещения внутри программы применяются схемы гораздо более простые, но тебя я хочу прокатить по разным мирам.

Это чем-то напоминало проявку фотографий. Вначале были видны лишь общие полупрозрачные очертания. Потом появился объем, прорисовались детали, машина обрела твердость. Операция заняла несколько секунд, по истечении которых на асфальте оказался безумный дорожный монстр, представляющий собой двухместный кабриолет, посаженный на раму от раллийного внедорожника. Огромные широкие колеса весьма оригинально сочетались с элегантно обтекаемым кузовом купе ярко-синего цвета, над которым выступали хромированные трубы защитных дуг.

Вика стояла с отвисшей челюстью. Сашка скромно сказал:

– Я назвал его Зеалот. Кстати, дизайн тоже мой собственный.

– С ума сойти. Сашка, в тебе погиб гениальный конструктор.

– Нет. Но тем и приятна виртуальность. В ней, если есть желание, можно быть кем угодно.

Садимся?

Сашка галантно распахнул правую дверцу.

– Руль слева?

– Да, в виртуальности я принципиально не хочу перестраиваться.

– А почему именно Зеалот?

– Это базовый воин протосов из игрушки «Starcraft». Когда я обжился за океаном, то подсел на это дело.

Вика вскарабкалась на высокое сиденье и сразу утонула в роскошной мягкой коже. Сашка захлопнул ее дверцу и занял место водителя. Вика с нескрываемым восхищением потрогала темно-изумрудную панель, с чисто женской привычкой взглянула на себя в зеркало, смеясь, повернулась к Сашке.

– Ну, поехали что ли.

Двигатель взревел и передняя панель, неожиданно заискрившись, превратилась в жидкокристаллический экран, на котором объявились спидометр, тахометр, и еще десяток каких-то экранчиков и приборов. Сторона Вики осталась прежней, лишь пробежались по изумрудному золотые искорки.

– Что ж, поехали!

Стартовое ускорение вдавило их в кресла.

– Слушай, а ты собираешься вернуть мне обувь?

Дорога стремительно летела навстречу мощной машине. По сторонам проносились поля экзотических расцветок. Ветер озорно развевал волосы.

– Я конечно ничего не имею против, – Вика пошевелила пальцами ног, – у тебя тут очень даже мягкий коврик, но...

– Прости, прости, – Сашка смущенно забегал одной рукой по кнопкам прибора на запястье, не отрываясь при этом от руля. На Вике снова возникли кроссовки.

– Ничего. – Она чуть помолчала. – Саша, спасибо тебе. Здесь и вправду очень здорово.

– Знаешь, ты потрясающе быстро адаптировалась. Как правило, для этого требуется гораздо больше времени.

Вика задумалась. Она и вправду чувствовала себя очень комфортно и раскрепощено. Мелькнула мысль, что виной тому таблетка, которую вручил ей Сашка перед погружением, но Вика не чувствовала ни опьянения, ни какого либо влияния на сознание. Просто ей было легко и хорошо здесь с Сашкой. Какая-то нереальная свобода пропитывала ее как электромагнитные волны, вызывая прилив энергии и классного настроения. А кроме того тут было действительно интересно. Последнее время жизнь не баловала ее новыми впечатлениями, а тут на Вику обрушилось столько всего! А Сашка все не унимался:

– Сейчас мы перейдем на вирт Гигаполиса. Предполагается, что в будущем он станет бизнес-центром виртуальности. Приготовься. Может потряхнуть.

Сашка набрал что-то прямо на приборной доске. Зеалот отозвался низкой вибрацией и окружающее мгновенно померкло, как у телевизора со сломанной контрастностью. Было видно, как сквозь дымку удлиннились тени и потемнело небо. Машину подбросило, и в следующий миг мир вокруг взорвался феерией новых цветов и ощущений.

Здесь был вечер. Солнце, завернутое в мягкую упаковку облаков висело над горизонтом, окрашивая все вокруг в удивительный золотисто-розовый цвет. Они мчались по восьмиполосной автостраде, мчались в полном одиночестве, а впереди... был город. Ни в одном фильме Вика не видела такого. Это действительно был Гигаполис. И по размеру и по многообразию. Казалось, город занимал полгоризонта и полнеба. И тут было все. Растянувшиеся вширь здания, украшенные резными башенками, небоскребы, ныряющие прямо в облака. Дома, подобные средневековым замкам – с пирамидами из, казалось бы, одного стекла. Все это оплетали бесконечные паутинки многоуровневых улиц, пандусы, линии монорельса. Словно помещенные в колбы зеленели то здесь, то там компактные скверы и парки. Вика замерла, с изумлением глядя вперед.

– На самом деле пока что это призрак, – пояснил Сашка, – мы только-только начали заселять его. Заключаются контракты с заинтересованными фирмами, идут переговоры, нередко тяжелые. Если ты всмотришься, то увидишь, что далеко не все здания даже достроены, не говоря уже о вселении. Но, все равно, у Гигаполиса огромное будущее.

– Если честно, не понимаю, какой в этом смысл, если ваша виртуальность не только так безумно сложна, но и недоступна через ту же телефонную сеть.

– Все совершенствуется. Установки становятся проще и дешевле, а для коллективного пользования виртом наподобие Гигаполиса будет использоваться спутниковая связь с применением особой технологии, которая сейчас активно тестируется. Самые крупные компании мира уже получили соответствующие предложения. Скоро тут будет вестись активная деловая жизнь – конференции, презентации, заключение договоров, тестирование и покупка самых разных товаров. Как пример: представь, клиент, положивший глаз на новый вертолет, может его тут же опробовать. При этом в реале он не покинет свой офис или дом. Глянь, кстати, как выпендрилось представительство «SONY».

Сашка указал на огромное здание, состоящее, похоже, из одних окон. Причем часть из них была зеркальной, а остальные – матовые. На какой-то миг вся плоскость здания отразила огненные краски заката и Вика явственно прочла огромных размеров надпись «SONY», сделанную золотым по черному.

– Ого!

– Ночью в целях рекламы и просто богатых понтов здесь планируются просто фантастические шоу. Не надоело?

– Конечно, нет.

Дорога совершила плавный поворот и направилась напрямик к городу. Здания выросли в размерах. Проявились многие детали: шнурки монорельсов, лифты, транспортные развязки. Однако, при внимательном рассмотрении, было заметно, что город пуст. От пустоты этой веяло, правда, каким-то настороженным ожиданием без малейшего намека на забвение и заброшенность. Это был мир из «Лангольеров» Кинга. Тот, в который герои попадают в конце. Непонятно почему, но от этой аналогии у Вики холодок пробежал между лопаток.

Знаешь, мне не очень нравятся пустые города. От них веет страшными историями о призраках, или еще про кого-то.

– А мне наоборот. В школьные годы у меня некоторое время была навязчивая идея оказаться в оставленном городе. Маленьком таком городке. Побродить по безлюдным улочкам, улечься посреди главной улицы и послушать почти несуществующую городскую тишину. Взять чью-нибудь классную тачку и погонять «тапка в пол», полностью забыв про все правила. В магазине набрать дорогих вкусностей, которых я никогда не пробовал. Взобраться на самую высокую крышу, взяв с собой кассетник и слушать музыку, единственную на многие километры. Или забраться в квартиру к девчонке, которая нравится и почитать ее первые робкие стихи в разрисованном розочками дневнике, а потом написать на асфальте большими буквами ее имя и еще кое-что.

Сашка обнаружил, что Вика внимательно смотрит на него.
– Чего?
– Ты просто ненормальный. Я бы в таком городе умерла бы со страха в первую же минуту. Особенно если бы такое приключилось с *моим* городом, где столько хороших и знакомых людей. Слушай, сколько тебе лет было тогда, когда ты думал об этом?
– Не помню. Может быть, двенадцать. Да разные ведь были придумки, как я их называл. От устройства штаба на чердаке и до идеи остановить время.
– Ну уж, Александр Викторович, я просто потрясена.
Сашка смущенно улыбнулся.
– Ну а что? Каждая прочитанная книга или просмотренный фильм, пропущенные через детское сознание, давали пищу для новых идей, особенно если нет проблем с воображением.
– Да, я знаю. С воображением у тебя проблем никогда не было.
– Ладно, – Сашка коснулся ее руки. – Тогда сменим картинку?
Вика активно закивала.
– Ну, Гигаполис, мы еще к тебе заедем. А пока – до скорого!
И машину вновь тряхнуло.

Глава 8

На этот раз было утро. Ясное, прозрачное, кристально чистое. Нереальное. Солнце окрашивало нежным желто-розовым светом широкую долину, склоны которой заполнял высокий и густой лес, а в середине текла небольшая беспокойная речка. Далеко, на горизонте, возвышались припудренные снегом горы, а на их фоне, расположенный на правом склоне долины стоял настоящий средневековый замок. Ярко-синие небеса на западе были того невероятного оттенка, что можно встретить на фотографиях тропических островов, но самое потрясающее было то, что по абсолютно безоблачному небу раскинулась изумительной красоты радуга. При всем этом от окружающего одновременно веяло прохладной свежестью апрельского утра и теплом разгорающегося летнего дня.

Вика запрокинула голову вверх и не сдержала восхищенного возгласа. В вышине, освещенные утренним солнцем, играя, кружились золотые драконы.

– Саша, что это?!

– Это заказ французского Дисней-Лэнда. Настоящая страна фэнтези.

Вика все смотрела ввысь.

– Разве это возможно?...

Ее вопрос не требовал ответа, поэтому Сашка и не стал отвечать. С маленького холма, куда они перенесли после Гигаполиса, он направил машину вправо и Зеалот с нарастающим ускорением понесся по высокой траве в долину. Через минуту Вика опомнилась:

– Постой, мы что летим?

– А?

– Мы совсем не приминаем траву.

– Да нет, как бы тебе объяснить... Это чисто экскурсионный вирт и мы в нем находимся в так называемой протекционной полуфазе от окружающего и не можем на него влиять. Ну... заказчики так захотели.

Они уже мчались по долине.

Зеалот пересек едва заметную тропу, вдоль которой расположились невысокие выпуклые холмики, поросшие травой. Сашка притормозил, указывая в том направлении, и Вика, присмотревшись, увидела в каждом маленькие круглые двери, а в некоторых – и крохотные окна со ставенками, тоже круглые. В конце «улицы» росло раскидистое дерево, похожее на дуб. Под деревом на низеньких лавочках, вокруг аккуратно сбитого стола, восседали маленькие человечки, одетые в простые штаны с ляпочками через плечо и клетчатые рубашки. На столе можно было различить какие-то миски и темную пузатую бутылку, кажется, даже чересчур большую для их

размеров. Человечки вели размеренную беседу, не замечая пришельцев. Голоса их звучали чуть уловимо за урчанием машины, но Вике показалось, что она слышит французскую речь. Сашка подтвердил ее догадку.

– Да, хоббиты, говорящие на французском – это необычно, но это все решение заказчика.

– А ты знаешь, о чем они говорят?

– Наверное, сплетничают о ком-то из знакомых. Ну или в который раз перетряхивают генеалогическое древо своего рода.

Сашка тронул машину.

– Здесь так интересно, – Вика проводила взглядом выстроившиеся в ряд холмики, – Но, насколько я помню, ты не очень большой поклонник фэнтези.

– По большому счету, да. Я приверженец научного подхода и фантастику предпочитаю аналогичную – Science Fiction. Но виртуальности все грани стираются и уже все равно, где звездолеты, а где, – Сашка ткнул в небо, – драконы.

– И все-таки «Властелин Колец»...

– «Властелин Колец» – эпохальное произведение и мое неизменное мнение, его нужно проходить в школе.

– Я помню, как ты его читал. Скольким лекциям ты изменил в пользу Фродо и Гэндальфа?

Сашка, прищурившись, повернулся к Вике:

– Ты тоже его прочла?

– Да. Потом, – она чуть не сказала «после тебя».

– Меня в свое время впечатлила еще одна штука. «Хроники Амбера» Желязны. Я прочел их где-то на четвертом курсе – еще одно фэнтези, которое мне нравится. Я, правда, вообще большой поклонник Желязны. Помню, как я был без ума от «Витков»...

Вика хотела сказать, что после Толкиена тоже бралась за «Хроники», но почему-то в эту минуту совсем не хотелось обсуждать давно прочитанное, когда все эти истории были воплощены здесь и сейчас.

Зеалот свернул к реке. Заросли травы уступили место мелким камешкам, потом появились и крупные валуны, самые большие из которых лежали уже в воде. Около одного из таких камней Вика увидела большую змеиную голову, внимательно наблюдающую за поверхностью реки. Вот в искрящейся воде сверкнула рыба спина, и затаившаяся голова молнией рванула к этому месту, на мгновение обнажив блестящий чешуйчатый хребет. Еще миг – и о происшествии напоминали только расходящиеся круги на воде.

– Сашка, кто это?

– Речной Змей, полагаю.

– Тоже сказочный?

– Нет, просто мудрый.

Они рассмеялись.

Сашка некоторое время вел машину вдоль реки, игриво плещущейся меж каменистых берегов. В одном месте от основного потока отделялся широкий ручей и уходил в сторону, через сотню метров вливаясь в поросший лилиями и камышом пруд. Вике показалось, что среди этих зарослей она видит кого-то. Наверное, русалок.

А Зеалот ехал дальше.

Они поравнялись с проселочной дорогой, где в лужах виднелись следы подков и узких деревянных колес, и дальше поехали уже по ней. К Вике неожиданно пришел один вопрос:

– Послушай, если мы не совсем прямо здесь, а как бы в соседнем пространстве, как я поняла, и нас никто не видит, мы можем проходить сквозь предметы?

– Только сквозь мелкие. Крупные предметы вроде камня, дерева или дома заблокированы. И все местные существа тоже. Но ты молодец. Схватываешь суть на лету.

Вика чуть смутилась комплименту. Промелькнула безобразная мысль, что жизнь с Романом все-таки не уничтожила у нее былую смысленность, которой она гордилась еще в институте. За такую постановку вопроса Вике, правда, стало стыдно, но на этот раз она не стала врать себе. Из песни слова не выбросишь. Она ощущала, что очень много утратила за эти несколько лет, утратила, почти ничего не получив взамен. Порой это были незначительные

эмоции и привычки. Но порой... От нее незаметно ускользнули очень дорогие сердцу и памяти состояния души: восторг, светлая грусть, трепетное ожидание какого-то праздника, само ощущение праздника. Как будто еще вчера все это было рядом, но вот ты оглядываешься и видишь, что «вчера» это было очень давно, и сейчас тебя беспокоит лишь повышение зарплаты и предстоящий квартирный ремонт. И никаких чудес.

В отличие от этих.

– Хочешь посмотреть на эльфов?

Вика кивнула и Зеалот свернул к лесу.

Поляна имела овальную форму и была примерно метров сто в длину и пятьдесят в ширину. С трех сторон ее окружали кряжистые вязы и дубы, с четвертой – цветущие заросли какого-то кустарника. Дорога, приведшая их сюда, почти вплотную подступала к этим кустам, а потом, изгибаясь, снова углублялась в чащу. Найдя прореху в лесной стене, Зеалот, ведомый Сашкой, аккуратно протиснулся на поляну и остановился у самого ее края, предоставляя Вике возможность лицезреть неповторимое сказочное зрелище.

На поляне эльфы состязались в стрельбе из лука.

Их было около двух десятков: высокие стройные существа со светлыми волосами и большими заостренными вверху ушами. По телосложению они чем-то напоминали подростков, и даже в лицах, красивых, точеных, было что-то мальчишечье, какое-то веселое, но вместе с тем и мудрое, озорство. Одежда их, исключительно зеленых тонов, навевала мысли о костюме Робин Гуда. Почти у каждого был большой, изогнутый лук и колчан стрел.

В отдалении стояли мишени – в принципе обычные круги, расширяющегося от центра диаметра, но только у эльфов каждый такой круг был своего собственного цвета. «Десяточка» была красной. Собравшись вместе, эльфы что-то оживленно обсуждали, искоса поглядывая на противоположный конец поляны. Присмотревшись, Вика заметила еще одну группу невысоких коренастых существ, вышедших из леса.

– Саш, а что здесь происходит?

– Точно ручаться не могу, но по-моему гномы изъявили желание посостязаться с эльфами.

– Вон там гномы?

– Ну, да.

– Но гномы, кажется, не стреляют из лука. И с эльфами не очень то контактат.

– Мне тоже так казалось, но французы решили изменить традиции.

– И что теперь будет?

– Не знаю. Посостязаются. Дерябнут эля за дружбу.

Вика еще раз посмотрела туда, где стояли гномы. Эльфы уже выслали к ним двух посланников и двое гномов выступили к ним. Похоже, начинались переговоры.

– Саш, а все это запрограммировано или они живут сами по себе?

– Нечто среднее. Для каждого места разработано несколько сценариев, разыгрываемых случайным образом. Ну, так, чтобы во второй раз не было скучно. А то и в третий. Может быть, потом, когда-нибудь, будет создан мир, который будет сам жить, иметь свободу, развиваться, но пока все это программа, или существование в рамках программы... плюс-минус. Ты не разочарована?

– Да нет, ну, может быть, совсем чуть-чуть. Иначе ведь и быть не могло, правда?

– Ну..., – Сашка чуть замылся, – в общем да.

– Вот и ладно. Только детям в этом Дисней-лэнде, не стоит про это говорить.

Когда Зеалот через несколько минут выбрался на дорогу, в мишени полетели первые стрелы.

От леса веяло утренней свежестью и какой-то просветленной чистотой. Солнце, неуклонно взбирающееся к зениту, добралось уже почти до самых укромных его уголков, и теперь чаша стояла подсвеченная целыми веерами лучей, пронизывающих высокие кроны. Дивные трели заводили птицы. Ветер перебирал листья, а в воздухе носился приятный запах трав и каких-то

цветов. В общем, было здорово. Как бы случайно пришла мысль о французском тонком понимании красоты. Захотелось спросить:

– Слушай, а кто придумывал все это?

– Тебя интересуют имена?

– Нет, я просто подумала о французах...

– Не-а. Работала наша команда, но, естественно под строгим контролем заказчика. И по их сценариям.

– Ты участвовал?

– Ну, – Сашка сделал паузу, – чтобы тебе было ясно, уточню. Как и в работе над компьютерными играми, есть те, кто придумывает сюжет, есть те, кто его воплощает, причем вторых во много раз больше. А еще есть те, кто следит, чтобы это все нормально работало на выбранной платформе с разработанным движком. Так вот, я в основном – из третьих, и лишь немножко из вторых.

– Это ты-то, со своими способностями, со своей фантазией!?

Сашка потупил взгляд.

– Понимаешь пробиться в эту команду совсем не просто, тем более человеку из другой страны. Там, где престиж и все круто, давно все схвачено. Остается только так, домашнее творчество, вроде как у Яноша, который делает картинки для режима ожидания загрузки или того, что я собираюсь тебе чуть позже показать.

– Кажется, я задела тебя за живое. Извини.

– Да нет. Ничего подобного. Каждый занимается своим делом. Это нормально. Должен же кто-то и упавшие сервера поднимать. В принципе, виртуальность только развивается. Можно вполне найти сферу применения своих способностей, если поднапрячься. Не исключено, я тоже однажды стану художником и буду вырисовывать каждое деревце кем-то заказанного леса. Впрочем насчет художника, я пожалуй приврал. Такого, – Сашка неопределенно махнул рукой, – мне никогда не создать. Здесь работали профи.

– Зато ты сможешь про это написать.

Сашка снова махнул рукой. Вернее, отмахнулся.

А лес тем временем открывал все новые свои грани. Здесь, похоже, было все. Упомянутые Сашкой профи об этом позаботились. Желаете дремучие заросли – вот они справа, темные и загадочные. Хотите светлую полянку – вон там, чуть поодаль, слева, залитая солнечным светом. Да еще и – милый штрих – с пасущимся единорогом. Хвойные деревья, лиственные, кустарник, трава – казалось бы ничто не забыто и подобрано с потрясающим вкусом и тщательностью. В одном месте Сашка притормозил, и, сорвав с подступающего к дороге куста ярко-розовый цветок, протянул его Вике. Та молча приняла, вдохнув легкий сладковатый аромат, и... кое-что вспомнила.

Хотя тема диплома и не была связана с техникой, но без графической части, конечно же, не обошлось. Причем на листы пошли самые ненавистные Викой графики и диаграммы, чертить которые было сущим мучением, тем более для того, кто последний раз держал карандаш на школьном уроке геометрии. Тем не менее, плакаты-поясниловки были сделаны, и таскались в раздобытом у кого-то тубусе, который имел обыкновение теряться.

Наконец, пришел самый заветный и долгожданный день в жизни каждого студента. Суевликий, волнительный, наполненный всполохами самых разных эмоций и переживаний. Кто прошел через это, тому не надо объяснять, кто нет – просто не поймет. Когда до защиты оставались считанные минуты, Вика вдруг поняла, что растеряла всю свою уверенность. Она, конечно, понимала, что все будет хорошо, и через это прошло безумное количество народа, но сердце от этого не собиралось стучать тише. В довершение ко всему, когда пришла пора готовить плакаты, Вика осознала, что не может найти свой тубус. Пару секунд она находилась на грани обморока, потом увидела знакомый темно-коричневый цилиндр, за одной из задних парт. Вику пробил дрожь, срочно захотелось уткнуться в плечо кому-то знакомому, но Роман был на работе, а все подружки были или заняты, или защищались в другой день. Чуть не плача от пережитого стресса, Вика плюхнулась за парту и открыла тубус, а там... в середине свернутых форматов

лежала розовая роза, источая тонкий, нежный, почти нереальный в окружающем бардаке, аромат. Вика замерла, прикоснулась к лепесткам, еще даже чуть влажным, посидела так несколько секунд, пытаясь успокоиться, собрать воедино все силы. Надо отдать должное, первая мысль была о Сашке, но они не общались уже почти два года, Роман вряд ли бы до такого задумался, третий вариант был маловероятен. Еще немного она думала над этим, потом осторожно достала плакаты, не вынимая розу. В некоторых местах на бумаге остались капельки влаги, но это было поправимо. Еще минута – и на первый план снова возвратился диплом, но теперь уже Вика была намного спокойнее. Кто-то думал о ней сейчас и значит... значит, все будет хорошо. А потом пришел ее черед защищаться. Был утомительный доклад, ворох вопросов экзаменационной комиссии, но, как и надеялась Вика, все прошло гладко. Она получила «пять» и закрыла последнюю страницу из книги студенческой жизни.

Вечером того же дня ее поздравлял Роман, уже другими цветами. Не зная почему, Вика так и не задала ему вопроса о розе, оставленной после защиты в вазе на мамином столе. Роман тоже про это молчал, из чего Вика решила, что у нее теперь есть своя маленькая тайна – тайна розовой розы. Эта история на долгое время совсем забылась, и вспомнилась лишь сейчас, когда в руках Вики оказался виртуальный цветок из виртуального мира.

– Саш, думаю, сейчас самое время спросить. Роза в тубусе в день сдачи диплома – твоих рук дело?

– Ну... – Сашка демонстративно посмотрел в сторону, смущаясь и гримасничая одновременно, – В общем, да.

– Я так и думала.

– Это мы со Славкой Крыжальским провернули, – добавил он, – И он, и я сдавали диплом за день до тебя. Мы случайно встретились в каком-то баре, отмечая. Чуть напились. Ну и... Вот. Как говорится...

Вика почувствовала, как от этого признания что-то начинает щекотать ее внутри.

– Знаешь... – начала она, но запнулась, неожиданно ощутив, что может сказать сейчас все, что угодно, не заботясь ни о чем. Потом, конечно, она знала, что придет время пожалеть. Но сейчас, в этот короткий миг, в ее душе жила свобода.

Тем не менее, все что она смогла сказать, было:

– Спасибо.

И, может быть, в качестве оправдания перед собой за трусость, Вика взъерошила Сашке волосы.

– Правда, спасибо. Тот цветок был очень кстати.

Сашка повернулся к ней и улыбнулся своей милой, и чуть грустной улыбкой:

– Ты пропустишь много интересного. Сейчас, за поворотом, будет домик колдуна.

Сразу за лесом дорога извилистой змейкой начинала подъем к замку. Высокие вековые деревья, полянки и заросли, остались позади, уступив место вначале молодой поросли вперемешку с кустарником, а потом – цветущим лугам, на которых паслись полдюжины единорогов. Несколько секунд они наблюдали это живое воплощение мифа, потом Зеалот набрал скорость.

Радуга по-прежнему висела в небе...

Замок, к которому они решили не приближаться, остался в стороне. Сашка выбрал более-менее пологий овражек и свернул влево, готовясь штурмовать невысокую гору. Когда Зеалот уже свернул с дороги, Вика заметила, как из ворот выехали два облаченных в доспехи всадника. Рыцари отправлялись на очередной подвиг. Или на поиски приключений...

Сашка переключил что-то на панели управления.

– Есть тут одно интересное местечко. Если я правильно выбрал путь...

Через минуту они взобрались на вершину. Здесь тоже был лес, но совсем не такой, как в долине. Склон заполняли невысокие редкие деревья, выше – невзрачные колючие кусты, а под конец подъема пропали и они. Зеалот вырулил на небольшую вытянутую площадку, поросшую лишь заурядной травой. Несмотря на внешнюю иллюзию обычного холма, они оказались на

приличной высоте, заметно возвышаясь над окрестностями. Отсюда открывался прекрасный вид на все окружающее пространство. Был виден замок, лес, речка и долина.

Сашка остановился и они вышли из машины. Дул свежий прохладный ветерок. Где-то в отдалении пели птицы.

– Что это за место? – спросила Вика.

– Наблюдательный пункт для техников. Чтобы следить за виртом и... за посетителями.

Вика присмотрелась и увидела в траве торчащие панели. К некоторым тянулись толстые змеи кабелей, выныривая прямо из земли. Она прошла мимо смахивающих на маленькие надгробия прямоугольников.

– Так это все уже готово?

– Да. Вирт, в котором мы сейчас находимся – копия реальной программы, отправленной во Францию пару недель назад. Потом, правда, кое-что дорабатывалось, но так, мелочи. Хотя, конечно, думаю, пройдет не один месяц, пока сюда войдут первые люди.

Вика сделала рукой козырек от солнца и внимательно огляделась.

– Отсюда такой красивый вид.

Сашка кивнул.

– Помимо того, что ты увидела, за замком есть пещеры драконов и колдовской лабиринт, где тренируются маги. Если хочешь, можем съездить туда.

– Да нет, давай лучше постоим здесь.

Сашка подошел и встал рядом. День в стране фэнтези разгорался все сильнее. Солнце уже преодолело большую часть пути к зениту, осветлив небеса своим сиянием и почти растворив в них радуго. Драконы куда-то исчезли, зато появились грифоны, гордо патрулирующие соседние вершины. От замка потянулся серый дымок, наверно из какой-нибудь кузницы. Зашевелился от поднявшегося ветра лес.

– Саша, скажи, а время здесь течет так же, как и у нас?

– В идеале – да. Все полностью синхронизировано и должно соответствовать реальным часам. Но это в идеале. Сейчас время бежит немножко быстрее из-за накладки темпорального листа моего вирта на этот, но... Короче, лучше не забивай себе голову.

Они постояли еще немного, любуясь долиной.

– А здесь как-то не так как внизу, правда?

Сашка с интересом посмотрел на свою спутницу.

– Поясни, что ты имеешь в виду.

– Ну не знаю, – рассмеялась Вика, – Там я словно была в аквариуме. Жутко интересном, живом, ярком, со множеством реальных деталей. А здесь детали стерты, перекрыты просто шикарным видом, но реальность чувствуется сильнее. Хотя это, конечно, вовсе не реальность.

– Хм... Похоже у тебя есть какое-то шестое чувство. Ты права. В этом месте слои – экскурсионный и основной – сходятся.

– И можно попасть из одного слоя в другой?

У Сашки округлились глаза.

– Ничего себе! Вот ты смекалистая! – Он несколько секунд осмысливал то ли сам факт вопроса, то ли ответ на него. – Теоретически можно, способы есть, но я не знаю зачем. Этот слой не предназначен для интерактивного вмешательства. Всем можно управлять с главного терминала или прямо отсюда, – Сашка постучал ногой по упрятанной в траве панели.

Вику разобрал какой-то странный азарт, вызванный подаренной ей похвалой:

– Ты спрашиваешь «зачем»? Да хотя бы узнать, как отреагируют на человека все эти герои, – она махнула рукой в сторону долины.

Сашка с лету хотел сказать «Да никак!» и вдруг понял, что на самом деле не знает, так ли это. Разработка этого вирта была отчасти закрытой, и вполне возможно, что мысли об искусственном интеллекте и самообучающихся программах гнездились где-то в потаенных углах разума разработчиков. Или заказчиков.

Иначе зачем было придумывать два слоя? К тому же он и сам кое-что умел в этой области...

Вике, однако, не стоило про это говорить.

– Знаешь, а ничего бы и не было, – с уверенностью ответил он, – Это все равно, что ждать ответа от телевизора.

– А я думала, – не унималась Вика, – что за отдельную плату можно будет пострелять с эльфами, сразиться с рыцарем или колдуном...

Ее настроение в эту минуту было, что называется, прикольным. Где-то внутри Вики открылся маленький забытый фонтанчик энергии. Хотелось спорить, делать и говорить что-то всему наперекор, еще до чего-нибудь догадаться, чтобы получить от Сашки еще один заслуженный комплимент. А, может, вовсе и не за этим. Может быть, доказать себе или вообще... просто так...

– Или вот еще. Можно было бы поболтать с хоббитами или...

– Или стать жертвой какого-нибудь виртуального монстра, – перебил ее Сашка и, скорчив страшную рожу, поднял руки вверх, и зарычал.

Вика, смеясь, с легкостью отпрыгнула в сторону:

– У ваших заказчиков наверно не хватило денег, чтобы все сделать уж действительно по первому разряду?

Сашка усилил рык и сделал шаг в сторону Вики, втянув голову в плечи и продолжая кривляться. Вика в свою очередь отскочила еще чуть-чуть, заражаясь каким-то детским азартом, когда играешь в лова или что-то похожее. В первый раз за последнее время ей хотелось просто так, смеяться без причины, радоваться, ловить кайф от движения. О, как давно не посещало ее это чувство!

Играя и кривляясь, они сделали круг по плато, потом Сашка, сделал вид, что устал и облокотился на машину. Вика, живая и грациозная, готовая в любое мгновение сорваться с места, спорхнуть, приблизилась к нему.

– Ты никогда не мог догнать меня, – это, конечно, была неправда, но Вика как раз и хотела нарваться на спор.

– Да ладно, – Сашка смотрел на нее с хитрым прищуром. – Бегала ты, конечно быстро, но не настолько...

– Ага, скажи я тебя еще на велосипеде никогда не делала.

На самом деле на велосипедах они катались лишь раз, взяв их у кого-то из знакомых. Вике был предоставлен крутой аппарат с десятью скоростями, жутко дорогой и по тем временам достаточно редкий. Сашка ехал на классике под названием «Украина». Воспользовавшись преимуществом, хотя и несколько призрачным, так как переключение скоростей требовало сноровки, Вика пару-тройку раз «сделала» его на пересеченной местности, чем гордилась потом несколько дней. Вообще это было здорово – ветер в ушах, солнце в спицах, и смех любимого человека, крепко сжимающего руль. Бульвар и парк показались гораздо меньшего размера им, несущимся навстречу закату и жаркому июню...

– Может быть хочешь посостязаться?

Вика задорно приподняла брови.

– Как?

– Это, конечно, не входило в мои планы, но... – Сашка потянулся к своему наручному прибору и с полминуты что-то набирал. – Как насчет скутеров?

– Это, кажется, такие маленькие катера?

– Да, максимум скорости, минимум управления.

Вика поджала губки, обдумывая его предложение. С одной стороны это казалось полным безумием, но с другой – в ней никак не утихал проснувшийся задор. Думала Вика не долго.

– Давай!

– Садись.

И через миг Зеалот уже сорвался с места, на этот раз оставляя за собой пыль и следы пробуксовки. Вику дернуло в кресле. Сашка подмигнул ей и направил машину к краю плато, где угадывался не то обрыв, не то вообще край сущего. Вика указала в том направлении:

– Ты вообще уверен?

– А ты вспомни фильм «Назад в будущее»...¹⁷

Вспоминать, однако, не было времени. Обрыв был уже рядом. Вика посмотрела на смеющегося Сашку, утопившего в пол педаль газа, и вцепилась в кресло, едва сдерживая крик. Еще быстрее... Счет уже шел на метры. Вика завизжала и... в следующее мгновение их накрыло серой пеленой.

Глава 9

Они плыли. Зеалот превратился в тупоносый катер, степенно рассекающий переливающиеся на солнце голубые волны. На его бортах играли стайки солнечных зайчиков. Легкий бриз скользил над водой. Было тепло, даже жарко. Едва уловимо пахло водорослями и еще чем-то стопроцентно морским. Где-то в отдалении звучала музыка. Над головами кружились чайки.

Они находились в большой извилистой бухте, с одной стороны которой плавно покачивались на волнах красавицы-яхты, а с другой раскинулся шикарный песчаный пляж со множеством отдыхающих.

Пока Сашка маневрировал между каких-то буюв и других лодок, Вика старательно впитывала в себя лето. На ее реальном календаре еще даже не было зимы, но она уже дико соскучилась по нему, настоящему лету с морем, фруктами, минимумом одежды и вечным желанием прохладного душа, с расплавленным асфальтом и теплыми звездными ночами, с какими-нибудь походами или прогулками, и – очень желательно – длинными каникулами. Вика посмотрела в сторону купающихся и загорающих людей. Было заметно, что это простенькая графическая декорация, но, все равно, ей очень захотелось туда, где море и солнце, и никаких проблем. Вика перегнулась через борт и потрогала воду. Она была настоящей, теплой и прозрачной. Где-то внутри шевельнулось желание попросить Сашку устроить, если это возможно, виртуальное купание, но этой мысли была суждена короткая жизнь. Они уже почти приплыли.

Впереди по курсу, их ждал небольшой деревянный причал с двумя обтекаемыми скоростными скутерами, пришвартованными бок о бок. Один был сине-зеленого цвета, второй – вишневого. Нос первого украшало большое изображение дельфина, второй носил эмблему то ли дракона, то ли речного змея, очень напоминающее собрата из страны фэнтези. Почему-то вдруг подумалось, что тот вирт, что показал ей Сашка перед этим, не имеет названия. Это было странно, но Вике не захотелось сейчас спрашивать об этом. Она оглядывалась по сторонам. Пляж остался позади, бухта уходила дальше, постепенно сужаясь и теряя признаки цивилизации. Заросли вплотную подступали к воде, вначале пальмовые, затем неразличимо какие. Там бухта сужалась, по-видимому, становясь устьем реки.

– А вот и наши красавцы, – голос Сашки отвлек ее от обозрения далей. – Что, не растеряла еще запал?

Летние пейзажи немного расслабили Вику, но она была тверда в своих намерениях.

– Нисколько!

Сашка выключил двигатель и они начали дрейф к причалу. Вика откинула назад волосы:

– Давай, рассказывай.

Сашка хмыкнул:

– Управление предельно просто. Руль, педаль газа и сбоку рукоятка реверса – ну, при движении это вроде тормоза. Реально почти не используется. Как правило, достаточно просто сбросить газ. Надо только приловчиться. Кстати, я лишь однажды гонял на таком, так что мы практически в равных условиях. Постарайся избежать двух вещей – лобового столкновения с чем-нибудь и полного опрокидывания. В первом случае гонка просто прервется, во втором – если не сможешь выбраться, тебя выкинет из вирта, что довольно неприятно. Вопросы?

– Ноу, сэр!

– Тогда выбирай.юТогда выбирай катер.

Сашка пришвартовался с обратной стороны от скутеров, запрыгнул на причал и помог выбраться Вике. Несколько секунд они постояли, впитывая последние спокойные секунды перед

тем, как ринуться в бой. Под причалом лениво плескались волны. Чайка пронеслась у самой воды. Из домика, что стоял неподалеку на берегу, вышел бородатый мужичок в шортах и майке, и, не замечая пришельцев, побрел куда-то за трейлер, припаркованный на подъездной дорожке. Поодаль загорелые мальчишки гоняли мяч на пяточке между чахлах кустов.

– Я насколько это возможно убрал весь лишний антураж, – пояснил Сашка. – По идее здесь должны быть судья, девушки с флажками и куча зрителей. Если хочешь, могу сделать.

– Нет пусть все остается, как есть. – Вика, сощурившись, взглянула на будущего соперника, – Я выбираю Дельфина.

Отлично. Возьми это, – Сашка протянул ей возникшую из воздуха белую кепку с большим козырьком. – От солнца. Между теми вешками – начало трассы. Первый поворот будет направо, затем следи за указателями на буйках. Трасса... как бы тебе сказать... Трасса интересная. You are ready, captain?

– Можешь не паясничать, – Вика с игривой надменностью натянула кепку. – Я сделаю тебя!

– Посмотрим!

К катерам они шагнули одновременно.

– Зажигание включается кнопкой справа от руля. Пробный заезд делать будем?

Вика уже сидела в скутере, положив руки на маленький обтянутый кожей штурвал, и вода хлюпала под обтекаемым днищем. Сашкин аппарат покачивался на волнах рядом.

– Чего?

– Я говорю, потренироваться хочешь?

– Да, наверное.

Тогда давай до этой кокосовой рощи, – Сашка указал в сторону зарослей. – А потом к стартовым буйкам.

Вика кивнула.

– Вперед! – и Сашка нажал на стартер.

Его скутер взревел. Он скинул с крючка швартовочное кольцо и дал газу. Зеалот остался по ту сторону причала, окутанный пеленой брызг. Вика последовала за соперником.

Управлять скутером действительно было несложно. Едва Вика села в жесткое эргономичное кресло, ее, правда, посетила мысль о безумии сей затеи. Роман преподавал ей несколько уроков вождения автомобиля, пока их отношения находились в букетно-конфетной стадии, но катер... Тем не менее, азарт брал свое. Под правой ногой Вика обнаружила педаль газа. На панели за штурвалом находились спидометр и датчик уровня топлива. Справа от штурвала – короткая рукоятка, имевшая два подписанных положения – вперед и назад. На этом оборудовании органы управления исчерпывались.

Единственным непростым аспектом движения по воде была инерционность, особенно в сочетании с большой мощностью двигателя. Вика в полной мере ощутила это при первом же вираже, когда скутер, практически не обладающий килем, пронесло мимо выбранного за ориентир буйа. Траектория была подпорчена на метров на пять, аппарат накренило, и в Вику полетели подхваченные ветром соленые брызги. Сдув с носа повисшую каплю, она рассмеялась во весь голос.

И добавила газа.

Через минуту они подплыли к стартовой отметке. Вначале она, за ней Сашка. Вблизи оказалось, что верхние концы вешек, расставленных как ворота, имеют сигнальные лампы, сейчас горящие красным светом.

– Ну как? – спросил он.

– Просто круто! – Сердце у Вики задорно стучало. В крови безумствовал адреналин.

– О кей. Старт по зеленым сигналам с буйа. Готова?

Вика удостоила новоиспеченного австралийца невзрачным кивком головы. Конечно, она была готова.

– Тогда удачи!

Однако, за миг до начала отсчета Сашка снова повернулся к Вике:

– Забыл сказать, в процессе гонки мы можем разговаривать друг с другом.

Волна брызг окатила Вику.

– Ах ты ж, гонщик хренов!

– Так, попрошу без оскорблений, – сквозь хохот выдал Сашка. Вика отчетливо слышала его голос, так, как будто он был рядом.

Дракон обошел Дельфина на первом же повороте, еще даже не поравнявшись с пальмовой рощей. Обтекаемое тело стремительно вырвалось вперед, каждые несколько метров чуть-чуть взмывая вверх, и снова касаясь воды. Встречный ветер подхватывал и уносил образующиеся при этом брызги.

– Я тебе покажу «оскорбления»! – Тыльной стороной ладони Вика вытерла лицо, – Шумахер нашелся!

– Так, нас помирят музыка. Против «Арии» не возражаешь?

Сашка что-то включил и из неведомого источника полилось...

*Твой дом стал для тебя тюрьмой
Для всех, кто в доме, ты – чужой
Ты был наивен и ждал перемен...
Ты ждал, что друг тебя поймет,
Поймет, и скажет: «Жми вперед!»
Но друг блуждал среди собственных стен.*

От песни веяло временами, когда слово «рокер» означало не только любителя соответствующего стиля в музыке, когда по улицам с ревом носились стаи железных всадников, бросая вызов и так издерганному обществу и даже свадьбы не обходились без трескучих кортежей. Это потом уже стали говорить «байкер», и вкладывать в это понятие уже несколько иной смысл.

*Горел асфальт от солнца и от звезд
Горел асфальт под шум колес.
Горел асфальт. Ты чувствовал тепло
Горел асфальт смертям назло...¹⁸*

Здесь, конечно, не было ни колес, ни асфальта, и этот мир был отодвинут от того, в котором звучали эти песни, и во времени, и в пространстве, и еще черт знает в чем. Здесь все было по-другому, но скорость, ветер, драйв, музыка... Вика чувствовала, как все это проходит сквозь нее, становится ее частью.

Она рассмеялась и издала воинствующий клич.

С каждым метром берега залива сужались и вскоре скутера уже скользнули под тень нависших над водой деревьев. Набегающий поток воздуха стал прохладнее. Сашка шел на два корпуса впереди, не очень разгоняясь из-за сложности трассы. Вика неотступно следовала за ним. Рев мотора стоял у нее в ушах.

Деревья окончательно сомкнулись над ее головой, давая понять, что они вошли в устье реки. Толстые ветки и какие-то лианы едва не цепляли за скутер. Пару раз Вика даже инстинктивно пригнулась. И хотя она чувствовала, что вполне может прибавить, идти на обгон не рискнула.

Так длилось несколько минут, а затем водный простор расступился, одновременно меняя пейзаж берегов. Теперь это был ухоженный парк с аттракционами и лавочками для отдыха. Где-то за зеленью забавно мелькнули желтые дуги Макдональдса. А над самой водой пролегла нить американских горок, по которой со свистом носился наполненный визжащими людьми вагончик. Даже не всматриваясь особо, Вика поняла, что это такая же декорация, как и люди на пляже, но сделано все было, безусловно, на уровне.

Спустя минуту Вика обогнала Сашку. Она и не думала, что это получится. Покачивающийся на волнах буюк указал направление поворота «направо». В мозгу всплыло понятие «внутреннего круга» и то, что она сейчас как раз на нем находится. С замиранием сердца Вика чуть увеличила скорость...

Сашка понял, что его обгоняют лишь когда катера поравнялись. Он собирался уже поддать газу, но, повинуясь какому-то озорному чувству, Вика легонько стукнула его Дракона бортом, и Сашке понадобилось несколько секунд, чтобы восстановить траекторию. За это время Дельфин вырвался вперед.

– Что... Ты... Да как... – Сашка не мог найти слов, сраженный ее вероломством. Это прозвучало с интонацией обиженного ребенка, и Вике стало смешно. Ее смех, чистый и звонкий, на миг заглушил даже рев мотора и поющую о горящем асфальте «Арию».

Она уже не помнила, когда так беззаботно смеялась.

А потом был туман, тоннель и озеро, поросшее камышом. В одном месте им навстречу выступила огромная волна, пружиной подбросившая скутера вверх, так что Вика едва избежала аварии и чуть не лишилась своей белой кепочки.

Трасса была замечательным источником адреналина. Вику словно прорвало. Она никогда не думала, что сможет так легко влиться в эту гонку, в эту борьбу. Куда-то ушел весь страх. Хотелось скорости, драйва, риска. И – самое главное – было безумно интересно. Несравнимо интереснее обычной компьютерной игры, к большинству из которых Вика была безразлична. Может быть, причиной тому была сама всемогущая и столь достоверная атмосфера виртуальности, может быть царящая здесь свобода, а, может быть, и тот, кто привел ее в этот удивительный мир.

Само соревнование тоже было увлекательным. Вика догадывалась, что Сашка чуть-чуть ей подыгрывает, но совсем чуть-чуть. В камышах он опередил ее на достаточно большое расстояние, но ошибся с поворотом, и Вика сделала его. На озере наоборот. Трасса уперлась в узкую песчаную отмель и Вика потеряла несколько секунд в поисках обхода. Сашка же, разогнавшись, просто перемахнул злополучные пару метров. Вообще, такое, кстати, она видела только в кино. Скутер чиркнул брюхом по песку и на метр взлетел в воздух. С днища сверкающими струями полилась вода. Через миг Дракон был уже по ту сторону. У Вики отвисла челюсть.

Спустя пару минут Сашка огласил:

– До финиша пятьсот метров.

«Арию» к тому времени сменил то ли Manowar, то ли Helloween – Вика не особо разбиралась в тяжелых стилях. Ее Дельфин отставал от Дракона уже корпусов на семь и разрыв возрастал. Пейзаж вокруг в очередной раз сменился, став почти фантастическим. Вода обрела зеленовато-изумрудный оттенок. Она текла с огромных водопадов, расположившихся по обе стороны трассы. Воздух усеивали мириады брызг. Стоял невообразимый шум, заглушающий все остальные звуки, включая музыку и вой мотора. То тут, то там на воде возникали водовороты, при попадании в которые скутер подбрасывало и разворачивало в сторону от первоначального курса. Кроме этого под поверхностью местами встречались острые рифы, заметные лишь при непосредственном приближении. А над всем этим в белесых небесах висел золотой шар солнца.

Вика закусила губу, и сбросила газ. В принципе она уже распрощалась с титулом победительницы – слишком велик был отрыв от лидера и сократить его в таких условиях было невозможно. Однако произошло непредвиденное – Сашка напоролся на риф. Вика видела, как его Дракон отлетел в сторону, резко замедлив ход, наткнулся на водоворот и по дуге его бросило прямо в водопад. У Вики замерло сердце, когда она увидела, как его скутер окунается в белесый поток. Долю секунды ничего не происходило, затем сквозь рев стихии она услышала, как Сашка не очень зло выругался, добавив после:

- Мадам, не спешите списывать меня со счетов.

Его Дракон был разбит, над моторным отсеком появился легкий дымок, но он уже выруливал из тумана, двигаясь наперерез Дельфину.

Вика вздохнула с облегчением. И осознала вдруг, что на текущий момент хотя и немного, но опережает его. А впереди уже маячил последний водопад.

Водяной туман расступился, открыв последнее чудо этой трассы. Впереди по курсу располагалась огромная переливающаяся на солнце арка с необычной окантовкой в финишную «шашечку». Она как бы находилась на возвышении по сравнению с поверхностью реки, и самое потрясающее заключалось в том, что вода текла *к нему*. Текла наверх!

Едва переварив увиденное, Вика оглянулась. Дракон был метрах в двадцати от нее, до финиша же оставалось совсем не много.

– Ну, давай же, Дельфинчик, покажи ему!

Сашка, там сзади, рассмеялся. Рев мотора его Дракона возрос на пол-октавы.

Стрелки спидометров обоих катеров настойчиво ползли вверх. Встречный ветер заставлял глаза слезиться. Скутера бешено пожирала искрящийся водный простор.

Оставалось совсем не много. Вика увидела, что Сашка почти догнал ее. Дракон почти поравнялся с дельфином и все-таки...

...и все-таки Вика раньше нырнула под арку, опережая Сашку примерно на полкорпуса. Прямо на ветровом стекле Дельфина вспыхнуло «Winner!!!». Скутер оторвался от воды. Она почувствовала легкое головокружение и восторженный холодок где-то в диафрагме. Мир вокруг исчез и через мгновение вернулся вновь. Тот мир, откуда они начинали.

Расслабленный пляж. Яхты и лодки. Палящее солнце. Ленивое дремлющее море. И Зеалот, покачивающийся на волнах у деревянного причала.

Вика почувствовала себя уставшей. Капли пота вперемешку с морскими брызгами блестели на ее лбу, глаза ныли от напряжения, гудели мышцы рук. Однако внутри все ликовало. Она сделала это! Пусть даже Сашка и подыгрывал ей. Она это сделала! В восторженном порыве белая кепка по незамысловатой траектории была отправлена в воздух. Вика замотала головой, разбрасывая волосы по плечам.

– Мадам позвольте засвидетельствовать вам искренние поздравления, – мокрый Сашка подрулил на своем Драконе и галантно поклонился.

– Свидетельствуют, вообще-то, почтение.

– И почтение тоже. Ну как, понравилось?

– Еще бы! Я же говорила, что сделаю тебя!?

Сашка в ответ лишь улыбнулся. Скутера коснулись причала.

Глава 10

– Мы словно путешествуем по отражениям.

– А, так ты все-таки читала «Хроники»?

– Да. Читала. Ты просто не спросил у меня об этом.

– Ладно.

– У меня к тебе, кстати, есть вопрос. Страна из Диснейленда имеет какое-то свое название?

– А я разве не сказал? Она называется Средиземье.

Они лежали в траве на краю горного плато, отдаленно напоминающего место наблюдения из страны фэнтези, и отдыхали после напряженной гонки. Зеалот стоял неподалеку и потрескивал остывающим мотором, реалистично, как настоящий автомобиль. Позади возвышались какие-то светло-серые купола, вперемешку с гигантскими тарелками антенн. В вышине раскинуло свой полог ярко-голубое небо, по которому плыли редкие белые облака, плыли совсем низко, словно протяни руку – и сможешь дотронуться до них. Солнце перевалило через зенит, какое-то не совсем обычное, маленькое и чуть красноватое.

Вика лежа поправила волосы.

– Так, все-таки, где мы сейчас?

– На земле через... думаю, пятьсот тысяч лет.

Вика вопросительно посмотрела на него.

– Этот вирт сделан по заказу астрономов, – Сашка махнул рукой за себя, в сторону куполов. – Они ставят здесь свои эксперименты. Как например, будет выглядеть Солнце через

пару миллионов лет или, что бы видел человек из центра галактики, или как выглядит небо планеты с двумя светилами.

– Круто!

– Не смотря на видимую простоту, это один из самых дорогих проектов на текущий момент. Понимаешь, эльфа или гоночный катер ты можешь нарисовать каким угодно, но расположение звезд при изменении какого-либо параметра рассчитывается очень мощными компьютерами. Так, что эльфы, как говорится, отдыхают.

– Знаешь, здесь чувствуешь какое-то умиротворение, хотя нет ничего, кроме гор, травы и неба...

– Да, есть такое. Это вообще особая история. Весьма даже интересная. Проект этот интернациональный. Больше всего – это стало уже традицией – американцев, но есть японцы, индийцы, испанцы. Вначале хотели вообще весь вирт свести к зданию обсерватории, но они, эти ученые, и в реальности целые сутки торчат в закрытых помещениях. Потому японцы с их развитым чувством гармонии предложили сделать вокруг зону отдыха.

– Ага, сад камней...

– Кстати, да. Но тогда их смета на проект и так далеко не маленькая, раздувалась бы еще больше. Разработчики, то есть, грубо говоря, мы, предложили компромисс. Мы за свой счет делаем им природное обустройство, парк, сад и прочее, а они оставляют нам во внутреннее пользование сокращенную копию их вирта.

– Но если вирт – это программа, то что мешало вам сделать копию просто, без этих дипломатических фишек?

– Условия контракта. Практически все проекты выполняются в единственном экземпляре и под строжайшим надзором со стороны заказчика. Все они боятся, что заплатят огромные деньги, а такой же вирт, уплывет кому-нибудь на сторону за бесценок. К тому же вирт писался для таких мощных машин, что у нас можно было бы запустить только упрощенную копию. К примеру в их телескоп можно рассмотреть спутники у планет в Крабовидной туманности.

– 5 что?

– Стороны, вроде как договорились. Вирт отправился в Штаты. Мы инсталнули оставленную нам копию и оказалось, что моделировать можно только с Землей и то в очень узких пределах. А парни так хотели под двумя солнцами пикничок устроить... Наши, правда, когда я уезжал, собирались вспомнить былое и взломать этот вирт к чертям собачим – сами ведь практически его создавали – но не знаю, что из этого выйдет – дело не только в способностях, но и в юридическом аспекте. Так что пока у нас есть постаревшее на пятьсот тысяч лет Солнце, это небо, и парк с фонтанами и подстриженными кустиками там, с другой стороны обсерватории.

– Не так уж мало.

Вика смотрела на него внимательным добрым взглядом и глаза ее искрились таким знакомым светом.

– Почему же ты не спросишь, что мы делаем здесь, лежа в обычной траве, в то время как там – сад камней, фонтан, птички и все такое?

– А я, кажется, знаю...

Стебли травы колыхались в такт ветру. Бесшумно неслись над головой облака. Это уже когда-то было.

Старый копящий автобус высадил их у развилки. Шоссе сворачивало направо, налево шла проторенная грунтовка со следами грузовых протекторов на дне подсохших луж. Ярко светило майское солнце. Задорно пели птицы. Сладко шелестела молодая листва на деревьях.

Сашка посмотрел вслед удаляющемуся автобусу. Кроме него, на шоссе в этот миг не было других машин.

– Ну, что, пошли? – Он взял Вику за руку.

– Веди.

Около километра или чуть больше они весело топали каждый по своей колее, наслаждаясь чистым весенним воздухом и ежесекундно пересекая спускающиеся наискосок с неба солнечные лучи, которые один писатель однажды назвал «золотыми веслами времени»¹⁹, затем свернули на

едва заметную тропинку, уходящую в сторону и вверх по склону. Ветви деревьев сомкнулись у них над головой. Золотые весла времени остались позади.

– Женька, который рассказал мне про это место, каждое лето ходит с друзьями сюда в поход, – поведал Сашка, перебираясь через поваленное дерево и помогая справиться с этим Вике. – Единственное, что таких, как он, немало. Так что, если мы не особо желаем чьего-либо общества, то на плато лучше ехать либо до начала туристического сезона, либо после.

– Знаешь, мне кажется перед зачетной неделей этого не стоило делать.

Да ладно, мы и так по уши в учебе. Нужно хоть немного расслабиться. Автобус обратно идет примерно в 5 – 5.15. У нас больше шести часов.

– Ох, плакали мои основы маркетинга.

– Ничего... О! Смотри! – он остановился и показал на разлапистый дуб. На одной из нижних веток, поджав к груди маленькие лапки, сидела белка, похожая на застывшую плюшевую игрушку. Бусинка глаза внимательно следила за пришельцами. Хвост, размером больше самой белки, замер в готовности, не касаясь дерева. Несколько секунд зверек сидел неподвижно, потом, элегантно взмахнув им, сорвался с места и с потрясающей скоростью по немыслимой траектории направился вверх по стволу. На миг остановился, в последний раз взглянув на незваных гостей, и исчез в кроне.

– Ух-ты! – только и смогла вымолвить Вика.

– Ага, – согласился Сашка и, сделав паузу, прибавил уже о другом. – Знаешь, Вича, что тоже очень здорово? Я тебя сильно-сильно люблю.

Ее губы еще долго помнили его поцелуй.

Еще через полкилометра они свернули с тропы.

– Мы не заблудимся? – осведомилась Вика.

– Нет. Просто тропа идет за гору к туристской стоянке, а мы взберемся *на* эту гору. Ну, неужели не хочется побыть первопроходцем?

Вика игриво нахмурилась, как бы обдумывая его слова.

Идти было легче, чем она ожидала. По крайней мере поначалу. Под ногами шелестел ковер прошлогодней листвы. Лес, несмотря на густую крону, был, в общем-то, редкий. Иногда встречались небольшие заросли ежевики, можжевельника, еще какие-то кусты, но обойти их не представляло труда.

Когда склон стал более крутым, они неожиданно вышли на тропинку. Сашка сделал вид, что так и надо, хотя сам, конечно, совсем не ожидал такого «подарка». По тропинке, проторенной между валунов и выступающих из земли корней, они почти поднялись к вершине и... увидели развалины.

Из земли, наполовину заросшие травой, выступали останки стены, сделанной из больших отесанных камней. Чуть поодаль высилось основание развалившейся башни, через центр которой давно проросли деревья. Некоторые камни торчали из земли, будоража воображение. Было видно, что руины очень древние.

– Про это Женька, кажется, не говорил...

– Интересно, что тут было? – Вика раздвинула траву и дотронулась до стены. Камень был прохладный и чуть влажный, поросший снизу мхом. В некоторых местах его облюбовали улитки.

– Не знаю. На таком склоне...

– Наверно, оборонительные сооружения. Оттуда, – она кивнула вниз, – приходили враги, а они держались до последнего.

Сашка сдержал реплику по поводу неизвестных «их». История не была его увлечением. А еще он знал, что гора, на которую они взбирались, была мала для даже очень крохотного древнего города. Впрочем, здесь могла поместиться какая-нибудь пограничная застава. Однако реально... Кто знает...

Они обошли руины, попили воды в тени развалин башни. Потом Вика посмотрела вверх, прицениваясь, сколько им осталось до вершины. Картинка ей не понравилась:

– Мы туда пойдём?!

– Ну, да! Осталось совсем чуть-чуть.

– Ага! По вертикали!

Последние метры действительно были непростыми. Тропа практически исчезла, потерявшись среди камней, которых с каждым метром становилось все больше. Кое-где склон вообще становился отвесным, и Вика с замиранием сердца смотрела на эти участки. К счастью, дорога, которую они выбрали, была вполне проходимой. Цепляясь за крупные валуны и корни деревьев, они преодолели метров двадцать и наконец очутились на вершине. Сашка помог Вике сделать последний шаг и выбраться на плато. А в следующий момент с наслаждением поймал ее восхищенный взгляд.

Вокруг было лишь небо, облака, мягкая трава и что-то напевающий себе под нос Сашка.

*На последних белых облаках
Увезу тебя в волшебных снах
Позади останется лето
Покрывалом яркого цвета
С ароматом грез и прибоя на губах*

*Мы нырнем в сиреневую даль
Сквозь небес нехоженный хрусталь
Неземной простор километров
Покорим в объятиях ветра
И ни капли прошлого нам не будет жаль*

*Мы забыли что такое дом
Мы за край земли сейчас шагнем
И исчезнут наши тревоги
С музыкой последней дороги
Над которой мы, взявшись за руку, плывем²⁰*

– Ты помнишь песню, которую спел мне на вершине?

Сашка кивнул. Кивок вышел неудачным, так как он лежал на спине, запрокинув голову, и отрешенно глядел на проплывающие облака, поэтому он подтвердил:

– На последних, белых облаках...

Вика подхватила, неожиданно вспомнив продолжение:

– Увезу тебя в волшебных снах...

Продолжать дальше Сашка не стал. Та песня, как и то место, как и то время, остались в прошлом. Зато он сказал:

– Знаешь, когда я совсем уж устаю от работы, я просто ложусь дома на пол и представляю, что нахожусь на вершине. Надо мной плывут облака, стрекочут кузнечики, светит солнце – вот как сейчас, как тогда... Ветер шевелит траву, по зеленой глади пробегают волны, напоминая морские. Я представляю, что вся житейская суета остается где-то внизу. И так тихо, классно. Никакой цивилизации. Гармония, умиротворение.

Вика ощутила, как ее переполняет какая-то доброта и сочувствие, может быть, сожаление. Как и многие женщины, которые живут сердцем, она не могла проанализировать, откуда это взялось и что означает. И, как *любая* женщина, она не собиралась это делать. Вместо этого Вика просто положила голову ему на плечо.

– Ты умеешь чувствовать глубже...

– Вообще нет. Все давно ушло. Моя жизнь сейчас сжалась до размеров текущего существования. Дни мои, конечно, наполнены разной интересной ерундой, но все это никак не глубина вещей и процессов. Вспомни, что означает быть ребенком, радоваться каждой мелочи, считать, что мир рухнет из-за малюсенькой неудачи. Хорошее, плохое – всегда водоворот чувств, фонтан эмоций. А сейчас? Я уже не постигаю окружающее так, чтобы написать про это в стихах. Я скольжу по поверхности, как тот скутер. А для того, чтобы писать нужно немного погрузиться, *притонуть*, спокойно посидеть и подождать, когда придут нужные слова, рифмы,

подберется мелодия. И даже если не получилось, если битый час провел за пустым листком или просто перебирал струны, не считать, что потратил время впустую. Но так нет же! Впустую нельзя! Времени и так катастрофически не хватает. И с каждым задержанным днем ощущение того, что ты можешь поймать суть явления за хвост, исчезает. Ну, кроме случаев, когда дело касается профессиональной деятельности.

Вика приподнялась на локте и внимательно посмотрела на Сашку. Она и сама порой ощущала то, о чем он говорил, но грусти и безысходности, чувствовавшейся в ее голосе хотелось возразить. Изю всех сил.

– Саша, ну неужели все так? Неужели все так плохо?

– А я разве сказал, что это плохо? То, что происходит с нами банально, чуть-чуть грустно, но не плохо. Это обычная ситуация тех, кто перешагивает порог юности и идет дальше. Кого-то это затрагивает больше, кого-то меньше, некоторым вообще все по фигу, но все мы меняемся, это факт. Я, кстати, в принципе доволен тем, что вырос. У меня отпала куча детских и подростковых проблем. Я финансово ни от кого не зависю. Я занимаюсь очень интересным делом. А то, что я больше не могу повалиться на вершине горы с любимой девушкой – так это плата за взросление. Или за ошибки молодости.

Вика молчала. Она знала, что рано или поздно, эта тема будет затронута – тема их двоих. Но сейчас этот маленький выпад прозвучал очень некстати. Словно почувствовав ее настроение, Сашка попытался вернуться к прежней теме:

– Ладно. «Время не ждет». Слышала такую песню?

Вика покачала головой.

– «Чайф». Буквально вчера услышал по радио. «*Время не ждет и мы как будто бы рады...*»²¹. Понимаешь, это все время. Оно летит, оно как песок ускользает сквозь пальцы, оно меняет нас, его не хватает. Доходит до того, что минуты или часы, проведенные в дороге, я считаю потерянными зря.

– Не говоря уже о том, чтобы побренчать на гитаре.

– Именно. И так день за днем, неделя за неделей.

– Знаешь, – задумчиво сказала Вика, – я раньше любила свою полку, где у меня стояли мои любимые книги и кассеты. Я следила там за чистотой, придавала большое значение тому, как подписать обложки, как расставить все это, в каком порядке, а потом лежала на диване, любовалась созданной красотой. Сейчас у меня тоже есть такая полка, но мне стало все равно, что корешки книг стоят неровно, а кассеты зачастую не совпадают с подкассетниками. Однако, это же не повод для трагедии.

– Ну, может ты и права, – На этот раз пришел Сашкин черед помолчать. – Но... Вот тебе еще один пример. У нас... Нет, буду говорить за себя. У меня сейчас полностью пропало ощущение ожидания праздника. Как было приятно ждать и считать дни до Дня Рождения, Нового Года, поездки с родителями в другой город в гости, или просто какой-нибудь заветной покупки! Свидание, опять же. За два дня придумаешь, как одеться, за день пригоришься, вплоть до содержимого карманов, даже о чем будешь говорить прикинешь. А сейчас? Нужен новый плеер – пошел и купил. Собираешься с ребятами за город – собрался и поехал. Свидание? Вот эта рубашка, вроде бы напоминает глаженую. Пойдет. Бумажник не пустой, есть кредитка. Значит, все okay. И никакого трепета, никакого восторженного ожидания. Все так обыденно до отвращения.

– Вот тут я с тобой совсем не соглашусь. Ты не представляешь, с каким трепетом я ждала покупки большого телевизора. А как мы с девчонками устраивали девичник!? Наряды готовили даже не за два дня, за неделю. Так что...

– Хорошо-хорошо. Может то, о чем я рассказал, касается только компьютерщиков-эмигрантов.

Вика улыбнулась:

– Насчет рубашки для свидания – это наверняка только ваше, «хакерское».

– Все! Ты меня убедила. Умолкаю.

– А насчет праздника... Сделай его сам, сделай как хочешь, и каким хочешь. И все будет по-другому.

Сашка широко улыбнулся:

– А я и сделал. Приехав сюда, выгатачив тебя на эту вершину и нагрузив всякой ерундой.

В этот миг он выглядел таким смущенным и милым, что Вика не выдержала:

– Ох, чудо ты мое.

В ответ донеслось ласковое:

– Мур-р.

Над ними все плыли и плыли облака.

Глава 11

С Викой что-то происходило. Что-то незаметное, неуловимое, как блик от фар в тумане. Она не знала что это, но это было. Окружающее вглядывалось в нее, как бездна у Ницше. Виртуальность впитывала ее и она сама впитывала в себя виртуальность. Что-то добавилось к ее чувствам, обогатило ее. Теперь ей стало казаться, что она видит что-то еще за окружающим их видом. Может быть, текстуры нарисованных планов, отголоски программ, а, может быть, и совсем другой мир. Но все это было так смутно, призрачно, на грани догадки и интуиции, что нельзя было что-то сказать определенно. Наверное, потом, когда-нибудь, если бы это было возможно, компьютерный мир и открыл бы для нее новые грани, но сейчас она ощущала просто прикосновение к неведомому. Нет, даже не прикосновение, а только намек на него.

И все-таки что-то она чувствовала. Разницу между мирами. Что-то, что можно постичь только с помощью... ну, разве что, глупых метафор. Белое изысканное вино в красивой бутылке и обычный красный портвейн с местного винзавода – вот как представлялась ей виртуальность и реальность. Но память подсказала, что за красивой этикеткой может скрываться откровенная брага, а портвейн может быть вполне приятным и согревающим на вкус.

Она прогнала прочь язык метафор. Здесь было хорошо. Здесь было просто здорово. И брага была ни при чем.

Еще здесь был Сашка. По отношению к нему Вика тоже чувствовала в себе перемены и на этот раз совсем не призрачные. Оказалось, прежнее чувство все-таки живет где-то на старой улочке подсознания вместе с болью от недосказанности и необратимости. Но виртуальность лишь намекнула ей про этот адрес. Идти туда ей предстояло одной и стоит ли это делать, Вика еще не знала. С одной стороны все было в прошлом, и время – то самое время, о котором говорил Сашка – невозможно повернуть вспять. Но с другой – вот же он рядом, тот, о котором столько раз думалось, которому дарилась самая искренняя первая любовь. Стоит только протянуть руку или сказать...

Что сказать?

...то, что томится сейчас у самого сердца, не давая вздохнуть, отзываясь дрожью в животе и кончиках пальцев, которыми так хочется прикоснуться к такому знакомому и одновременно позабытому телу. Ей показалось, что небо, горы, трава, *вся виртуальность* подталкивает ее к чему-то, но руки налились непреодолимой тяжестью, язык словно прилип к небу и слова... слова...

На последних белых облаках

Увези меня в волшебных снах...

...так и не прозвучали. Однако Сашка сказал:

– Ну, что, поехали? Нас ждут.

Они в последний раз бросили взгляд на окружающие горы, купола обсерватории, облака на постаревшем небе, и шагнули к машине. Уже внутри Вика взяла Сашку за руку:

– Мне здесь очень понравилось. Спасибо.

Позади них медленно выпрямлялась примятая трава.

Глава 12

На этот раз все было настолько реально, что Вике даже показалось, что они вынырнули из виртуальности. Был вечер. Совершенно обычный вечер. Солнце ползло через серо-желтую пленку перистых облаков, висящих над горизонтом. До заката оставалась примерно пара часов. Вокруг, куда хватало глаз, простиралась высушенная степь, кое-где сдобренная разнообразным металлоломом, ржавым и преданным забвению. Проселочная дорога петляла среди ям и пригорков. Продвигаясь по ней, Зеалот оставлял позади густые клубы пыли. Пару раз на поворотах эта пыль, гонимая своенравным ветром, догоняла их, оседая на внутренностях машины, и заставляла судорожно задерживать дыхание. Приглядевшись, Вика поняла, что узнает эти места. А когда они перелетели через заброшенную железную дорогу, ведущую к старому причалу, сомнений не осталось. Она уже была здесь однажды, когда первое дыхание осени белило звезды, золотило листья и разбрасывало росы по пустынному берегу. Была здесь с Сашкой.

Почему так происходит? Одна песня нравится тебе, сотни оставляют безразличным, а иные даже вызывают отвращение. Некоторые живописные места как заноза в заднице, а некоторые пустыри оставляют след в сердце на всю жизнь, хотя в них нет ничего особенного, и всегда хочется туда вернуться. Почему? Просто, наверное, частоты совпадают.

*Помнишь, ты у шурина брал велосипед?
Уезжал на озеро дальше.
Там остались ваши отражения в воде.
Их еще хранит гладь зеркальная.*²²

И это было. Как в песне Митяева, чей голос был так созвучен с Сашкиным, колеса несли их по неровной проселочной дороге, оставляя за собой облако пыли. Только это был не велосипед, а выдавшая виды красная «тройка», и взята она была не у шурина, а у приехавшего погостить кузена, тоже Александра, который был старше лет на пять. Права у Сашки имелись – он окончил автошколу сразу после восемнадцати. Техпаспорт же отличался лишь отчеством – Витальевич вместо Викторовича – разница в глаза не бросалась, можно было и рискнуть. А еще – они поехали не на озеро, на море. То, которое так весело играло сейчас светлыми бликами впереди.

*Осень началась тогда в августе,
Зелень желтой грустью наполнилась.
На всю жизнь из давней той радости
Хватит вам того, что запомнилось.*

Да, то лето было апофеозом их отношений, а та поездка – апофеозом лета. Столько событий, новых ощущений, впечатлений. Юность. Мир на ладони.

*...Только небо, только ветер, только радость впереди...*²³

Так оно и было. Сашка вел чужую машину осторожно и не спеша, наслаждаясь влетающим в окно легким бризом, навсегда впитывая это пьянящее ощущение свободы и счастья, когда у тебя в руках надежный руль, рядом – любимая девушка и все карманы полны радужных надежд. Вика смотрела на сосредоточенное, но такое счастливое при этом лицо и думала, что в этом как раз и заключается мужское счастье: в дороге, в колесах, и той, что хочется по этой дороге на этих колесах увезти. Большинство ее подруг наверняка не согласилось бы с ней, но она чувствовала, что права.

И синяя даль тоже говорила ей об этом.

Они поравнялись с остатками каменного забора, почти полностью разрушенного и заросшего дикой ежевикой, и Сашка задумчиво сказал:

– Завидую я этим капиталистам. На уик-энд они садятся в машины, берут с собой там... не знаю... серфинг, приспособление для барбекю, раскладные стулья, любимую собаку и едут куда-нибудь отдыхать. А если что-то забыли – это всегда можно купить по дороге по их великолепным кредитным карточкам. И никаких проблем.

Вика ничего не ответила ему. Она восторженным взглядом смотрела на море.

А виртуальное море тем временем приближалось.

– А ты помнишь, как завидовал тогда капиталистам?

Сашка поморщился:

– Смутно. Наверное я говорил что-то про счастливые уик-энды, а сам думал, что если «тройка» Шурика заглохнет, то я ничего не смогу сделать.

– Ты ничего не говорил мне тогда про это.

– Конечно. Не хватало еще омрачать тот день разговорами о перегревающемся бензонасосе и капризничающем карбюраторе. Ничего ведь не случилось.

– Все равно, мог бы сказать.

– Слушай, мы ссоримся как после пяти лет совместной жизни.

Секунду они молчали, а потом одновременно разразились хохотом.

Зеалот захрустел по прибрежной гальке.

– Так куда мы сейчас?

– На *настоящий* уик-энд.

Машин было то ли три, то ли четыре – они стояли в ряд у моря и определить точно их количество мешала сверкающая гладь воды. Потом Вика поняла, что еще вводило в заблуждение – в ряд с машинами стоял и мотоцикл, настоящий, отливающий хромом, «Харлей». Кроме него на берегу находились «Фордовский» универсал, BMW третьей серии и «Жигули» из последних. А позади машин Вика увидела и их владельцев.

– Саша, это... – От неожиданности у Вики даже перехватило дыхание.

Ее спутник ответил просто:

– Да, это *наши*.

В этот момент люди у машин заметили их и замахали руками.

Они подъехали в тот момент, когда Степанова Юлька, только что выбравшаяся из воды, вместо полотенца схватила гитару и с размахом ударяя по струнам, исполнила что-то вроде «*К нам приехал, к нам приехал... кто-то там в общем... дорогой*». Их окружили друзья.

Здесь были все, все кого бы желала увидеть Вика. Мишка «Гроб» стоял, выпятив небольшое пузико. На шее его красовалась солидная золотая цепочка, а на лице – довольная улыбка. Мобила была прицеплена к резинке шортов и BMW нахального красного цвета, наверняка, тоже была его. На Тамаре блистал модный переливающийся купальник, несмотря на двух детей, она вполне сохранила свою форму. Как и Юля, она недавно купалась, и их с Сашкой приезд застал ее за расчесыванием мокрых волос такой же потрясающей длины, как и раньше. Маринка же, наоборот, напоминала прической мальчишку, да еще и перекрашенного в необычный рыже-розовый цвет. Первое, что поразило в Славке Крыжальском – была его пиратская черная борода. Второе – татуировка на плече. Ну или в обратном порядке. Игореша был, как обычно самым загорелым. Денис Сойкин вышел их встречать с бутылочкой пива в руке и сигаретой во рту. Стас, к своим метр-восемьдесят девять, казалось, добавил еще чуть-чуть. Он первый протянул руку Сашке и забываемым баском с легким недавно обретенным канадским акцентом провозгласил:

– Ну, с приездом!

Они обнялись, похлопав друг друга по спинам, друзья, которых судьба разбросала по разным сторонам земного шара. Обомлевшую Вику тоже тут же заключили в объятия, сразу с трех сторон. Слышались приветственные возгласы, смех, жались руки, порхали поцелуи. Чуть отойдя от восторженной лихорадки, Вика случайно обернулась и обомлела. Зеалот, на котором они приехали, превратился в красную «тройку». Не ту самую, конечно. На этот сказочный пикник их привез какой-то дорожный монстр, сделанный из старых «Жигулей». Крыша была полностью

обрезана, колеса увеличились в размерах по крайней мере раза в полтора и выпирали за пределы кузова. Над креслами возвышались черные трубы каркаса безопасности. Решетку радиатора украшал целый ряд дополнительных фар. Присутствовал и ряд других новшеств, но за всем этим тюнингом угадывалась все та же «жулька».

Вика вспомнила как тогда, на обратном пути, в темноте они влетели в большую лужу и Сашка сокрушался, что теперь ему придется по любому мыть чужую машину. Однако, он был так счастлив, счастлив как никогда.

Сейчас Сашка тоже выглядел счастливым.

– Так, хватит меня соблазнять мокрыми телами! – шутливо взмолился он, когда приветствуя, его коснулась не успевшая вытереться Юля.

– Ну, тогда значит быстро в воду!

– Подождите, дайте хоть отдышаться.

– Никаких «отдышаться», – это был Слава. – И так уже опоздали на полчаса.

– Молчи, борода. Мы с Викой на скутерах гонялись.

– И кто кого?

Сашка скорчил отрешенную мину и принялся отстегивать с руки свой браслет:

– Я лучше пойду купаться.

– Ага, – в разговор безапелляционно встрял Гроб. – Значит ты проиграл Вике?

– Ну, проиграл, – отпираться все равно было бессмысленно. – Но совсем чуть-чуть.

Послышался смех.

– Это ты у себя в Австралии рассказывай про «чуть-чуть», – сказала Марина. – Молодец, Вичка!

– А, ну вас! – Сашка, с видом шутливой обиды направился к воде.

– Ладно, – Вика утомившись от смеха и гордости за то, как отнеслись к ее победе, решила внести ясность. – Ему просто не повезло.

Она догнала Сашку.

– Мы что купаемся?

– Конечно.

– А... это...

Сашка приблизился к ней вплотную и шепнул на ухо:

– А ты загляни под блузку.

Вика последовала его совету и обнаружила, что одета в сине-зеленый купальник. Причем, неизвестно пока как «низ», но «верх» был очень даже симпатичный и сидел на ней вполне комфортно. Интересно, как Сашка это программировал? Слегка смущенная, она оторвалась от созерцания собственной груди и обнаружила, что ее первая любовь уже раздевается, спеша окунуться в ласковые волны виртуального, но такого реального моря. Позади Игорь предупредил:

– Не особо долго. Мы разжигаем костер.

Вика обернулась:

– А что жарим?

– Шяшлык, слышай, – с интонацией обиженного грузина, ответил Славка. Грузин, правда получился у него примерно из штата Кентукки.

– Вах! – Только и смогла сказать Вика.

И, закончив раздеваться, ринулась в воду.

Вода была потрясающей. Чистой, прозрачной, теплой. Входя, Вика ожидала почувствовать что-то необычное, но все было совершенно реально, включая то, как она покрылась «гусиной кожей» едва ноги окатила небольшая волна. Классным было и дно из мелкой гальки, на котором играли светлые беспорядочные блики, и мелькали маленькие рыбки.

Разбивая солнечную дорожку, смывая все грусти и заботы, Вика легла на воду.

Плыть было легко и приятно, несмотря на глядящее в глаза солнце. Через несколько секунд ее догнал Сашка. Они отплыли на небольшое расстояние.

– Ну, а теперь я жду объяснений.

– А что объяснять? Встреча старых друзей.

– Нет уж, я приняла придуманных гномов, нарисованные вершины, невероятной чистоты море, но это... Гроб, Юлька. Я и Стаса вспомнила, хотя говорила тебе в кафе, что не знала такого. Они живые и настоящие.

– Да. Я старался.

– Мне не верится, что это только программа.

– Значит у меня получилось.

Вика недовольно фыркнула. Она не знала как себя вести. С одной стороны – классный пикник с друзьями, с другой – лишь иллюзия, виртуальность. Но вот иллюзия ли? С каждой минутой ей все труднее было однозначно ответить на этот вопрос. А сейчас еще один вопрос очень интересовал ее:

– А они вообще знают кто они?

– В смысле?

Вике подумалось о проблеме клонирования человека. Выращенный в «пробирке», такой клон не будет иметь родителей, он все-таки останется человеком. Ну а если есть компьютерный клон, считающий себя человеком? Знает ли он, что является всего лишь программой, упорядоченным набором символов и знаков? Может, он уже заведомо, с «рождения», все понимает? Или нет, и тот, кто сообщит ему об этом, сыграет роль своеобразного змея-искусителя. Как насчет этики этого вопроса? Вика, как смогла, объяснила, что имеет в виду.

– Ну, я не углублялся в их психику так далеко. Это все-таки, в некотором роде эксперимент. Я просто пытался как можно точнее воссоздать характеры, придать внешнюю схожесть, не забыть детали.

– Тебе это удалось.

– Мне помогли мысли о тебе.

Вика пропустила его реплику мимо ушей. Под ногами оказался камень и она стала на нем. Сашка тормознул рядом.

– И все-таки, если раскрыть все карты?

– Хорошо. Они знают. Знают, что это виртуальность, и что есть материальный мир. Это знание. Просто. Без знака «плюс» или «минус». Они скопированы с реальных людей и людьми, кстати, являются. Не знаю, почему ты так всполошилась. Я хотел как лучше.

– И, все-таки, как они воспринимают себя? – не унималась Вика.

– А как воспринимаешь себя ты? – вопросом на вопрос ответил Сашка. В его голосе проскользнуло раздражение. Вика настороженно посмотрела на него.

– Учитывая, что наши тела лежат сейчас в твоей лаборатории со шлемами на голове...

– А если я просто снял копию с твоего разума и твой, как ты выразилась, компьютерный клон расслабляется сейчас с моим, в то время как реальная Виктория уже давно дома, и готовит обед любимому мужу?

Вика остолбенела и по ее телу пробежал озноб. Пропало всякое желание спорить и забрасывать Сашку каверзными вопросами. Нет, пропали вообще все желания. От того, что она услышала, ей стало страшно. Ноги в коленях подогнулись и Вика едва удержала равновесие, чтобы не сползти с камня.

– Это неправда, – она даже не узнала свой голос.

– Да, неправда, – Сашка опомнился и взял побледневшую Вику за руку. – Неправда, неправда! Иначе ведь и костюмы не понадобились бы.

Он начал утешать ее, но Вика отбросила его руку. Страх уступил место облегчению, а потом вдруг... разочарованию. Ведь то, о чем сказал только что Сашка, имело и обратную сторону медали. Вика оттолкнулась от камня и поплыла, обронив едва слышно:

– А, может быть, я хотела, чтобы было так...

Она думала. Быть счастливой копией. Пусть оригинал остается с Романом, а она... она осталась бы с Сашкой здесь, в этом прекрасном мире, где можно быть кем угодно, в любой ипостаси, выбрав для себя любое место и время. Ей вспомнились слова Сашки: «Ты не захочешь возвращаться». А что, как в воду глядел! Жаль, что это невозможно. Она выругала себя за безумные фантазии и нырнула, словно пытаясь смыть их.

Сашка стоял и смотрел ей в след. На его губах играла едва заметная таинственная улыбка.

С берега позвали. Вика оторвалась от своих мыслей и огляделась. Она отплыла на порядочное расстояние и теперь их машины виднелись вдали, освещенные золотым светом заходящего солнца. Вокруг суетились ребята, поднимался дым разгорающегося костра. У самой кромки воды стоял Крыжальский и махал им рукой. Вика тоже помахала в ответ. Подплыл Сашка.

– Ну, что, на берег?

– Да, – Вика немного помолчала, по-прежнему глядя в сторону берега, затем повернулась к нему. – Извини, что я так. Просто слишком много всего на меня обрушилось.

– Все хорошо. Не думай ни о чем. Просто отдыхай, ага?

Вика кивнула.

– Ладно, поплыли.

Они выбрались из воды и Тамара дала им полотенце, которое Сашка услужливо предложил Вике.

Стас и Игореша колдовали над костром, девчонки над кастрюлями, Слава с Денисом обустроивали лагерь. Дэн то ли из альтруизма, то ли из пофигизма, вытащил заднее сиденье своей машины, и примостил рядом с другими подстилками, поближе к костру. И только Гроб полулежал, безразлично прислонившись к пыльному боку своего «Бумера». Рядом стояла начатая бутылка портвейна. Завидев вышедших из воды, он подмигнул им и заговорщицки показал на вино.

– Сейчас идем, – отозвался Сашка, потом наклонился к Вике и шепнул. – Еще один плюс виртуальности, это то, что тебя не могут заставить работать.

– Особенно если самому запрограммировать это.

– Ну, и ладно. Возвращай полотенце, циничная ты особа.

– Ой, можно подумать, – Вика улыбаясь, отдала полотенце. Ее настроение восстанавливалось.

– Кстати, если хочешь, я сделаю тебя сухой, или сменю прикид.

– Нет уж! Пусть все будет взаправду.

И, красиво покачивая бедрами, Вика направилась к Мишке. По спине ее, будоража воображение, скатывались блестящие капли. С трудом сдержав красноречивый вздох, Сашка пошел за ней.

– Миша, ты все тот же лентяй? – Вика уселась рядом с Гробаревым.

– Лентяй-лентяй, – подхватила Маринка, нанизывая на шампур мясо вперемешку с луком и еще чем-то, кажется перцем.

– Человек, открывший три магазина, не может быть лентяем, – выступил в защиту приятеля Сашка.

– Правильно! – Гроб был ни капли не смущен этой маленькой шумихой. – Портвешок будешь?

Сашка кивнул. Вика изучающе посмотрела на него. Его прежнее отношение к алкоголю оценивалось как нейтральное, и в свете историй с Романом ей очень хотелось, чтобы все так и осталось. Внутренний голос, вдруг проснувшись, с ухмылкой спросил: «А почему это тебе так важно?». Вика посоветовала внутреннему голосу заткнуться, и взяла один из двух пластиковых стаканчиков, предложенных Мишкой.

– Чуть-чуть.

– Ноу проблем, – он откупорил свою бутылку и плеснул вначале немного Вике, потом чуть больше себе и Сане.

– Так, я не понял! Почему без меня? – Стас вынырнул откуда-то уже со стаканом наготове.

– Так чего уже? Наливай всем, – это был Денис, – А то некоторые тут трудятся, а некоторые...

– Вот именно, – подхватили Тома с Мариной.

Гроб взглянул на свою бутылку, вздохнул и потянулся за стаканами.

– Ну, что? За встречу!

Они чокнулись. И уже проглотив алый напиток, Вика поняла, что сделала это в виртуальности. Портвейн был отменным и даже не потребовалось закусывать, хотя она ожидала в продолжение ностальгических традиций ощутить что-то наподобие того, что они пили порой на школьных вечеринках. То время вообще было таким далеким и загадочным. Они слушали панк-рок и хэви-металл на скрипучих кассетниках, искали себя на дымных дискотеках и ночных лавочках. Прогуливали уроки и влюблялись. И все это время с нетерпением ожидали взросления.

– Мм... Хорошее вино, – похвалила Тома.

– Да, я вообще-то ожидала какой-нибудь «бормотухи» из нашей юности, – призналась Вика.

Гроб встрепенулся:

– Есть! Специально разыскал. «Старый нектар», помните?

– Ну, «Старый нектар» еще ничего, – со знанием дела отозвался Стас. – Бывало и хуже. «Фетяска» к примеру. Или «Славянка».

– У-у, гурман!

– Еще какой! – Сашка поудобнее расположился на земле рядом с Викой, – «Да ты гурман, Стасик» – помнишь эту фразу?

– Да, ладно тебе...

– Нет, мы хотим услышать, – раззадорились девчонки, – что это за история?

Сашка немного пошел на попятную:

– На самом деле все даже немного банально. Уточню, кто не знает, мы знакомы со Стасом еще со школы. И вот однажды, классе, наверное, в десятом, опоздал Стас на мой день рождения, который устраивался на природе. Когда он наконец объявился, из еды у нас остались только вареная картошка, кетчуп, майонез и немного теплого пива. Это чудо, – он указал на Клиноренко, – медленно и старательно мажет картошку кетчупом и майонезом одновременно и, запивая пивом, методично потребляет *это*. Причем с таким довольным выражением лица, что Димон в образовавшейся паузе как гаркнет: «Да, ты гурман, Стасик!».

Собравшиеся рассмеялись. Потом Юлька опомнилась:

– Хорошо сидим. Костер скоро прогорит, а мы еще с мясом не разобрались.

– Давайте чем-нибудь помогу, – Вика поднялась.

– Ну, еще помидоры осталось порезать, и хлеб, – Тома поставила стакан на траву. – Так уж и быть, пусть мальчики отдыхают.

– Никаких наездов, – не удержавшись, бросил вслед Славка, – Мальчики делали костер.

Они удалились. Стас спросил:

– Ты слышал что-нибудь о Димоне с тех пор?

Сашка покачал головой.

– И я. После школы он, помнится, подался на север. Кажется, Архангельск.

Они помолчали. Стас ходил к «Форду» и вернулся с литровой бутылкой «Миринды».

– Как тебе большие американские машины? – поинтересовался Славик.

– А как тебе настоящие американские «Харлеи»? – вопросом на вопрос ответил Стас.

– А, так вот чей этот шикарный железный конь, – оторвалась от резки хлеба Вика. Теперь присутствие бородки и татуировки стало для нее совершенно понятно – байкер, елы-палы!

– Ну да! Стильная штука, правда?

С транспортом теперь все стало ясно, подумала Вика. BMW принадлежало Михе, «Жулька» Денису, «Ford» был Стаса, ну а «Харлей» – неподражаемого Славика. Остальные, видимо приехали с ними.

Через четверть часа с приготовлениями было покончено. Благодаря то ли случайности, то ли, скорее всего, предусмотрительности Сашки, дым костра уносился в сторону, поэтому «стол» был устроен неподалеку от огня. Положение подстилок было подвергнуто реорганизации для более удобного размещения народа. Все наконец уселись. Зажурчало вино по стаканам.

– Так, за встречу мы уже пили...

– За *такую* встречу можно и еще раз...

– Тогда уж за того, кто всех нас собрал, – Слава торжественно повел стаканом, изображая предложение чокнуться, – Санек! Ты – молодец!

Сашка протестующе замахал руками. Вика заметила, что он по-настоящему смущен, по губам она прочла что-то вроде: «Это не по сценарию». Но пластиковые стаканчики все равно взметнулись вверх.

Они выпили. На этот раз Вика решила обязательно закусить. На «столе» у них было достаточно снеди. По студенческой привычке изобиловали бутерброды с паштетом, а также с колбасой и сыром. Свежие помидоры и соленые огурцы – она вспомнила, что Сашка любил именно такую комбинацию, и мысленно улыбнулась. Еще были вареные яйца, шпроты и тушенка в железных банках, конечно же, кабачковая икра. Кто-то, не иначе как Юлька, притащила домашние блины и острую закуску из морковки. Кроме этого в пластиковых мисках красовались маринованные грибы и еще какой-то салат, из составляющих которого Вика различила только зеленый горошек. Из экзотики присутствовали мандарины и две огромных дыни. В центре импровизированного стола лежал нарезанный хлеб, на краю стояла бутылка с кетчупом. Имелось вино, литруха водки, а также «Спрайт» и томатный сок. Хотя, как стало очевидно за последние часы, в виртуальности могло быть исполнено любое желание.

С большой осторожностью Вика выбрала бутерброд с сыром, явственно ощущая запах настоящего хлеба и сыра, осторожно укусила, краем глаза заметив, что Сашка следит за ней и... продолжила есть. Все было абсолютно естественно – и вкус, и посыпавшиеся с бутерброда крошки. Хм, ходить здесь она научилась за минуты, есть и пить – за секунды. Может и вправду у нее какие-то особые отношения с виртуальностью? Во вторую руку Вика взяла помидор, сладкий, сочный, не нуждающийся даже в соли.

К столу потянулись руки и несколько минут все были увлечены едой. Вика тоже принялась есть, с аппетитом уплетая шпроты, грибы и тот самый неизвестный салат, на поверку оказавшийся очень вкусным. В принципе, особого голода она не испытывала, да и Сашка говорил что-то вроде того, что в виртуальности нельзя реально наесться, но она так давно не сидела на природе в такой дружной компании... В общем все получалось само собой, а когда в животе так естественно заурчало, она в очередной раз усомнилась, что все это вирт.

Гроб тем временем грустно посмотрел на пустую бутылку, отложил ее в сторону и... достал следующую. Стас со Славиком перешли на «беленькую». Секунду поразмыслив, к ним присоединился и Денис.

– Миха, – подал голос Стас, – я тебя кучу лет не видал. Как ты умудрился раскрутиться в этой стране?

– Так! Нечего на страну гнать! – возмутилась Юля.

– А чо гнать, ты на нас посмотри. Тома – в Финляндии, Я – в Канаде, Слава в Штатах, Саньку в Австралию занесло. Четверо из десяти. Ты думаешь легко этот шаг дается? Просто иного способа нет. Здесь полный ноль в отношении перспектив. Поэтому я и спрашиваю.

– А я тебе отвечаю, – Гроб чуть приподнялся, по-прежнему не выпуская из рук стакан. – Ты правильно сформулировал: «раскрутиться». То, чем я занимаюсь, не есть бизнес. Это тупое зашибание денег порой наперекор образу жизни, всякой там этике и прочему. Если врубиться в эту схему, то жить можно.

– Только для этого нужен определенный склад ума, – добавил Игорь. – Не такой, как, допустим, у меня. А насчет перспектив – ты, в общем прав, Стас. Я вот: аспирантура, кандидатская на идиотскую не нужную никому тему, преподавание. То есть, вроде что-то и есть, а на деле... Чтобы купить машину, мне нужно лет десять по-черному брать взятки. Собственная квартира – неисполнимая мечта. Да что там, поехать отдохнуть, повидать интересные места – не на что.

– Ну, а куда бы ты хотел поехать? – спросил Славик.

– Да мало ли куда?! – Игорь грустно улыбнулся, – Вообще-то больше всего я бы хотел повидать Байкал.

– Эй, парень, ты живешь у моря. Чего тебе не хватает?

– Не знаю. Хочу увидеть Байкал. Заглянуть в его воды. Почувствовать космическую энергетику этого места. Наверное это глупо, но это моя мечта.

– Ну, по-моему, это не так уж нереально. Это же не Канары. – сказала Тома.

Молчавший доселе Гроб спросил:

– А в твоих мечтах место лишь для одного?
– Ты о чем, Миша?
– Понимаешь, у меня тоже есть одно желание. Это не та наивная мечта из детства, о которой вспоминаешь всю жизнь, но мне бы очень хотелось его осуществить. Я хочу совершить что-то вроде автопробега. Неважно куда, просто: надежная машина, бескрайняя дорога и ты сам себе хозяин. В следующем году я собираюсь купить себе хороший внедорожник и, быть может, выкрою в своем графике пару неделек для этой авантюры. Определенной цели у меня нет, так вот я и спрашиваю, а не совместить ли нам с тобой два наших желания, если, конечно, у тебя нет особых условий.

– Мишка, да какие там условия!? Если ты предложишь такое мероприятие, я обеими руками «за». Но сам понимаешь, спонсорство будет неравноценно.

– Это неважно. Главное, чтобы мы классно провели время. Значит по рукам?

Игорь выглядел слегка ошеломленным:

– По рукам! Конечно.

– А жена?

– Поймет. Она у меня умница.

– Тогда за мечты. – Стас поднял свой стакан, – и за их исполнение.

Посидели еще. Разговоры постепенно переключились на тему работы – обычное у мужчин дело. Вика перебралась поближе к Юльке и Маринке.

– Ну, рассказывайте, как ваше «ничего»?

Юлька пожала плечами:

– Как раз, что «ничего». Все то же: дом, работа в том же музыкальном магазине. С тех пор, как мы виделись, единственной новостью была покупка стиральной машины.

– Все так же одна?

– Ну, не то, чтобы совсем. Я ищу.

– Уже столько лет...

– Знаешь, если проинвестировать Альфреда Бестера – был такой писатель – то скажу: «Если твой парень один на миллион, то в городе с восьмимиллионным населением есть еще семь таких».²⁴

– И ты ищешь такого, как Андрей?

– Да. Я уже таким мастером стала в мужской психологии.

– Да ты им всегда была.

– Может быть. И вообще, чего я? Пусть Маринка рассказывает. Ей есть что рассказать. Она второго ждет.

– Вау! Seriously?

Марина посмотрела на Юлю, по-детски насупившись:

– Я сама хотела рассказать.

– Да ладно уже...

– Еще рано о чем-то говорить, но я надеюсь, что будет девочка. Назову Надей.

– Как супруг отнесся?

– Легко. Он сам его и задумал, ребенка, в смысле. Никита у меня из тех, кто любит большой дом, много детей, огород. Да, что я рассказываю – вы же были у нас в гостях. Знаете, что Ник вырос на селе.

– Ага, помню, – сказала Юля. – «Лучше быть первым парнем на деревне, чем десятым в городе». Он, кстати, как – в городе-то прижился?

– Он просто живет в стороне от всей этой суеты. Дом у нас, знаете, на окраине. Профессия – плотник – у него совсем такая... ну, такая, что можно в некотором роде не касаться реальности.

Последние слова словно эхо пронесли у Вики в голове. Ей было так хорошо, что тоже хотелось не касаться реальности.

– А на двух остановитесь?

– Наверно. Это все-таки очень тяжело в наше время – воспитывать детей. Порой я очень боюсь. Боюсь, что когда вырастет мой Артемка, для него найдется какая-нибудь «горячая точка».

Боюсь, что из-за скачка доллара или подорожания бензина взметнутся цены так, что я даже лишнюю игрушку не смогу купить своим детям. Я не знаю, что придумает наше стукнутое правительство, не представляю, что будет дальше, как лягут звезды, как распорядится судьба. Прав, наверно, Стас – в этой стране все как-то... неопределенно, непредсказуемо.

Вика положила руку на плечо Марине:

– По крайней мере у тебя есть на кого положиться.

– А у тебя?

Вика задумалась, что сказать. Ответ зависел от того, как следует воспринимать сидящих перед ней. Если как живых людей, то она никогда бы не открыла подругам истинное положение дел с Романом... и Сашкой. А если как компьютерную программу – было бы хорошо излить душу кому-нибудь из хороших подруг, зная что это однозначно не выйдет за пределы, так сказать, ОЗУ и ПЗУ. Мысли ее отвлеклись и вернулись на полвитка по спирали происходящего. Если все вокруг, подумалось ей, лишь компьютерный образ, то ждет ли второго ребенка реальная Марина? Если да – то как об этом узнал Сашка, а если нет – к чему весь этот цирк? А то, что Миха запланировал с Игорем... Это что – только в виртуальности? Хорошо бы знать...

– Чего молчишь?

Вика только сейчас заметила, что задумалась, уставившись в одну точку. И что так и не решила, как себя вести.

– Да, в общем у меня все нормально. Как всегда, – ложь абсолютно легко слетела с ее уст. – Объявился вот Сашка, показал кучу чудес, привел сюда.

– Ну, и как у вас?

Вика насторожилась. Если сейчас они начнут убеждать в том, что она сделала ошибку, предпочтя Романа – значит они точно программа, причем с явно выраженной авторской меткой. Ей не хотелось, чтобы это было так. Тогда мнение о Сашке пошатнулось бы, и очень даже сильно, а, кроме того, если подруги начнут нести подобные вещи, все чары этого места и этой компании пропадут в единое мгновение.

– Что ты хочешь узнать? – осторожно спросила она.

– Ты была рада его видеть?

– Да, пожалуй.

– И больше ничего?

Вика покачала головой, но как-то уж совсем нерешительно.

– Нет, пойми меня правильно, – Марина снизила голос до шепота. – Я не пытаюсь как-то там влиять на тебя. Сашка – хороший парень, но, согласись, нам уже не семнадцать, чтобы очертя голову бросаться в омут любовных приключений.

Так-так, это был оригинальный поворот. От Маринки, конечно, можно было ожидать таких слов; Вике была известна ее правильность и праведность в отношении семьи и семейной жизни, но все равно прозвучало это как-то неожиданно. Или у виртуальной копии подруги после стаканчика вина здесь повылезали все ее скрытые при других обстоятельствах «тараканы» или... Сашка пытается завоевать ее таким сложным способом «от противного».

– А мне кажется, – вступила в разговор Юля, – что во всем этом нет ничего страшного. В твоих любимых «мыльных» операх, Марина, такое случается сплошь и рядом. А ты сама, что, даже никогда не флиртовала после свадьбы?

– Знаешь, флирт ведь тоже может быть разный...

– Вика, не слушай эту клушу. Если хочешь вспомнить прошлое – вперед, только не надейся на многое, не отрезай путей отступления, и, очень прошу, не ошибись. «Мы лишь вспоминаем прошлое, мы не узнаем его при встрече. Воспоминанья летят назад, но жизнь идет вперед, и все прощанья – навсегда».²⁵ Это тоже Бестер. Я на себе почувствовала эту истину. На заре юности все чувствуется по-другому, а потом, когда возвращаешься к тому, что было, все оказывается не так, и ты уже не знаешь, то ли ты сама изменилась, то ли забыла, как должно быть. Остается лишь память, но что с нее взять? В общем, решать тебе, главное не грохнись потом о холодные камни как падший ангел, – в конце она нараспев процитировала «Наутилус».²⁶

Эти слова понравились Вике больше – Юля умела сказать то, что важно и сказать красиво. Вопреки проскользнувшему вначале опасению, никто не уговаривал ее броситься на шею Сашке.

По крайней мере эти двое. Маринка, вон даже наоборот, отговаривала. Но чем дальше, тем сильнее Вика чувствовала, как разгораются в душе давно забытые чувства. Может быть, в этом была небольшая заслуга виртуального вина, но, даже, если и была, то совсем небольшая.

Она нашла взглядом Сашку и увидела, что он берет гитару. Несколько минут подтягивания колков, вслушивания в звук, мелодичного перебора струн, а потом, тихо прокашлявшись, он начал:

*Эта ночь не дает мне уснуть до рассвета
Эта ночь вертит старые пыльные сны
На краю суматошного пьяного лета
Мы с тобой таем в призрачных пальцах луны*

*Сквозь сумрак дней
Я рвусь к тебе
Сквозь сумрак дней
Уносит память
Сквозь сумрак дней
Вино в стакане
Чтоб только не было больней*

*Мы с тобой – где прибой, где нет слез и разлуки
Мы одни в королевстве волшебных теней
Я запомнил навек твои губы и руки
Я прижаться хотел к ним сильней и сильней*

Когда-то Вика слышала эту песню. Может быть, всего лишь раз, но слова вызвали какие-то смутные воспоминания из самых дальних уголков мозга. Она вслушивалась в музыку, в стихи. И не только она. На берегу воцарилась внимательная тишина, нарушаемая лишь шумом прибоя, треском костра и стрекотом кузнечиков. Сашка повторил припев и начал последний куплет.

*Эта ночь, вероятно, не будет последней
Но, увы, прошлого не вернешь назад
Дни летят, моя милая юная леди
И мечты. Они тоже летят.²⁷*

Первым нарушил тишину Стас.

– Эту песню, кажется, сочинил парень с нашего двора, – сказал он.

Сашка согласно кивнул головой, откладывая в сторону гитару.

– Твой тезка, кажется. Саня. Не помню фамилию.

– Я тоже не помню. Помню только, что он был старше нас на год, а однажды летом с ним что-то произошло. Что-то странное. Он резко позабыл друзей, очень изменился, и даже, вроде бы, ненадолго обследовался в психушке. А потом увлекся танцевальной музыкой, пытался работать ди-джеем и в конце концов уехал из города.

– Да, я вспомнил. Хороший был парень. До того лета.

– Эта песня – все, что от него осталось.

– Знаете что? Давайте выпьем, – Денис наполнил стаканы соседям. – За тех кого нет с нами. За тех, кого мы помним.

Настало время заката. Алая монета солнца проскользнула в промежуток между облаками, словно обрисованными по контуру красным карандашом и стало погружаться в серую дымку у самого горизонта. Все происходило стремительно. Круг сплюснулся в овал, потом в уменьшающуюся дольку, и, наконец, просто точку, через мгновение исчезнувшую над горизонтом. Бледно-розовое свечение неба стало медленно угасать на нежно-голубом.

– Теперь я понимаю, почему у фотопринтеров на два цвета больше, – оригинально прокомментировал панораму неба Стас.

– Чего?

– Без оттеночных картриджей такое не воссоздать.

– Я и забыл, как выглядят наши закаты, – сказал отрешенно Сашка. Он отложил гитару и посмотрел на остальных «иностранцев». Они сидели молча, глядя на догорающие краски. И только Тома тихо проронила:

– Они красивые.

– Ладно уж, – Юлия протянула руку. – Дайте гитарку.

Ее рука легла на гриф, вторая попробовала струны:

*Ты говоришь только тогда, когда ты хочешь сказать
Все твои мысли потому – неповторимый полет
И это мучает тебя, но я могу подождать
Пока закончится зима и солнце вытопит лед
Когда наступит снова для нас время «икс», дикий мед*

М-м-м

*А это осень и день августа на слайде в анфас
А это веер моих песен за какой-то там год
Я вспомню сладкую печаль твоих оранжевых глаз
И счастье с запахом полыни сотрет горизонт
Поскольку я нашла вернее слова для тебя, дикий мед*

М-м-м

*Хмельная горечь янтарем по пальцам тонкая нить
Переливается на солнце, ослепляет ладонь
Нас разлучает все, что только может нас разлучить,
Но что-то теплится в душе и разгорится огонь,
Когда опять твой синий дымчатый взгляд разольет дикий мед.*

М-м-м²⁸

Она пела тихо, но так тепло и искренне, что Вика слушала, затаив дыхание. «Нас разлучает, все, что только может нас разлучить» – ее песня прозвучала словно в унисон с Сашкиной, да и в остальном, подумалось вдруг, у них было немало общего. Оба были одиноки, и оба никак не могли забыть свою первую настоящую любовь. Юлька носилась с воспоминаниями об Андрее, у которого, она знала, уже давным-давно другая семья, подрастающий сын, и который вряд ли вспоминал о девочке, которой ранил сердце сразу после одиннадцатого класса. Сашка – и в этом сейчас она готова была поклясться – всегда помнил о ней. Две похожие судьбы, изливающие чувства на фоне дрожащих струн. Интересно, они учились в одной группе и вполне могли сойтись друг с другом, но...

Вика и не знала, что в свое время они пытались. На четвертом курсе Сашка и Юлия попытались перешагнуть от симпатий и дружбы к чему-то более серьезному, но у каждого за спиной оставался очень дорогой сердцу кусок жизни, а в голове жили свои взгляды на мир, свой собственный идеал любимого человека, не дававший покоя и не соответствующий реальному положению дел. У них ничего не вышло, и лишь уважение и симпатия друг к другу помогло им сохранить дружбу – то, что казалось тогда таким важным.

Вспомнилась притча, рассказанная в лаборатории, про то, как один мужчина всю жизнь искал идеальную женщину, состарился, но так и остался одинок. «Неужели за всю жизнь ты не встретил ее?». «Встретил. Но она искала идеального мужчину». Эти двое были доказательством этой притчи. Каждый сам по себе.

«Мы с тобой – где прибой, где нет слез и разлуки...»

А ведь в силах Вики что-то изменить. Сделать счастливым человека из притчи. И, может быть, саму себя тоже. Вот только смеет ли она решиться на это?

– Так, мальчики, кто у нас на шашлыке? – своим окриком Марина выдернула Вику из состояния задумчивости. – Костер уже прогорел.

– А чо, как что, так сразу «мальчики», – заворчал Слава, но послушно направился к нанизанным шампурам. Игорь пошел с ним.

– А того, – Юлия отбросила песенную печаль. – Шашлык – дело мужское. И вообще темы типа: «Женщина, твой день – восьмое марта!» у нас не прокатывают.

Вика улыбнулась. Ей было хорошо здесь, особенно сейчас, когда первая неловкость была смыта весельем и душевностью, а еще вином.

Закат тем временем угасал. На востоке, уже зажглись первые звезды, робко дрожащие в сгущающейся мгле. Из-за холмов выплыла луна – большая и оранжевая, едва перевалившая пик полнолуния. От воды повеяло прохладой. Вика зябко поежилась и Сашка подойдя, обнял ее за плечи.

– Не стоит мерзнуть, – тихо сказал он ей на ухо. – В машине есть во что переодеться.

Она заметила, что он уже натянул свои джинсы и накинул рубашку. Вике захотелось сказать, что когда он обнимает ее вот так, ей совсем не холодно, но его руки соскользнули с ее плеч, и Вике ничего не оставалось, как последовать Сашкиному совету. И только на полпути к авто Вика поняла, что сейчас произошло. Он обнимал ее и ей хотелось, чтобы это ощущение не кончалось. Очень хотелось. Похоже, бастион вполне готов был пасть.

В машине она нашла не только свою дневную одежду, но и теплую вязаную кофту и даже новое белье. Безуспешно стараясь не заикливаться на мысли, как Сашка угадывает ее размеры, и вообще как все это делает, Вика забралась в салон и полностью переделалась. В тусклом свете маленькой лампочки взглянула на себя в зеркало, сказав «прощай» остаткам косметики. На миг ей показалось, что с той стороны стекла на нее смотрит помолодевшая лет на пять девчонка с растрепанными волосами и милым личиком, розовым от сполохов костра. Улыбнувшись, она скорчила рожицу своему отражению и пошла к стоянке, откуда доносилась гитара.

– Поорем? – спросил Сашка. Как хорошо, подумала Вика, что в виртуальности у него не болят пальцы от струн и он может играть долго и что угодно.

«Что угодно», под которое Сашка предлагал поорать, оказалось Чайфовским «Никто не услышит». Знакомые аккорды, а потом слова, которые тут же были всеми подхвачены.

От старых друзей весточки нет. Грустно.

А на душе от свежих газет пусто.

И от несвежих – невелика потеха.

Правда вот был армейский дружок – уехал.

Ой-йо, ой-йо, ой-йо. Никто не услышит.²⁹

Они допели. Нестройными голосами, но абсолютно искренне. «Ой-йо» летело над берегом и морем как ветер прошлого. Стас сказал:

– А все-таки жаль, что наша музыка уходит.

– Это точно, – согласился Сашка. – Все так изменилось.

– Теперь поют совсем другие песни, – сказал Игорь, переворачивая шашлык, – Всякие там «Пару трупер» и «Я знаю три слова». И это теперь, кстати, тоже рок-музыкой называется.

– Знаешь, на самом деле, – как работник музыкального магазина и музыкант со стажем, Юлия не могла остаться в стороне от этого диспута. – И раньше были хорошие песни и был всякий бред, и сейчас.

– Не, ну тот бред, что поют сейчас...

– Я не хочу защищать отстой вроде «Целуй меня везде, я ведь взрослая уже», вызывающий рвотные рефлекс, но знаешь, ты возьми «Наutilus» образца какого-нибудь затертого 87-88-го года, послушай «Мясников», «Доктор твоего тела». Много ли смысла ты найдешь?

– Мы находили, – негромко, но исключительно весомо выразился Стас.

– Хотите, расскажу историю, – подал голос молчавший доселе Славка. – Немного глупую, наверно. Аэропорт в городке Бангор, штат Мэн. Занесло меня туда по работе. Скоро отлет. Захожу в туалет, а в соседней кабинке парень напевает «Калинов мост». Песня как раз соответствующая...

нет, не туалету, – предупредительно подняв указательный палец, он предугадал возможную шутку, – глобальнее: «Улетай». Может быть помните? «Улетай с первым проблеском солнца. Улетай, гордый вызов орлам»,³⁰ – он напел, и Сашка со Стасом кивнули, узнавая. – Тихо так себе напевает, но не фальшивит. И даже акцента нет. А я, блин, sorry, делаю свои дела и просто его слушаю.

– Это случайно не сам Ревякин был?

– Нет конечно.

– Ты не начал подпевать?

Славка потупил взгляд:

– В том-то дело, что нет. Не знаю, что на меня нашло. Я просто слушал. А потом, когда вышел, опомнился, хотел подождать его, познакомиться, но тут посадку на мой рейс объявили.

– Да, это на тебя не похоже.

– Я знаю. Но я почему-то не мог сказать ни слова. Как в той самой песне: «Унесло вихрем в дальние звезды». И все. А он, может быть, даже одним рейсом со мной летел.

Слава замолчал.

– Да, ладно, не бери в голову, – посоветовал Денис.

– И все-таки музыка сильно изменилась, – вернулся Игорь к прежней теме. – Я понял это не так давно, когда проходя мимо лавочки в парке, услышал что поет нынешняя молодежь. Как вам «Русский размер» под гитару?

– Да, на место старых кумиров приходят новые.

Вика вспомнила, как слушала однажды слушала «Лети», после очередной ссоры с Романом, находя что-то близкое в, казалось бы, холодных техноритмах и... промолчала.

– У меня вообще создалось впечатление, – подал голос Миха, – что после 95-го все наши монстры рока вроде Кинчева и Шевчука не создали ничего по-настоящему хитового. Они что-то творят, где-то выступают, но так, чтобы как раньше на каждом углу «Трасса Е-95» или «Последняя осень»...

– Неувязочки, Миша, – перебила его Юля, – «Трасса» вышла в 97-м.

– Ну, может быть, есть исключения, – согласился Гроб, – но в целом, согласитесь...

– Короче, Склифасовский, – Пародируя Балбеса из «Кавказской пленницы», перебила его Юлька. – Дай мне гитару, и я спою тебе хит.

Без особых прелюдий она ударила по струнам.

*Немного теплее за стеклом, но в злые морозы
Вхожу в эти двери словно в сад июльских цветов
Я их так хочу согреть теплом, но белые розы
У всех на глазах я целовать и гладить готов
Белые розы, белые розы,
Беззащитны шипы.
Что с ними сделал снег и морозы,
Лед с витрин голубых?
Люди украсят вами свой праздник
Лишь на несколько дней
И оставляют вас умирать
На белом холодном окне.³¹*

– А ведь это тоже была эпоха! – заметил Денис, когда Юлька замолчала. Он улыбался, как, в общем-то и все остальные, едва распознав песню.

– Да, также как и «Modern Talking», – согласно кивнул Слава. – Мы правда среди сверстников тогда презирали всякое «диско», фанатели от «Скорпов», «Manowar» и «AC/DC», но у меня, например, была кассетка и тех, и других.

– И у меня, – чуть смущенно подал голос Сашка.

– И это говорит старый рокер! – не удержавшись воскликнула Вика.

– А что делать? Из песни слова не выкинешь!

– У Кинга в «Ярости» есть одна безбашенная мысль. Извините за грубость. «Если вы выbleвываете свое прошлое в момент, когда настоящее кажется еще хуже, то кое-что из блевотины может показаться съедобным».³²

– Фу! Виктория! – Славка сделал ужасное лицо и демонстративно прикрыл ладонью рот. – Ну как можно?

– Да, ладно, ты ваши штатовские фильмы посмотри, – вступился за Вику Денис. – Жопно-сортирный юмор. Излюбленная тема.

– Кроме того, верно ведь сказано, – заметил Гроб. – Даже та хрень, что раньше мы бы и слушать не стали, в наши дни обрела какую-то ценность, вытесненная бредом еще более бессмысленным.

– Ну ты сказал!

– Я серьезно. Что мы испытывали, если в восьмом классе слышали «Девочка моя синеглазая»? Мы говорили: «Какой отстой!» и хотели тут же заткнуть источник звука. А сейчас? Не знаю, кто как, но я испытал ностальгию, когда Белоусова, царство ему небесное, поставили по радио. Просто ностальгию. Так что...

– Не, ребята, вы совсем нюни распустили! – огласил свой вердикт Стас. – Знали бы вы тогда десять лет назад, что будете говорить такое.

– Подожди, хакер, не руби сгоряча, – сказала Тамара. – Дай им выплакаться.

– Да чего там плакаться! Для тех, кто умеет помнить, хорошая музыка существует всегда.

– А я бы сказал, – возразил ему Дэн. – Для тех, кто ищет, хорошая музыка существует всегда.

– А я бы сказал, что за хорошую музыку не грех и выпить! – громогласно заявил Гроб и был единогласно поддержан.

Через минуту Игорь огласил, что шашлык готов.

Волны с тихим плеском накатывались на берег, играя мелкими камешками. В свете луны вода блестела и переливалась, навевая мысли о вечности первородного океана. Схожесть еще более подчеркивали мириады звезд, раскинувшиеся в бездонной мгле над головой. Они с Сашкой сидели в сторонке от костра, на небольшой подстилке, в двух шагах от приboя, и смотрели в ночь. Позади торчали из земли два пустых шампура. Кто-то в качестве разнообразия включил в машине магнитола – Вике было лень смотреть кто – и из динамиков полилась негромкая музыка.

*Между мной и тобой тонкая нить
Между мной и тобой невидимый свет
Между мной и тобой не изменить
Я ищу столько лет потерянный рай*

*Между мной и тобой слез стена
Между мной и тобой... Я одна
Между мной и тобой потерянный рай
Между мной и тобой... Между мной и тобой...*

*Между мной и тобой тонкая нить
Между мной и тобой тумана река
Между мной и тобой... Между мной и тобой
Между мной и тобой... потерянный рай*³³

Вот так же и у меня есть свой потерянный рай, подумалось Вике. Так же, как и тумана река, раскинувшаяся между ней и Сашкой. И эту реку сейчас ей очень-очень хотелось переплыть. Впервые за несколько лет. И невидимый свет, о котором поется в песне, тоже хотелось вернуть, и вдоволь насладиться этим забытым ощущением счастья. Но прочные серые нити условностей и долга, прикрывающиеся звучным понятием «разум», были еще очень прочны. Они уже, конечно, не шли ни в какое сравнение с теми путями, что держали ее, когда она сделала шаг из такси, но

все равно... Как цепь на собаке, они допускали несколько шагов свободы, потом брали за глотку, и не просто так, а у самых истоков опальных желаний. Вика не знала, сможет ли до конца справиться со всем этим, но ей очень хотелось. Другое дело, не пожалеет ли она потом, как предостерегала Юля? Но ведь лучше сожалеть о сделанной глупости, чем о несделанной. И, вообще, она хотела просто быть счастливой. Разве есть в этом что-то предосудительное? Я ХОЧУ БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ!

И кто тебе мешает?

В том то и дело, что мешала Вике она сама. Сашка был рядом, стоило лишь решиться, и он мог быть ее где угодно, включая реальность. Но она могла быть с ним только здесь, в виртуальности. И только здесь она понимала, что безумно хочет этого.

И только здесь ее мечты могли осуществиться.

Незаметно рука Вики легла в Сашкину ладонь и он нежно сжал ее. Никогда до этого она не знала, как много может значить простое прикосновение. В нем чувствовалось тепло и уверенность, и еще что-то совсем забытое. По телу Вики пробежала едва уловимая дрожь, и чтобы совладать с собой она сказала:

– Классный был шашлык.

– А что, уже все съели? – Сашка глянул на опустевший костер. – Могу сделать еще, если тебя не смущает, что это просто иллюзия.

– Нет спасибо, – на самом деле ей было плевать на шашлык, хоть он и вправду был хорош.

– Открой секрет, как ты смог все это сделать. Как сделал их, – Вика перешла на шепот, – такими настоящими?

Несколько секунд Сашка пристально смотрел на нее. В его глазах отражалось пламя догорающего костра. Он словно решал, стоит ли говорить, и Вике от этого стало немного тревожно.

– Ты и вправду желаешь это знать?

Секунду она думала, потом уверенно кивнула:

– Да.

– Ладно. Ты имеешь полное право знать это. Но, прошу тебя, пойми все правильно...

– Говори, – внутри у Вики похолодело.

– С предисловием или по сути?

Вика вздохнула и выдавила из себя маленькую улыбку.

– Давай с предисловием.

– Помнишь, я рассказывал в чем суть виртуальности? В сочетании стимулятора мозга особой схемы и, собственно, компьютерных программ. И там, и там связь однонаправленная. Устройство, ну или программа, влияет на человека. Если же добавить в конструкцию обратную связь, то можно зафиксировать реакции человека на те или иные воздействия, выраженные комбинацией биомагнитных импульсов. Импульсы эти можно записать и перевести в некую систему, которая будет являться биокомпьютерной характеристикой человека. Иными словами виртуальным отражением. В этом есть что-то общее с прохождением тестов. Предоставь опытному психологу ответы на десятки, сотни таких, но, не развлекательных, а серьезных тестов, и он даст очень точную характеристику твоей личности.

– Я поняла, – в голове Вики что-то «щелкнуло». – То, что ты ляпнул тогда в воде – правда.

Отпираться не было смысла.

– Ну, в общем, да. Пятеро из восьми здесь присутствующих – виртуальная копия с живых людей.

– А остальные?

– Остальных я программировал «ручками».

– Кто остальные?

– Тома, Марина и Дэн.

– А второй ребенок, которого ожидает Марина?

– Это правда.

Секунду она осмысливала услышанное.

– Значит не одна я побывала в виртуальности?

Сашка вздохнул:

– В общем, да.

С этим нужно было справиться. Во-первых, копия сознания, о которой она думала некоторое время назад, все-таки была возможна и это будоражило сознание, хотя и было по-прежнему за гранью понимания, а, во-вторых, она не была единственной, кого Сашка приглашал вот так побыть с ним. Вика испытала приступ глупой ревности. Подумалось о том, что он был здесь и с Юлей. Показывал эльфов, сидел у костра. На миг Вике стало противно все окружающее. Она поднялась, но Сашка удержал ее за руку.

– Неужели ты не понимаешь, что все это только для тебя?

Его слова прозвучали так искренне, что Вика остановилась. Ей хотелось верить, что все это было так, но новая, не очень хорошая мысль, объявилась у нее в голове.

– Ты просто составляешь коллекцию друзей чтобы там у себя в Австралии нырнуть на часок, сбросить усталость, выпить виртуальной водки, потрепаться о музыке, заняться любовью. Теперь для этого у тебя есть и я?

По тому, что Сашка выпустил ее руку, Вика поняла, что сболтнула лишнее.

– Ничего ты не поняла, – тихо сказал он, обиженно опуская голову на поджатые колени. – Я как мальчишка пытаюсь очаровать тебя, что-то придумываю, лишь бы побыть рядом с тобой, лишь бы видеть свет в твоих глазах. Ночами думал, как сделать ту или иную мелочь, чтобы... А, что говорить! Ты права, я собрал коллекцию друзей, с которыми можно выпить рюмочку и поболтать, потому что ты же видишь – они живые, а я – один, на другом конце света. Но заниматься любовью... Жаль, что ты повернула все так.

Чувствуя себя чертовски виноватой, Вика снова присела рядом с Сашкой, провела рукой по его волосам. *Блин, ну, действительно, что ей неймется!?*

– Прости. Почему ты не сказал сразу?

– Разве это так важно, что кого-то я писал, сам подбирая реакции, обороты речи, внешний вид, а кого-то сосканировал из реальности.

– Но ты приглашал их сюда?

– Нет. Я снял матрицы через Игоря. Вместе с некоторым оборудованием в институт передали биоимпульсный сканер – тот же шлем, только узкоспециализированный, и на день кафедры под каким-то там предлогом Игореша провернул это дело. В качестве демонстрации гостям возможностей высоких технологий, я полагаю. «Снял кальку» с Михи, Юльки и себя.

– Ты им конечно ничего не сообщил?

– Я все рассказал Игорю, но он посоветовал ничего не говорить до проверки вирта. Проверка состоялась сегодня.

– А остальные?

– Слава и Стас были у меня в гостях. По одному. Мы погоняли на «формуле-1», искупались в океанском атолле. Виртуально, я имею в виду. Ну и...

Вика поняла, что больше так не может.

– Прости меня, Сашечка, – она обняла его съезжившуюся фигуру. – Прости, пожалуйста. Ладно?

В качестве ответа он снова взял ее за руку, положил голову ей на плечо. Грустно вздохнул.

– И много у тебя еще таких тайн? – спросила Вика.

– Осталась одна. Самая главная.

– Ну, – Вика нежно погладила Сашку по голове. – Скажешь?

– Не-а.

Вика усмехнулась.

– Почему-то я так и думала.

Они некоторое время молчали. Сзади доносилась музыка, спереди шелестел прибор. Наконец Сашка спросил:

– Почему у нас так тогда получилось, а?

– Наверное, мы были слишком молоды.

– Как думаешь, у нас хоть шансы были?

– Были, – Вика подивилась самой себе, с какой легкостью обсуждает закрытую доселе тему. – Тебе просто надо было быть смелее.

– А тебе – не молчать. Знаешь как это тяжело – догадываться, что ты думаешь на самом деле, чего именно хочешь.

– Разве ты не чувствовал?

– В том то и дело, что нет. Такое впечатление, что все женщины считают, что мужчина должен догадываться об их желаниях. Читать мысли. Но мы же не экстрасенсы. Мы простые. Расскажи, что ты чувствуешь, что думаешь, я расскажу, что чувствую и думаю я. Не нужно хранить все это в себе и рассчитывать, что твой партнер правильно распознает все намеки.

– И все равно ты...

– Струсил. Это ты хотела сказать? – Сашка покрутил в руке подобранный камешек и зашвырнул его в море. – Мне показалось, я стал тебе не нужен, вокруг тебя крутился Роман. Я хотел, чтобы ты сама решила, кого ты выбираешь, его или меня. Но ты все чего-то ждала. Я решил дать тебе время для выбора, несколько дней. Однако по истечении этого срока я получил в глаз от твоего нового ухажера и понял, что, видимо, опоздал.

– Ты бросил меня именно тогда, когда был больше всего нужен.

– Но почему ты не сказала мне об этом?

– Неужели ты не видел этого!?

– Опять двадцать пять!

– Ладно, давай закрывать эту тему.

– Давай, – Сашка развернул Вику и посмотрел ей в глаза. – Я люблю тебя. И всегда любил.

Вика замялась. Несмотря на то, что она уже как бы приготовилась услышать эти слова, сердце ее застучало сильнее. На секунду она как бы провалилась в какую-то яму.

– Знаешь, время от времени я оглядываюсь назад, и вновь и вновь понимаю, что сделал тогда самую большую в жизни ошибку. Мне казалось, что жизнь только начинается и – прости, буду откровенен – я думал, что еще встречу свою главную в жизни любовь, но время шло. Я так никого и не находил, а если и находил, то быстро понимал, что все это не то. Первая любовь и есть главная – вот что я понял.

– Не всегда.

– Ну, может, не всегда. Но в моем случае – точно.

– И что же нам делать теперь?

Сашка швырнул еще один камешек в воду.

– А чего ты хочешь?

Вика задумчиво сорвала травинку, покрутила ее в руках.

– Я хочу остаться здесь.

Где-то прокричала ночная птица. Травы шевелились под дуновением легкого бриза. Луна в россыпи звезд внимательно смотрела с небес. Юлька сходила, выключила кассету, и снова взяла в руки гитару.

– А еще я хочу купаться, – Вика с прищуром посмотрела на Сашку. – Пойдем?

– А если вода холодная?

– Я не дам тебе замерзнуть.

– Хм, – только и смог вымолвить Сашка.

Она поднялась и направилась к машине. Славик, красноватый от отблесков костра, окликнул ее:

– Вика, дыни хочешь?

Вика качнула головой:

– Не-а. Я иду купаться.

– Ну, как хочешь. Скоро ничего не останется.

Она переоделась в еще мокрый купальник и, стараясь не обращать внимания на пробившую тело дрожь, побежала к воде, где ее поджидал, стягивающий джинсы Сашка. Там он взял ее за руку и они шагнули в прибой. Позади них Юля запела:

*В этой комнате шалит ветер
И срывает со стены фото,
Где меня счастливей не встретить,
Где мне только полтора года...³⁴*

Вика никогда не слышала эту песню, ей захотелось послушать еще, но вода манила. Она оказалась гораздо теплее, чем ожидала Вика и она поспешила окунуться, чтобы избавиться от озноба. Было даже лучше, чем в первый раз. Вода приятно ласкала тело и она тут же согрелась. В свете луны волны таинственно мерцали, перекатываясь, и если вглядеться, то можно даже было увидеть дно. Вика плыла и Сашка плыл рядом, совсем рядом, иногда касаясь ее под водой, пробуждая в памяти зыбкое «дежа вю».

Неужели и это уже было?

В первое их с Сашкой купание они обсуждали вполне серьезные вещи и было не до этого, но сейчас она вспомнила...

Ветер дул с моря, и у берега болталось немало водорослей, но это были, право, пустяки. Оставив «тройку» с подложенными под колеса камешками, они разделись и вошли в воду. Миновав, пригнанную прибоем траву, остановились, и Сашка поцеловал ее на фоне солнечной дорожки. Вика почувствовала, как дрожь пробегает по телу, задерживаясь внизу живота. Вода вокруг шептала таинственные мантры, околдовывая, обостряя плотские чувства. Повинуясь молниеносно возникшему желанию, она обхватила его руками, а потом... и ногами. Прикосновение тел было так пьяняще, она никогда не думала, как это здорово, касаться его в воде, покачиваясь на волнах. Возбуждение вихрем завертело ее, и реальность просто отключилась.

Сейчас реальность тоже была отключена. Она осталась в лаборатории, за окном которой стонал зябкими ветрами ноябрь. А здесь...

...здесь стояло лето и теплые волны монотонно следовали мимо них к берегу.

...здесь Вика сражалась с воспоминаниями и тем, что они в ней будили. Ее сознание, она сама, словно разделилось на две части. Одна из последних сил взывала к благоразумию, вторая бежала от этого благоразумия. Тоже из последних сил.

Первая часть пока побеждала, вынуждая Вику по крайней мере плыть подальше от Сашки.

А вторая уже мысленно целиком и полностью была с ним.

Вика не сразу поняла это – то, что можно описать всего тремя словами, хотя и не очень романтичными, зато честными. То, что идет из сердца, проходя неизменным маршрутом через эрогенные зоны. То, что похоже на натянутую тетиву и вспышку молнии.

А еще на полноценную измену мужу.

Она хотела его.

Вика только сейчас осознала, как это все серьезно. Словно измученный тоской по обычному женскому счастью и чувством вины, маленький голодный зверек незаметно выбрался из сваленных в кучу воспоминаний и теперь ждал, когда же она решится, решится хотя бы сказать...

Господи, так совсем нельзя!

Но поток желаний все сильнее увлекал ее. Вика проплыла еще немного. В прямом и переносном смысле.

– Тут где-то был камень.

Если и Сашка уловил перемены в ее голосе, то совершенно не подал виду. А если и подал, то все равно мгла скрыла это. Вике показалось, что камень, на котором они сделали передышку и почти поссорились во время прошлого купания, находился немного дальше и левее, но неожиданно она почувствовала под ногами плоскую поросшую водорослями поверхность. Мелькнула мысль, что это сделал Сашка, но его прибор остался на берегу. Да, и в конечном итоге, это не имело значения.

Он подплыл к ней и тоже встал на камень. Вода доходила ему до середины груди. Широкие плечи поблескивали в лунном свете и... манили к себе. Продолжая бороться со своим вторым я, Вика сделала шаг навстречу. Море понимающе плескалось вокруг них.

Что я делаю?

Их руки встретились и несколько мгновений они наслаждались этим ощущением, воскрешая в памяти картинки из прошлого. И реальность, и виртуальность, и воспоминания – все смешалось, и словно куда-то пропало. Во всей вселенной существовали лишь они двое. Две потерявшиеся и вновь нашедшие друг друга души. Сашка обнял ее, нежно скользнув по влажным плечам, спине. Закрыв глаза, Вика потянулась к нему губами.

Что... Что я творю!?

Его губы пахли морем, чуточку вином (но совсем не так, как пахло зачастую от Романа) и имели заманчиво терпкий привкус. Еще, еще! Они целовались, и Вика чувствовала, как это возвращает ее в раннюю юность, когда поцелуи и ласки означали так много, когда до понятия «секс» иногда нужно было сделать не один шаг.

Один шаг...

НЕТ!

Она почувствовала телом его возбуждение и это на мгновение отрезвило ее. Но лишь на мгновение. Внутренние голоса тщетно звали к разуму. Она знала, что Сашка не пойдет против ее желаний, и это успокаивало. Но вот она сама... Бастион практически сдался. Осталась лишь последняя линия обороны.

Остановись! Остановись!

Повинуясь таки зову разума, Вика нехотя прервалась, продолжая существовать в каком-то локальном пространстве родных рук, плеч, губ. Внутри у нее все кипело.

С берега позвали. Для разрывающейся на части Вики, вернуться туда было спасением. Она хотела быть с Сашкой до конца, но понимала, что все еще не может. С трудом, переламывая себя, Вика расцепила объятия и, тяжело дыша, устала встать во тьму поверх его плеча. Как же крепки у нее эти пути верности! Разве достоин Роман этого? Она стояла, не в силах вымолвить ни слова. Сашка тоже молчал.

С берега позвали еще раз. Кажется, Гроб. Вика ладонью пригладила мокрые волосы. Она совсем потеряла счет времени. Ей показалось, прошло лишь пара мгновений. А, может быть, и вечность.

– Если бы знал, что о нас так будут беспокоиться, поставил бы блок.

Вика с трудом узнала его голос. В голосе была дрожь. Акцент полностью пропал.

– Мы ведь купаться пошли только пять минут назад, – сказала она.

– Купаться? – с иронией спросил Сашка.

– Ах, ты... хам!

Она попыталась шутя стукнуть его кулачком, но Сашка увернулся и, схватив Вика под водой, поднял на руки. Она испытала такое приятное чувство, когда оторвалась от земли, вернее дна. Ее держали сильные руки, тело ласкали пробегающие мимо волны. Было так хорошо. Вика обвила руками его шею и, повинуясь неукротимому импульсу, снова жадно впиалась в Сашку губами.

Ты не должна, не должна...

Остановись!

Внутренние голоса звучали уже тише, постепенно осознающие бессмысленность уговоров и увещаний. Но Вика уже так устала от них.

– Ладно, – она вновь коснулась ногами камня. – Поплыли?

Сашка молча последовал за ней.

Более-менее Вика пришла в себя лишь у самого берега. Возбуждение прошло, уступив место какому-то странному чувству нереальности происходящего. Учитывая то, что самой реальностью здесь и не пахло, чувство было более чем странным. Она ощущала легкость, бодрость, энергию, а еще – даже удивительно после всего, что произошло – силы сделать правильный выбор. Иногда – очень редко – у нее возникало подобное чувство окрыленности, но *это* было во сто крат сильнее. И к нему примешивалось глупое ощущение власти. Над собой что ли?

Вика плыла на свет костра как на магический маяк. Кто-то из ребят, видимо, подбросил в огонь немного дров и пламя теперь разгорелось с новой силой. Позади она слышала всплески от размашистых движений Сашкиных рук. Внезапно ей захотелось, чтобы пляж, на котором они устроили свой пикник, был песчаным. Раньше, глядя разные фильмы, она так мечтала об этом. Лежать на песке в волнах прибоя, оставлять следы, исчезающие в морской пене. Разве это не прекрасно? Она повернулась к догнавшему ее Сашке.

– А тут есть песчаный пляж?

– Там, за холмами и, кажется, немного прямо перед тобой.

Она не поверила, но тут же уперлась коленями во что-то мягкое. Песок. Прежней гальки и след простыл.

– Когда ты умудрился это сделать?

– Никогда. Он был здесь и раньше. Ты просто не замечала.

Вика не поверила, но спорить не стала. Пока. Вместо этого она разлеглась на песке у кромки прибоя, ласкаемая набегающими на берег волнами, как и мечтала, и окликнула:

– Миша, ты нас звал?

– Я не заметил, как вы пошли купаться, – Гроб вынырнул из темноты, чуть покачиваясь. – Виктория, а почему ты нам не пела?

– Пела?! – воскликнула Вика изумленно. – Я не умею петь!

– А помнишь, – подал голос Игорь, – когда-то ты пыталась научиться играть на гитаре...

Это она помнила. Сашка пытался научить ее, но терпения Вики хватило ненадолго.

– ...и однажды спела такую классную песню...

– Ага, – поддакнул Гроб. – Про горизонт.

Теперь она вспомнила. Идеей научиться игре на гитаре она загорелась сразу после знакомства с Сашкой. Подтолкнули ее, конечно, песни, которые он пел ей под аккомпанемент струн. Свои и чужие. Но, хотя природа вроде бы не обделила ее ни слухом, ни голосом, получалось у Вики не очень хорошо, и вскоре она забросила свою затею. Но, прежде чем это произошло, они с Сашкой вместе написали песню. Ту самую, что однажды, много лет спустя, она услышала во сне.

Да, теперь она все вспомнила, и удивилась тому, как вообще могла это забыть. Один из самых классных дней в ее жизни. Их дружба только начиналась. На землю падал последний снег, тихо ложась на февральскую землю. До весны оставалось совсем чуть-чуть. Он пришел к ней в гости с вкусными пирожными и мандаринами. Мама сделала им чай, а потом на фоне летящих с белого неба снежинок, беспечно прячущих неясную даль, и родилась эта песня. Нет, ну как она могла *это* забыть!? И потом, когда Сашка приснился ей на берегу, она тоже не вспомнила, откуда эти слова. А ведь они были написаны ими. В день, который казалось, был наполнен волшебством и гармонией.

В одно мгновение она припомнила и детали. Измазанные пирожным губы, неугомонные люди, чистящие ковры во дворе, потом прогулка по парку, летящие с молочного неба снежинки, болтовня про иные миры, которые находятся совсем рядом и... эта песня.

Вика выскочила из воды, и не замечая ночной прохлады, побежала к «лагерю». Дэн и Юлька куда-то пропали, остальные были здесь. Славка со Стасом говорили о машинах. Тома, закутавшись в ветровку сидела у костра, подбрасывая туда веточки. Марина и Игорь все еще сидели у «стола». Гитара стояла прислоненная к «Бумеру» Михи. Вика схватила ее и плюхнулась на ближайшую подстилку. Руки ее забегали по струнам, вспоминая, а то и неожиданно получая какие-то новые знания. С невозмутимым видом сзади подошел Сашка и накинул ей на плечи большое полотенце. Гроб вернулся от воды и сел прямо перед ней. До последней секунды Вика не верила, что у нее получится. Все, что она когда-то знала – десяток аккордов и то, это «когда-то» было семь, ну, шесть лет назад. Так не бывает. Даже в виртуальности нельзя чему-то научиться, если ты не умеешь это – так она думала. Но руки сами заняли нужные позиции, в голове выстроились слова. Она начала, вначале робко, но смелея с каждой секундой.

Мы все идем в горизонт

Ведь все дороги ведут нас только туда

*Там, где небо взлет
Где после корня и стебля сразу звезда
На ходу оглянись
Что увидишь ты там?
Свои же следы
Не пугайся, не злись
Это правда. Есть только
Дорога и ты.*

*Мы все идем в горизонт
А времени – только жизнь; нам бы не опоздать
Направление – вперед
И значит враг даже тот,
Кто нам крикнет «Стоять!»
Каждый в страхе своем
Ведь на этом пути страшно и горячо
Но если небо твое
Упадет на тебя, я подставлю плечо*

*Я просто рядом с тобой
Не спрашивай почему
Я не знаю сама
Ты не любишь покой
А я всегда ненавидела слово «всегда»
Угадать не дано, что нас ждет впереди
Может, ты уйдешь вверх
Я точно знаю одно:
Что если мы выйдем к морю
Я пойду по воде³⁵*

– Послушай, но как это возможно? – В голове Вики все еще звучала эта музыка. – Я никогда не умела играть и совсем не помнила эту песню...

Они снова сидели у воды в сторонке от всех. Сашка потягивал «спрайт» из бутылки.

– Это виртуальность. Тут исполняются желания.

– Но я вовсе не желала петь.

Сашка усмехнулся.

– Ну, может быть, я желал.

– Что!?

– Ладно-ладно, шучу.

– Шуточки у тебя!

Вика отвернулась, возвращаясь к происшедшему. Когда она пела, никто не проронил ни слова. Все слушали затаив дыхание. И больше всего слушала себя Вика. К ее величайшему удивлению она ни разу не запнулась. Руки сами занимали позиции на струнах, слова легко всплывали из памяти. Это было до чертиков странно. Когда она закончила, раздались аплодисменты. А Гроб даже поцеловал ей руку.

– Ты вообще ничего не хочешь мне сказать? – Вика снова повернулась к Сашке.

– Хочу. – Сашка улыбнулся. Она разглядела эту улыбку в тусклом свете луны. – Я хочу сказать, что люблю тебя.

Вика обречено вздохнула.

– Тогда, – торопливо сказала она, стараясь успеть прежде, чем ненавистные сомнения одолеют ее, – покажи мне тот песчаный пляж, о котором ты говорил.

– Пляж? Запросто.

Что ж, вот крепость и вывесила белый флаг, подумала Вика и сердце ее забилось быстрее. Песня, которую она пела пять минут назад, все продолжала вертеться у нее в голове.

Мы все идем в горизонт...

Глава 13

Сашка захватил початую бутылку вина и они отправились вдоль берега. Волны шуршали галькой. Пена лизала босые ноги. На воде дрожала лунная дорожка.

Пройдя немного по берегу, Вика услышала голоса. Мужской и женский. Догадаться, кому они принадлежат, не составляло труда. Ускользнувшим из лагеря, разумеется.

– Понимаешь, я не знаю в чем причина, – говорил Денис, – но мне так быстро наскучивают любовные отношения. Нет, я не бабник, поверь. Просто... Как бы тебе объяснить? Мне не нравятся первые свидания – это сплошное напряжение и выпендрож. Я ненавижу чем все всегда заканчивается – скучной заезженной обыденностью. Но то, что происходит в промежутке – вот изюминка! Ты узнаешь девушку, ее взгляды на окружающее, на жизнь, на мужчин, в конце концов, она узнает тебя. Эти яркие взгляды... Первый поцелуй, первые объятия, первый секс... Какой процесс! Каждая совместно проведенная минута чем-то заполнена. Происходит познание новой души, интересной, неповторимой. Это трудно описать, Юля.

– Я понимаю. Сдается мне, это живет почти в каждом мужчине. Жажда новизны. Просто не всякий осмелится говорить об этом.

«Все та же утешитель Степанова, – подумала Вика, – к которой приходят поплакаться в жилетку». Они подошли поближе, по-прежнему пока незамеченные, и в лунном свете она разглядела, что Дэн лежит на спине, положив голову Юле на колени. «Или на этот раз дело не только в добром участии?»

– А, может быть, я просто ищу кого-то, чей внутренний мир никогда мне не наскучит.

– А такая существует, Дениска?

– Не знаю. Ты почти такая, только твой мир для меня слишком ярок. Знаешь, еще в школе, я начал делить людей на ярких и тусклых. Яркие – это те, кто умеет творить, имеет хобби, просто интересный человек по взглядам. Я очень старался все время не быть «серым», не быть тусклым, но так и не приблизился к по-настоящему ярким людям. Порой это так тяжело, когда...

Денис продолжал говорить, не замечая проходящих мимо Вика и Сашку. Однако Юля увидела их и кивнула.

– Ты хорошо пела, – сказала она.

Вике показалось, что Юля не произносила этих слов вслух, хотя бы по той простой причине, что Денис при этом не умолк ни на секунду, рассказывая про придуманную «тусклость». Поэтому она ответила тоже мысленно, почему-то совершенно не удивляясь, что поступает так:

– Спасибо.

– Я вижу ты все решила. – Юля смотрела в ее сторону, и в лунном свете было видно, что губы ее действительно не шевелятся. Завороженная Вика послала ей свой ответ.

– Я до сих пор не знаю.

– В любом случае желаю удачи.

– Тебе тоже.

Вика услышала мысленный смех.

– Спасибо. Но я знаю все, что мне предназначено. Прощай.

– Прощай, – Ей не хотелось произносить это слово, но оно само вырвалось у нее. Мысли нельзя контролировать как слова.

Вика увидела, что Юлькин силуэт прощально поднял руку. И в тот момент она поняла, что возврата не будет. При любом исходе.

Когда они с Сашкой отошли на порядочное расстояние, она осмелилась спросить:

– Ты слышал *это*?

– Я чувствовал, что вы общаетесь, но не разобрал слов.

- Так значит телепатия возможна?
- Здесь многое возможно.
- В этом вирте или во всей виртуальности?
- *Здесь*. Просто здесь.

Он замолчал, предоставив Вике подумать над его словами на фоне бесконечного плеска волн. Они прошли еще немного.

- И все-таки телепатия... – Вика не могла успокоиться. – Поразительно.
- А меня поразило другое. Они совершенствуются.
- Кто они?

– Все. И матрицы, снятые с настоящих людей и программы. Этот монолог Дэна... Это именно *его* переживания. Я не вкладывал в него ничего такого.

– Ты удивлен?

– Я знал, что матрицы могут приобретать какие-то навыки, меняться, особенно если они сняты по полному входному спектру. Я даже наблюдал это. Но программы... Представь, ты садишь сорванную с дерева веточку в удобренную землю. Она прорастает. Нормально. Но воткни туда какой-нибудь веник, икебану. Велики ее шансы пустить корни? Дурацкое, конечно сравнение, но какое есть.

- А они такими и останутся если войти в этот вирт вновь?
- Будут ли они, к примеру, помнить нашу прежнюю встречу?
- Да.

– А тут, Вича, как ты захочешь. Можешь сделать *save*, можешь загрузиться с нуля. Как в любой игре.

– Да, в этом ключе выражение «жизнь – игра» приобретает новый смысл.

– Возможно.

Костер остался далеко позади. Впереди простиралась тьма без единого огонька. *Лишь луна*, как с выражением пелось в какой-то забытой песне...³⁶ Вика спросила:

- Ты не боишься?
- Чего?

– Не знаю. Как в фильмах. Что-нибудь случится, выйдет из-под контроля. Компьютерные пришельцы завоюют мир, люди окажется в наркотической зависимости от виртуальности. Сделанные тобой клоны полностью утратят человечность. Что угодно.

– А ты веришь, что Славик может превратиться в кровожадного монстра. Или Юлька? Или Гроб?

– Нет... Но вы же создаете новый мир, – не унималась Вика. – Огромный, безграничный, в котором может быть что угодно, и не всегда это будет со знаком «плюс». Неужели не страшно стоять у порога вселенной?

Сашка не ответил. Он остановился и задумчиво приложился к бутылке вина, вытер губы тыльной стороной ладони. Вике не понравился этот жест, напомнивший ей Романа, но она, сама проигнорировавшая стаканы когда они собирались, промолчала. Да и не настолько это было важно. Сашка в этот миг был таким серьезным.

– Ты бы хотела иметь под рукой вечное лето? – наконец спросил он через минуту. – Даже не иметь, нет. Жить в нем.

Вика ответила вопросом на вопрос:

- Как насчет Чижа – «*Вечное лето – это тоже скучно*»³⁷?
- Ты согласна с этим?

– Не знаю. Лето так быстро пролетает, чтобы успеть соскучиться по желтым листьям или снегопаду. Оно не успевает надоесть.

– Но что для тебя лето?

Вика вздохнула.

– Многое. Очень многое. Когда-то – свобода. Сейчас – просто отдых, это прежде всего. Ожидание радости, тепла, чего-то хорошего. Можно выбраться на природу, съездить на море. Походить по дому в одном легком халате, наконец.

– Или без него, – мечтательно подсказал Сашка.

– Может и так.
– Короче, лето – это то, что ты любишь больше всего, чего ждешь, о чем мечтаешь.
– Ну, если обобщить, то можно сказать и так.
– Отдых ты сказала, прежде всего?
– Ну, да. Возможность отдохнуть от холодов, почувствовать себя человеком. Конечно, реально обычно получается не так, как планируешь, появляются бесконечные дела, но все-таки лето...

– Но все-таки лето... – Сашка жадно ухватился за ее последние слова и стал продолжать, продолжать... – Жаркий ветер на щеке, вкус земляники на губах, звезды в небе, касание теплой воды... Лето... Оно уходит так быстро, что не успеваешь крикнуть "постой!" И кажется, долго кажется, что оно еще здесь. В кончиках пальцев – память, память о лете. Дрожью, судорогой, головой вскинутой навстречу дождю, тихим смехом и случайной улыбкой – лето... Все-таки лето. Тебе говорят, что оно уже ушло, но ты ищешь его следы, бежишь, опаздываешь, не успеваешь... Но все-таки лето. И ты идешь по его тающим следам... Два часа в машине, три часа на самолете немного пешком – поехали! Куда – не знаю. Приедем. Все ради лета. Маленького-премаленького. Робкого кусочка отставшего лета. А больше и не надо, иначе умрешь от тепла... Лето... Дайте мне мой кусочек лета... А он и так со мной. Навсегда. Мое лето. Какое было, какое есть, какое будет. Лето навсегда! Я ведь помню, как оно уходит. Как желтое солнце плавится в алый закат. Как ветер начинает пахнуть снегом. Я улыбался ветру. Я просил его: "Подожди!" Чуть-чуть! Оставь мне немножко лета! А ветер видел таких, как я, не раз. Пока было тепло – он не спорил со мной. Но стало холодно, и ветер прошептал: "Лето кончилось". Я поверил не сразу. Но лето кончилось. Пошел дождь. Холодный, унылый, серый. Я протянул руку и поймал каплю воды. Мне не понравилось отражение. "Это не я!" – сказал я воде. Но капля застыла крупинкой льда. И я понял, что это – мое отражение. И самое страшное – оно не тает на моей ладони. Значит, ладонь не теплее льда. И вот тогда я понял – лето кончилось.

Вика долго молчала, не в силах вымолвить ни слова. Наконец она преодолела немоту.

– Что это, Сашенька? Так... здорово!

– Лукьяненко. «Фальшивые зеркала». Тебе нравится?

– Да.

– Виртуальность – это лето. Не потому, что летом тепло – жара не всем нравится. Лето как время счастья, время исполнения желаний. Вспомни, как ждали мы в детстве самых длинных каникул. Я понимаю, что очень многие захотят попасть в это вечное лето и оборвать за собой все нити. Это страшно, и этого я боюсь, но сколько пользы и радости может принести виртуальность людям, – он замолчал на миг, потом закончил. – В любом случае уже ничего не изменить. Процесс идет.

– Интересно, во что превратится мир лет через десять, двадцать?

– Знаешь, меня больше волнует, во что превратится *наш* мир.

Вика не поняла, имел ли Сашка в виду виртуальность или непосредственно их самих, но спрашивать не стала. Вместо этого она взяла его за руку.

Они прошли еще немного, перевалили через холм, и Вика наконец почувствовала под ногами мягкий песок, через который вначале кое-где пробивалась трава. Потом трава исчезла и осталась только приятная нежность, которая щекотала пятки. В голове у Вики роились сотни мыслей, но многие она даже не могла оформить в слова. Она чувствовала, что вокруг нее что-то меняется, меняется и она сама, взять хотя бы этот случай с телепатией – это было настолько неожиданно, ново, необычно. И вместе с тем ей было так хорошо и спокойно, как никогда. Создавалось такое впечатление, будто в ней сосуществует два слоя чувств. И в сознании ютились тоже два человека. Одна – скованная рамками условностей и гипертрофированным чувством ненужной совести дама, другая – уставшая девочка, мечтающая о свободе и счастье. Поначалу девочка пыталась бороться с дамой, заставить ее замолчать, но теперь она понимала, что они важны ей обе – две стороны ее «я». Ей не хотелось рвать себя на части, но и возвращаться в опостылевшую тюрьму действительности, которая ждет ее там, в холодном ноябре, и в которой не было ничего, кроме больных сомнений и страха, она тоже не хотела. Похоже, виртуальность сделала ее терпимее. Могла ли она сделать ее счастливой?

Кое-что в связи с этим Вика очень хотела знать.

– Саша, – спросила она после некоторого молчания, – а что чувствуют эти «клоны»?

– То же, что и мы. Ни больше, ни меньше. Радость, печаль, восторг, страх – то же.

– Но их мир совершенно другой.

– Ну и что? Разве тебе показались чужими все те, с кем мы были?

– Ну, может быть, они чувствуют больше, чем мы, видят все в другом свете?

– Мне трудно говорить наверняка. Может быть, так и есть, но, поверь, в них нет ничего чуждого. Безусловно виртуальность меняет их, но не настолько, чтобы это пугало. У них совершенно человеческая сущность, душа.

– А... Они счастливы?

Это был самый сложный вопрос. Вика догадывалась, что Сашка не знает на него ответа, но ей было все-таки важно, что он скажет. И он сказал:

– Когда человек может сам вершить свою судьбу, мне кажется, он счастлив.

– А они могут? – Виртуальность прежде всего ассоциировалась у нее с компьютером, а тот в свою очередь – с непоколебимыми законами логики, алгоритмов, программ, короче *несвободы*. Не верилось, что программа, ну, пусть производная программы, способна самостоятельно мыслить, существовать, вершить свою судьбу.

– Могут, – в голосе Сашки чувствовалась уверенность. – Они не скованы никакими рамками. Никто не оказывает на них давления. Ни семья, ни работа, ни общество.

– Но ты стал сам себе противоречить. Как они могут быть свободными, если действуют по программе?

Даже в темноте Вика ощутила, как Сашка замялся. Похоже она затронула что-то связанное с той последней тайной, которую он не спешил ей открыть.

– Понимаешь, это тонкий вопрос. Гномы и эльфы в Средиземье действуют по программе. Здесь же те, кого я создал, нет, не *создал*, просто *перенес* из реальности в меру своих способностей и технических возможностей. Они полностью самостоятельны сами по себе и полностью самостоятельны в условиях этого вирта. Вот, что я имел в виду. Если кто-то из них захочет что-то сделать, искупаться, выпить, даже уйти, он это сделает.

– Но ты же можешь управлять ими?

– Мог. Поначалу. Но я отключил эту возможность. Быть кукловодом неприятно. И тогда бы ты никогда не приняла их за настоящих людей.

– А что будет с этим миром, если мы выйдем из программы?

– Он... останется.

Вика побоялась уточнить, в каком виде. В виде электронных сигналов на определенном носителе или такой, как сейчас – живой, настоящий. Вика почему-то была уверена, что Сашка имел в виду второе.

– Это и есть твоя тайна? – спросила она.

– Нет, но если ты хочешь, я расскажу...

– Не надо, – Они остановились у кромки прибора и Вика закрыла ему ладонью рот. – Молчи.

Ей, хотелось, конечно, услышать, что это за тайна, а еще очень хотелось узнать, есть ли способ оставить свое «я» в снятой с сознания матрице, чтобы... остаться навсегда здесь, с ним, но сейчас было не время спрашивать об этом. Время для другого...

Волна коснулась ее ног, теплая, неземная. Вика протянула руки и обняла Сашку за шею. Секунда – и их губы встретились. Вначале робко, потом со все нарастающей страстью. Он крепко обнял ее, прижимая к себе. Бутылка выскользнула из рук и с тупым звуком упала в песок. Вика ощутила его нежные руки у себя на спине, затем они переместились ниже. Она почувствовала, как растет его возбуждение. На этот раз это не испугало, а наоборот, лишь еще больше завело ее. Земля под ногами покачнулась...

Волшебное время длилось несколько секунд, потом ядовитые язычки с того берега реальности вновь прокрались к ней в голову.

Как ты будешь смотреть в глаза Роману? Как будешь жить со своей порочностью?

Она уже думала, что справилась со всем. Она хотела быть с Сашкой, наплевав на все. Дело было решенное. Но дама внутри нее не собиралась ослаблять хватку.

Сашка продолжал ласкать ее и она отвечала на его ласки, но разум, в котором продолжалась эта борьба, уже невозможно было отключить. А ей так хотелось отрешиться абсолютно от всего.

Остановись, не делай этот последний шаг!

А, может и вправду? Сказок не бывает, ей придется вернуться в прежнюю жизнь, жить с Романом, делить с ним кров и постель. Подумалось, что она никогда не сможет подать на развод, вспомнилась «Мареновая роза».³⁸ На душе стало так тошно.

Ну, зачем, зачем он разбудил меня?

Они уже опустились на песок. Вика даже не осознала, как это произошло. Кофта была отброшена в сторону. Волны плескались совсем рядом.

Напряжение нарастало. Как в движениях и дыхании Сашки, так и у нее в голове. Вика не могла жить только настоящей минутой. Пыталась изо всех сил, но не могла. Именно сейчас, когда это было необходимо, когда это было компромиссом и спасением. Любить его сейчас, не задумываясь ни о чем, ни о будущем, ни о прошлом, ни о жизни, загнавшей ее в капкан противоречий и парадоксов, ни о законах мироздания, которые она хотела нарушить так же, как нарушала ее сама *виртуальность* и то, что стояло за ней. О, за ней определенно что-то стояло, это без сомнений, но Вика поняла, что ей никогда не узнать это.

Ну, что же ты...

Она запуталась. Руки Сашки замерли, он почувствовал, что с Викой что-то происходит. Он всегда мог это почувствовать...

– Вич, что с тобой?

Вика почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Казалось, что может быть проще, вернуться в реальность, сбежать от Романа с Сашкой куда-нибудь на край света, где есть пустыни и кенгуру, и где лето наступает в декабре (как раз скоро). Или... Что может быть проще, отдаться своим чувствам сейчас, в этот миг, насладиться этим волшебным днем в полной мере, выпить его без остатка и, вернувшись, хранить его в уголке сознания и надеяться когда-нибудь повторить это. Но Вика не могла сделать ни того, ни другого. Так не лучше ли вообще не мучить себя тщетными попытками близости, которая окутана мерзким саваном вины и страха. Предохранитель в ее голове начал плавиться. Предохранитель... Какое, однако название, какой смысл...

– Вика?

Беги!

Все ее естество вдруг словно взорвалось. Слезы потекли по щекам. Почему она не может просто жить, как живут другие, почему даже тот лучик света, который дарит ей судьба, она разлагает на составляющие, запирает в призму сомнений!?

Беги. Беги.

Без возврата и даже без золота воспоминаний

Разорвав навсегда паутину тоски и страданий

От любви, от мечты, от Него

*Беги!*³⁹

Почему!?! Почему!?! Почему!?!

Вика поняла, что больше ей не выдержать этой пытки. Оттолкнув Сашку, она до боли схватила себя за бровь. Поначалу она не ощущала под пальцами ничего, кроме своей плоти, но потом, в иступлении сосредоточившись, ей показалось, что она чувствует ее, вещь из другого измерения, спасительный предмет и одновременно черную метку всей ее последующей жизни. Сцепив зубы, Вика дернула перемычку, и пришедшая вместе с болью тьма в тысячу раз плотнее ночи, поглотила ее.

Губы попытались сказать «Прощай» всей окружавшей ее вселенной, друзьям, и Сашке в частности, но все потонуло в истошном всхлипе.

Последнее, что запомнила Вика, была волна, окатившая ее брызгами с ног до головы.

Она очнулась в лаборатории, крепко сжимая в руке П-образную перемычку аварийного выхода. На дисплее алым цветом мигала надпись «ERROR EXIT». Вика рывком сорвала с себя шлем и нервно принялась стягивать костюм. Онемевшее тело плохо слушалось. Хотелось в туалет. Взглянув на часы, она обнаружила, что провела в виртуальности почти пять часов. Много, но меньше, чем казалось. Сейчас было начало шестого. Мелькнула мысль, что если поторопиться, она вполне может успеть домой до прихода Романа. Тогда, вполне возможно, он даже ничего не заподозрит. Предстоит, правда еще как-нибудь помириться с ним...

Всхлипывая, она наконец справилась с костюмом, не заботясь бросив его на пол. В углу на вешалке висел ее свитер и пальто, под ним – сапоги. Вика стала одеваться, сердце ее гулко стучало. Она пыталась делать все быстрее, стены лаборатории, все это оборудование, давило на нее. Она чувствовала себя пленницей этого мира, который казался ей теперь еще более чуждым, чем прежде.

А еще она хотела успеть прежде, чем выйдет из виртуальности Сашка. Маловероятно, конечно, но...

Вика шмыгнула носом. Ничего у нее не получилось. Судьба дала ей шанс, но она не воспользовалась им. Не смогла. Это так больно резало душу. Она ненавидела себя за слабость, нерешительность, но теперь уж ничего нельзя было поделать. С тем, что было, ей придется жить. Вика заплакала с новой силой, бездумно растирая тушь по лицу. Она чувствовала холод, проникающий во все потаенные уголки ее естества, серую тоску и еще что-то. Пустоту. Пустоту внутри. Воспоминания, которые грели ее в последние дни, как-то сразу померкли, утратили цвета, словно это было не с ней. Да и память о том, что происходило еще совсем недавно в виртуальности, тоже претерпевала изменения. Сочность и живость событий, радостные переживания ускользали как вода сквозь сито, а неприятный осадок неправильности, боли и необратимости оставался.

С этим ей теперь придется жить. Не верить, не думать, не вспоминать...

Практически наощупь из-за льющихся из глаз слез, Вика застегнула молнии на сапогах и выскочила из комнаты, на ходу одевая пальто. Открывая дверь, она внутренне напряглась, ожидая увидеть спешащего к ней Сашку, но коридор за дверью оказался пуст. Бросив холодный прощальный взгляд через плечо, Вика заспешила прочь.

Кое-как стерев платком тушь под глазами, она пронеслась мимо (слава Богу!) пустого вахтерского места и выскочила в промозглые ноябрьские сумерки.

Вплоть до дома ее не покидало ощущение, что сегодня она потеряла очень дорогую и важную часть себя.

Глава 14

– Вич, что с тобой?

Вика почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Казалось, что может быть проще, вернуться в реальность, сбежать от Романа с Сашкой куда-нибудь на край света, где есть пустыни и кенгуру, и где лето наступает в декабре (как раз скоро). А еще можно было отдаться своим чувствам сейчас, в этот миг, насладиться этим волшебным днем в полной мере, выпить его без остатка и, вернувшись, хранить его в уголке сознания и надеяться, когда-нибудь повторить это. Но Вика не хотела ни того, ни другого. Тогда не лучше ли вообще не мучить себя тщетными попытками близости, которая окутана мерзким саваном вины и страха. Ведь третьего не дано. Или... Предохранитель в ее голове начал плавиться. Предохранитель... Какое, однако название, какой смысл...

– Вика? Вика?

Вика вздрогнула, будто выплыв из тумана. Только сейчас до нее дошло, что Сашка зовет ее. Несколько мгновений ей было не по себе, она словно жила двойной жизнью, потом это странное ощущение исчезло. И вместе с этим ощущением куда-то пропали все сомнения, что

терзали ее прежде. Она словно очнулась от какого-то наваждения. Рядом был ее любимый и ее вселенная. Разве что-то могло помешать им быть вместе?

– Вика, все в порядке? – снова спросил Сашка. На этот раз его голос звучал спокойнее.

– Да. Я хочу тебя, – теперь не было никакого смысла это скрывать. – Я хочу тебя без ума.

Она нашла его губы, долго целовала их, потом принялась стягивать с Сашки одежду.

Спустя секунду волна окатила их брызгами с ног до головы.

Глава 15

Солнце неторопливо выползло из тумана. Это был даже не туман, а какая-то невесомая белесая дымка, колышущаяся над землей. В некоторых местах она была тоньше и через нее просвечивало небо – нежно голубое, почти белое, похожее на молоко, в которое добавили пару капель чернил. Где-то в стороне, приглушенное расстоянием, плескалось море. Повсюду пахло волшебной свежестью, росой и неизвестными цветами.

Вика лежала, положив голову на плечо Сашке и наблюдала за игрой света в пелене тумана. Она никогда не видела такого. Расплывчатые пятна, мягкие переливы, солнечные зайчики – все было так необычно и красиво. Вот дымка тумана немного расступилась и она увидела радугу, потом рядом еще одну. И еще. Белое покрывало медленно сползло с мира, открывая его краски. Он словно родился из белой мягкой скорлупы.

– С добрым утром, мир! – сказала Вика. Или подумала – теперь это было одно и то же.

– С добрым утром, милая, – в унисон ей отозвался Сашка. – И с Днем Рождения!

– Вот, оказывается, что значит быть клоном...

– Почему ты решила, что клоны *мы*? Как ты себя чувствуешь?

Вика задумалась. Ее заполнили миллионы новых ощущений, яркие, сочные, многогранные. Для описания их не хватило бы вечности. И хотя в их распоряжении теперь было больше, чем вечность, она ограничилась одним словом:

– Счастливой, Сашенька. Я чувствую себя СЧАСТЛИВОЙ!

– Здорово!

– Послушай, а нас не... отформатируют?

Сашка рассмеялся.

– Разве ты еще не поняла, что это другая вселенная?

– Так вот значит какую тайну ты оставил на закуску.

Сашка кивнул.

– И то, что я вдруг вспомнила вчера эту песню связано с этим?

– Да, и это, и еще многие странности, что были вчера. К примеру то, как ты делала себе песчаный пляж.

– Я?

– Ты. И я. Мы вместе. Мы теперь всегда будем вместе.

– Как когда-то? – спросила Вика, припоминая, что-то такое смутное, нереальное, связанное с тем, как легко она ко всему привыкала.

– Да, как когда-то.

Он встал, и она встала тоже. Туман почти весь растворился, обнажив цветущий луг, море и манящую линию горизонта за ним.

– Куда мы теперь?

Сашка взял Вику за руку и сказал:

– Вперед.

И они шагнули по направлению к горизонту.

* * *

- Две высокие фигуры стояли на цветущем холме.*
- Ну, что ж, Инспектор, значит у него все-таки получилось?*
 - Да, Координатор, Это исключительный случай, но он дает надежду, что мы сможем вернуть и других исследователей.*
 - Вернуть откуда, напомните мне?*
 - Этот мир, некоторое время назад открытый нашими учеными. Он называется Земля. Четыре измерения, выход в космос и очень сложные законы социума. Исследователи, отправлявшиеся туда, вселялись в тела местных жителей, в их сознание. Но разум аборигенов просто впитывал в себя их сущность, они забывали, кем являлись. За всю историю исследований вернулись лишь единицы, и то случайно, когда случалось что-то экстренное с их тамошним телом. Состояние вернувшихся было очень плохим и требовались огромные усилия, чтобы восстановить все их функции.*
 - Эти двое тоже были исследователями?*
 - Да, мы считали, любовь, которую они испытывали до эксперимента, поможет им выстоять, не утратить себя. Но нас снова постигла неудача. Тори забыла, кем является, и они на долгое время вообще потеряли друг друга.*
 - А он?*
 - Лекс был близок к полной амнезии, но выстоял и сумел вытащить ее каким-то особым способом. Тори, придется, конечно, многое вспомнить, это будет непросто, но по крайней мере обойдется без психозов и травм, как с остальными.*
 - А этот мир не будет опасен, когда мы наладим с ними контакт?*
 - Земля открывает второй десяток миров, с которыми мы наладили или налаживаем дипломатические отношения. Быть может, с ней будет посложнее, но терпения нам не занимать. Впрочем, Координатор, мне ли Вам это рассказывать?*
 - Да, пожалуй. Что ж, Инспектор, мои поздравления! Позаботьтесь, чтобы с ними отныне все было хорошо.*
- Они смотрели на берег бескрайнего океана, где двое шагали в живом сиянии света.*

Февраль 2000 – октябрь 2001
Август 2006

Ссылки:

1. «Но если есть в кармане пачка сигарет, значит все не так уж плохо на сегодняшний день...» - Кино, «Пачка сигарет».
2. «Рок-н-ролл мертв, а мы еще нет.» - Аквариум, «Рок-н-ролл мертв».
3. Гражданская оборона, «Все идет по плану».
4. Крематорий, «Последний шанс».
5. «Страна поет им рок-н-рольные песни» - ДДТ, «Пацаны»
6. Крематорий, «Последний шанс».
7. А.Башлачев, «Время колокольчиков»
8. «Эта музыка будет вечной, нужно лишь заменить батарейки» - Наутилус, «Эта музыка будет вечной».
9. «Это наш сумбурный still life» - Чиж, «Still Life»
10. «Все это рок-н-ролл» - Алиса, «Все это рок-н-ролл».
11. Ольга Тишина, «Горизонт».
12. Стихотворение автора
13. Смысловые галлюцинации, «Розовые очки»
14. Кино, «Застоялся мой поезд».
15. Стихотворение автора
16. Стихотворение В.Неграша
17. В фильме машина Дока для перемещения во времени должна была разогнаться до 88 миль/час. Иногда такому разгону мешала местность или какая-то отдельная преграда. Но это не останавливало героев, так как в том времени, куда они отправлялись, преграда отсутствовала.
18. Ария, «Герой асфальта»
19. Евгений Велтистов. «Золотые весла времени, или «Уйди-уйди». Повесть.
20. Стихотворение автора
21. Чай-ф, «Время не ждет»
22. О.Митяев, «Прохожий»
23. Ю.Энтин, «Крылатые качели»
24. Альфред Бестер «Время - предатель»
25. То же, что и 24
26. Наутилус, «Падший ангел»
27. Стихотворение автора
28. Ольга Тишина, «Дикий мед»
29. Чай-ф, «Никто не услышит»
30. Калинов мост, «Улетай»
31. Ласковый май, «Белые розы»
32. Стивен Кинг, «Ярость»
33. ТТ, «Потерянный рай»
34. Татьяна Королёва, «Закрываю за собой двери»
35. Ольга Тишина, «Горизонт»
36. TequilaJazz, «Самолет»
37. Чиж, «Дверь в лето»
38. «Мареновая роза» - Роман С.Кинга, основной линией сюжета которого явился побег героини от мужа-деспота.
39. Стихотворение автора